ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

6

Г.М. КАТКОВ

ДЕЛО КОРНИЛОВА

ИНРИ

6

ДЕЛО КОРНИЛОВА

YMCA
PRESS

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Под общей редакцией

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

6

Г.М. КАТКОВ

ДЕЛО КОРНИЛОВА

Перевод с английского Н. Г. Росса

ПАРИЖ • 1987

ISBN 2-85065-100-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге "Февральская революция".[1] мы стремились дать документальное изложение событий, приведших к отречению последнего российского императора Николая II и закончившихся образованием Временного правительства. Это правительство состояло, главным образом, из политических деятелей либерального толка – членов Четвертой Думы[2] и одного социалиста, объявившего себя представителем революционных масс столицы – А.Ф. Керенского.

Большинство населения, всех социальных слоев, всех уровней образования, отнеслось к этому правительству (которое фактически назначило само себя и члены которого, с точки зрения легальности, могут рассматриваться как захватчики власти) с безграничным энтузиазмом. Перестрелки первых трех дней революции немедленно прекратились. Все губернии Российской империи, без исключения, признали власть Временного правительства. Но такая идиллическая ситуация продлилась меньше недели. В последующие восемь месяцев Временному правительству пришлось преодолевать один кризис за другим и каждый из них приводил армию (Россия мобилизовала 15 миллионов человек) и всю страну в целом в состояние все большего и большего беспорядка вплоть до полной анархии.

Первым нашим намерением было написать общий очерк несчастливой истории Временного правительства, закончившейся его бесславным крушением в октябре 1917 года,* когда оно пало, в результате плохо организованного заговора большевиков и тех социалистов-революционеров, которые к ним присоединились. Но нам пришлось убедиться, что

---

* Все даты событий в России приводятся по старому стилю. Даты событий за границей приводятся, как они указаны в оригинальных текстах.

те приемы исторического исследования, которые мы применяли при изучении первых десяти дней так называемой Февральской революции (в действительности она произошла в марте), не подходят для более широкой темы. Мы почти решили отказаться от своего намерения, хотя несколько сот страниц исследования уже были готовы. К тому же другие историки, работавшие в этой области, достигли немалых успехов. Джон Кип опубликовал квалифицированный анализ бурных перемен, которым подверглись социальные структуры России в течение этих месяцев.[3] Гаррисон Солсбери использовал все доступные ему источники для рассказа о двух революциях – 1905 и 1917 года.[4] Александер Рабинович мастерски проследил по первоисточникам попытки большевиков захватить власть в июле 1917 г.[5] Позже он опубликовал другой труд, освещающий весь исследуемый нами период: "Большевики приходят к власти".[6] В нем он подробно остановился на тех событиях, которые он справедливо считал важнейшими, в частности, на конфликте между Временным правительством (и особенно Керенским) и Верховным Главнокомандующим русскими вооруженными силами Л.Г.Корниловым. Но освещение так называемого "дела Корнилова" в этом последнем труде Рабиновича нас разочаровало. Друзья покойного автора поддержали наше намерение использовать уникальные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, наряду с другими источниками, чтобы объяснить, почему, по нашему мнению, "корниловский эпизод" имел первичное значение в процессе крушения правительства Керенского. В этом пункте, несмотря на иные расхождения, мы согласны с самим Керенским, который в своих трудах не раз освещал эти трагичные и сложные события.[7]

Методика, которой мы придерживались в первой книге, заключалась в подробном анализе официальных документов и показаний современников. Мы не обращались к вторичным источникам, так как в этом случае исторические взгляды авторов нужно отсеивать от хлама традиционной историографии. Но применение такого метода к "корниловскому эпизоду" представляет необычайные трудности, ибо рассказ об этих событиях был с самого начала совершенно извращен. Описывая события, Керенский опускал все факты, которые не подкрепляли его собственную точку зрения, а те участники событий, которые тогда были бы готовы поддержать Корнилова, не имели случая изложить свою точку зрения (ни устно, ни письменно) или боялись это сделать. Сам Корнилов оставался под арестом до захвата власти большевиками, и все, что он сам или прочие участники выступления говорили о событиях, следует рассматривать как показания людей, находящихся под следствием.

Вскоре после того как известный "революционный сыщик" В.Л.Бурцев опубликовал материалы, обнаруженные им в бумагах Следственной комиссии, его газета "Общее Дело" была закрыта правительством Керенского. Насколько нам известно, этих номеров газеты нет за пределами Советского Союза. Нам посчастливилось получить из СССР фотокопии "Общего Дела", в которых, среди прочих материалов, содержались и подробные показания Корнилова. Годами позже мы обнаружили экземпляр оригинального текста, перепечатанный на машинке и вывезенный из России одним из бывших членов Комиссии. Он хранится ныне в Русском архиве Колумбийского университета. Существует ряд стилистических (иногда и фактических) различий между текстом, опубликованным в "Общем Деле",[8] и этим официальным документом. Используя оба документа, мы на их основе составили сводный текст, который не должен сильно отличаться от оригинала ген.Корнилова. Этот текст публикуется в приложении к настоящему труду вместе с более кратким докладом, написанным Корниловым для Комиссии 10 ноября 1917. Полный текст этого дополнительного свидетельства был опубликован в 1927 году ген.Мартыновым, находившимся тогда на службе у советского правительства. Насколько нам известно, этот материал до сих пор не был использован историками. Он раскрывает точку зрения самого Корнилова о его "деле", всесторонне описывает события и написан с откровенностью, присущей офицеру, докладывающему начальству.

О точке зрения самого Керенского на изучаемые события мы можем судить по большому количеству опубликованных им материалов. Еще скрываясь в России, Керенский написал книгу "Дело Корнилова" (Москва, 1918), которая содержит его переработанный доклад Следственной комиссии, а также ряд подробностей немалого исторического значения. Еще до того как книга Керенского была переведена и опубликована в ряде стран, Б.В.Савинков, бывший товарищ военного министра Керенского во Временном правительстве, сыгравший (как мы увидим ниже) важную и довольно отрицательную роль во всем деле, опубликовал свое собственное изложение событий. Его книгу можно рассматривать, как положившую начало "половинчатому" взгляду на "дело Корнилова": Савинков излагает так называемую "теорию о недоразумении". Согласно этой теории, два основных действующих лица были людьми совершенно различных характеров и они пошли, вследствие стечения обстоятельств, на разрыв в то время, когда им следовало бы действовать сообща. Остальные документы и неопубликованные источники, которые мы собирали в течение долгих лет, указаны в примечаниях к настоящей книге.

Не нам, конечно, судить, в какой мере наша длительная работа и долгие месяцы поисков в европейских и северо-американских библиотеках, оправдала себя. Мы взялись за нее, так как в результате общего исследования событий 1917 года у нас возникло впечатление, что публичное "разоблачение" Керенским главы русских вооруженных сил в период, когда боевые действия были еще в полной силе и когда внутреннее положение страны достигло крайней степени разложения, обернулось катастрофой для России. Это был последний удар по боеспособности армии и по героическим попыткам военного начальства направить развитие политических и социальных сил в легальное и стабильное русло.

Ввиду решающего значения этого отдельного эпизода русской истории, мы хотели бы предложить новую оценку событий, основанную на изучении до сих пор неизвестных или оставленных без должного внимания источников.

---

1. George Katkov. Russia 1917: The February Revolution. London/New York, 1967. Русское издание: Г.М. Катков. Февральская революция. (Перевод с английского Н. Артамоновой и Н. Яценко). "Исследования Новейшей Русской Истории", под общей редакцией А.И. Солженицына, № 4. Париж, 1984.
2. Четвертая Государственная Дума была избрана в 1912 году, на пятилетний срок. Ее председателем был М.В. Родзянко.
3. John Keep. The Russian Revolution. London, 1976.
4. Harrison E. Salisbury. Black Night White Snow. New York, 1978.
5. Alexander Rabinowitch. Prelude to Revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 uprising. Bloomington/London, 1968.
6. The Bolsheviks come to power: the Revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.
7. А.Ф. Керенский. Дело Корнилова. Москва, 1918.
8. "Общее Дело", № 6, 2 октября 1917.

Глава 1

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

В феврале 1917 года революционная буря разрушила всю деятельность административных и государственных учреждений России. Многим из них пришлось теперь работать без привычных взаимоотношений с другими органами государства, и это быстро привело к падению их бывшего авторитета. Наиболее крупные перемены коснулись армии. В начале войны вооруженные силы России были разделены на фронты, каждый из которых возглавлялся генералом, называемым главнокомандующим фронтом. Все главнокомандующие (Северо-Западным, Западным, Юго-Западным и Кавказским фронтами, а позже Румынским фронтом и Московским военным округом) подчинялись Верховному Главнокомандующему, штаб-квартира которого (Ставка) находилась в Могилеве. Балтийским флотом командовал адмирал Непенин, а Черноморским – адмирал Колчак. Они тоже были приравнены к главнокомандующим и подчинялись непосредственно Верховному Главнокомандующему и его штабу.[1] Командующий Петроградским гарнизоном иногда прямо подчинялся Совету министров, через посредство военного министра.

В результате отречения царя от престола, должность Верховного Главнокомандующего утратила не только престиж, но и практическое значение. Согласно Основным законам Российской империи, до самой революции вооруженные силы страны возглавлялись монархом, хотя он имел возможность передавать свои полномочия и назначать вместо себя Верховного Главнокомандующего. Так и случилось в начале войны, когда Верховным Главнокомандующим был назначен дядя

императора, великий князь Николай Николаевич. Это назначение вызвало удивление: ожидалось, что в случае войны вооруженные силы возглавит военный министр генерал Сухомлинов. Но решение царя быстро встретило широкое одобрение, так как великий князь был известен как человек умеренно-либеральных взглядов. Предполагали, что он оказал влияние на царя, побудив его обнародовать Манифест 17 октября, давший России полу-парламентскую конституцию.

Но успехи русской армии под руководством великого князя оказались далеко не блестящими. Огромная работа по мобилизации армии велась удовлетворительно, в соответствии с планом, выработанным под руководством Сухомлинова. Но она была еще далека от завершения, когда войска, сразу же по прибытии на фронт, были согласно приказу великого князя (на которого оказывали давление союзники) брошены в бой в Восточной Пруссии и Галиции.

В Восточной Пруссии, после первоначального успеха, русские войска потерпели полное поражение, вследствие которого Вторая армия была уничтожена, а ее командующий, генерал Самсонов, покончил с собой, чтобы не попасть во вражеский плен. Страна не сразу узнала об этом несчастье.[2]

В то же время русская армия вела успешную кампанию в Галиции, заняла Львов – ее главный город, а затем Перемышль – крепость, защищающую подступы к Карпатам. Поспешно стремясь довести до конца это победное наступление, русское верховное командование торопило переход войск через Карпаты, но скоро стало очевидно, что плохо информированное начальство слишком низко оценило необходимые для этого средства. Артиллерии не хватало боеприпасов, был недостаток в ружьях и патронах. Наступление задохнулось. А последующее отступление, с беспрерывной отдачей земли противнику, отразилось на настроении войск и привело к потере доверия к верховному командованию. Отступление продолжалось почти до самой границы с Австрией. Затем последовала отдача почти всей территории Польши, входящей в империю, и стабилизация северного участка фронта на линии, проходящей немного западнее Риги и восточнее укрепленной границы Литвы и крепости Брест-Литовск. Доверие русских либеральных политиков к великому князю Николаю Николаевичу было подорвано.

Высокомерие военной администрации, которая по мере отступления распространяла свою власть все дальше и дальше на восток, раздражало не только либеральную оппозицию, но даже само императорское правительство. Ширились слухи о предательстве, и военные не нашли лучшего

способа защиты от сыплющихся на них обвинений в некомпетентности и открытой измене, чем инсценировка чудовищно фальсифицированного процесса полковника Мясоедова.[3] Больше того, они нелепо обвиняли во всеобщем предательстве все еврейское население черты оседлости в западных губерниях и Галиции, где жители еврейских поселков насильственно эвакуировались и местность подвергалась стратегии "выжженной земли".

В этих условиях царь счел своим моральным долгом взять на себя Верховное Главнокомандование (в августе 1915), назначил в Ставку нового начальника штаба — способного и уравновешенного Алексеева, вместо полупомешанного Янушкевича, приближенного великого князя. Поразительно, что Совет министров сильно возражал против решения царя, а либеральная оппозиция проявила неожиданную симпатию к великому князю и его делам, недавно так резко ею критикуемым.

Смена Верховного Главнокомандующего оказалась определенно благотворной. Во всей стране ослабли трения между военными и гражданскими властями, поступление снабжения в армию увеличилось. К лету 1916 года армия была в состоянии возобновить наступление на Австрийском фронте. Но наступление это привело к большим потерям в живой силе и было затруднено неспособностью северного участка фронта оказать нужную поддержку. Правда, на Кавказском фронте русские войска немало продвинулись вперед и заняли стратегический порт Трапезунд.

Но возобновившаяся военная деятельность уже не могла ослабить напряжение во внутренней политической ситуации. Нападки думской оппозиции на правительство становились все более бешеными, и общественные организации, которые так помогли в деле улучшения поставок снабжения и боеприпасов, начали искать поддержки у военных в своем стремлении способствовать не только созданию "правительства народного доверия", но также и перекройке конституции государства до окончания войны.

В другом нашем труде мы подробно осветили обстоятельства, приведшие к отречению Николая II.[4] Здесь нужно лишь повторить, что до своего отречения император, в приказе, помеченном "передним" числом, назначил великого князя Николая Николаевича своим преемником на должности Верховного Главнокомандующего. Гучков и Шульгин, посланцы Временного Комитета Государственной Думы, встречавшиеся с царем на Псковском вокзале 2 марта 1917, дали на это полное согласие. Казалось, что и думский Комитет, который в то время был поглощен

процессом формирования нового Временного революционного правительства, согласится на назначение великого князя.

Николай Николаевич находился тогда в Тифлисе, на должности Наместника и главнокомандующего Кавказской армией, сражающейся против турок. О великом князе и о его супруге (особенно о ней) знали, как о людях очень критически настроенных к императорской чете и не особенно скрывающих свои чувства. В конце декабря 1916 приписываемые им настроения побудили главу Земского союза кн. Львова направить к Николаю Николаевичу посланника, с целью убедить его свергнуть с престола племянника и провозгласить себя императором.[5] Великий князь отклонил это предложение, но видимо не счел его предательским. Хотя по этому поводу тогда ходило много слухов, дело на этом и кончилось.[6]

Узнав об отречении царя и о своем назначении Верховным Главнокомандующим, но еще не подозревая, что брат Николая II, великий князь Михаил Александрович, откажется от престола (если он ему не будет предложен Учредительным собранием), Николай Николаевич послал Алексееву телеграмму, выражающую тревогу по поводу обстоятельств, связанных с предстоящим престолонаследием. Его особенно огорчала мысль о созыве Учредительного собрания: она ему казалась совершенно неприемлемой "для блага России и победоносного конца войны".[7] Он однако согласился стать Верховным Главнокомандующим и вступил в должность, приветствуемый всем населением Тифлиса и даже только что созданными революционными организациями, включая Тифлисский совет. Новый Верховный сразу же отправился в длинную триумфальную поездку поездом, через южную Россию, до Ставки в Могилеве, приветствуемый на пути радостно возбужденными толпами во всех городах и на всех станциях, через которые он проезжал.

Пока Алексеев торопил великого князя с приездом, члены Временного правительства обсуждали вопрос о том, было ли разумно вызывать Николая Николаевича и доверять ему такую высокую должность. Хотя князь Львов признал его, как нового Верховного, Временное правительство в целом совсем не разделяло его точку зрения. Когда у Керенского, забежавшего 7 марта на заседание Московского совета, спросили, совместимо ли с революционными преобразованиями, охватившими страну, назначение на столь высокую должность члена семьи Романовых, он ответил, что не несет за это ответственности и что если назначение не будет отменено, он уйдет из правительства. Это не было пустой угрозой. Керенский вошел во Временное правительство на условиях иных, чем другие его члены. Центральный Исполнительный

Комитет Петроградского Совета проголосовал резолюцию, остерегающую своих членов (включая и Керенского – товарища председателя Комитета) от принятия министерских должностей. Керенский тогда обратился прямо к пестрой толпе, из которой состояли пленарные собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, и просил разрешить ему войти в правительство на должности министра юстиции. Он обещал работать на своем посту как "заложник революции". Ввиду огромной популярности Керенского, угроза его ухода должна была быть принята всерьез.[8]

Положение князя Львова было не менее деликатным. В декабре 1916 года, как мы видели, у него были конспиративные контакты с великим князем, и, хотя они не вылились в какое-либо действие, их взаимное доверие сохранялось. Оба они были назначены отрекающимся царем на самые высокие должности в государстве – министра-председателя и Верховного Главнокомандующего. Первоначально князь Львов отнесся к своему назначению на новую должность как к законному поступку монарха до отречения. Поэтому для него было бы вполне логичным признать и назначение великого князя Верховным Главнокомандующим таким же законным, как и его собственное. Но под давлением революционной обстановки и поддаваясь личному влиянию Керенского, он уступил общему желанию Временного правительства, признал свое назначение, сделанное царем, недействительным и стал относиться к себе и своему правительству, как к избранным членам революционного Временного Комитета Государственной Думы, обладающим, по выражению того времени, "всей полнотой власти".

Из-за этого назначение великого князя Верховным стало оспариваться, как противоречащее революционным принципам. В письме, составленном в вежливых, но твердых тонах, правительство объяснило положение великому князю, от которого, очевидно, ожидалось, что он и сам поймет, что члену дома Романовых невозможно возглавлять войска революционной России. Но, по некоторым причинам, письмо не дошло до Николая Николаевича. Правительство тогда поручило Алексееву объяснить великому князю суть вопроса, с неубедительной отговоркой, что с ним не удалось связаться, пока он был на пути к Могилеву. Николай Николаевич уже присягал Временному правительству, и хотя передавали, что он был глубоко оскорблен, он не возражал и без протеста удалился в свое крымское имение, опубликовав приказ, призывающий войска оставаться верными своей родине и ее правительству.

*   *
*

Алексеев фактически оказался в положении Верховного Главнокомандующего. Его отношения с Временным правительством были сложными. Он был сильно обижен тем, что с ним ни Родзянко, ни кто-либо другой из Временного Комитета Государственной Думы не нашел нужным посоветоваться о том, следует ли просить великого кн. Михаила Александровича согласиться на престол или, по крайней мере, на регентство. Его отношения с военным министром Гучковым были корректными, но у них, по разным причинам, было мало взаимопонимания.

Одной из этих причин было то, что незадолго до революции Петроградский военный округ был выведен из подчинения командованию Северо-Западного фронта и подчинен особому главнокомандующему, непосредственно ответственному перед Советом министров. Эта мера была принята, чтобы укрепить положение правительства в случае возникновения волнений в столице, но она показывает полное непонимание степени ненадежности местного гарнизона, совершенно неспособного овладеть ситуацией в случае начала в городе беспорядков.

После Февральской революции положение не изменилось, с той только разницей, что, вместо нерешительного и плохо информированного Хабалова, командующим Петроградским округом был назначен чрезвычайно активный, темпераментный генерал, совершенно чуждый политическому интриганству, столь обычному в столице – Лавр Георгиевич Корнилов. Он вступил в командование уже после возникновения Петроградского Совета, в который вошли делегаты от каждой части гарнизона и который взял на себя роль "сторожевого пса" революции. За исключением нескольких частей, которые не сыграли никакой роли в падении старого режима, но признали Временное правительство, воинская дисциплина в армии фактически исчезла. Новый тип отношений в армии был определен в знаменитом Приказе № 1,[9] изданном Петроградским Советом. Приказ упразднил титулование офицеров, а также обязанность низших чинов отдавать им честь и исполнять их приказания вне службы. Одновременно толпы военных агитаторов были отправлены из столицы на фронт, чтобы растолковывать войскам радикальные политические, социальные и экономические перемены, проектируемые революционным начальством армии и представителями народных масс Петрограда.

Алексеев и главнокомандующие фронтами энергично протестовали против этих мероприятий, призывая военное министерство принять против них надлежащие меры. Но осуществить это можно было, только закрыв границы Петроградского военного округа и введя строгую систему разрешений на выезд за его пределы. А подобные меры не могли не привести к конфронтации между Временным правительством и Советом, в чем самому Гучкову пришлось признаться Алексееву, в довольно унизительной форме.

Временное правительство присвоило себе монаршью власть в ее полном объеме (и даже более), но оно не только не хотело, но и не могло взять на себя ответственность за сохранение дисциплины в войсках путем применения репрессивных мер. Гучков, а после него и Керенский, совершенно исключали применение оружия для восстановления порядка. В разговоре с Алексеевым по прямому проводу, 4 марта, Гучков говорил:

> Убедительно прошу не принимать суровых мер против участников беспорядков; они только подольют масла в огонь и помешают тому успокоению в центре, которое теперь наступает.[10]

Но возникла и другая трудность. При старом режиме подрывную пропаганду в войсках, особенно, когда ею занимались гражданские лица, было нетрудно обнаружить и пресечь. Теперь же правительство оказалось беспомощным перед узаконенной деятельностью по развалу армии. 12 марта Гучков телеграфировал в Ставку:

> Временное правительство вполне сознает необходимость сохранения единой цели армии, которая только при соблюдении дисциплины может одержать победу над врагом. Бороться с различными агитаторами, проникающими в армию, следует не силой оружия. Дать точные указания о способе действий в отдельных случаях не представляется возможным, все зависит от личного такта и умения местных начальников. Во всяком случае, главной целью является успокоение армии и народа мирным способом, а не применением репрессий. Со своей стороны Временное правительство принимает все меры к введению в стране спокойствия и порядка на новых началах взаимного доверия, в соответствии с чем издаются и будут издаваться от его имени различные акты и объявления (...)
>
> Военный министр Гучков.[11]

Другой причиной расхождений между Гучковым и Алексеевым было желание военного министра, поддержанное правительством в целом, чтобы русская армия в ближайшем будущем перешла в наступление по всему фронту, как это было решено в феврале, незадолго до революции, на Междусоюзной конференции, проведенной в Петрограде.

Оба эти вопроса, бессилие правительства пресечь революционную пропаганду и неготовность армии к началу наступления в середине апреля, были взаимосвязаны. Но ни Верховный Главнокомандующий, ни военный министр не могли найти для них надлежащего решения.

Возможно вследствие своего разочарования в революции, устремившейся в совсем иное русло, чем ему хотелось бы, Гучков заболел, и совещания Совета министров стали нередко проходить у его постели. Как бывшему председателю Центрального военно-промышленного комитета, руководителю всей сети общественных организаций, поставляющих армии часть оружия и обмундирования, в которых она столь нуждалась, Гучкову приходилось иметь деловые отношения с командирами самых различных воинских соединений на фронте и в тылу. Он был человеком не слишком тактичным, не очень разбирался в чисто военных вопросах и создал себе много врагов среди генералитета. Его раздражение выразилось в увольнении ряда генералов, которых он считал некомпетентными или политически неблагонадежными.[12] Они, естественно, обратились в Ставку в надежде добиться восстановления в должности.

Помимо офицеров, уволенных Гучковым на основе составленного им списка высшего командования с аттестационными отметками (в просторечии — "мерзавки"), многие офицеры лишились своих должностей по решению комитетов или просто солдат своих частей. В попытках оказать сопротивление этому произволу, они, как правило, не получали поддержки от своих начальников. К тому же ряд генералов, которых еще до революции уволили как слишком старых, неспособных и пр., теперь обратились к революционной власти в поисках "справедливости". Из-за этого наплыва офицеров, лишившихся своих должностей, возникла полная неразбериха (и тыл она охватила даже сильнее, чем фронт). Эта анархия и вызванная ею потеря боеспособности грозили привести хрупкий механизм Ставки в полную негодность.

Генерал Алексеев не был человеком, склонным оказывать сильное сопротивление действиям правительства. Он примирился с переменами, произведенными Гучковым в командовании войск, хотя и не мог согласиться с теми принципами, на которых они были основаны. Он проводил

в жизнь решение Временного правительства легализировать созданные в частях солдатские комитеты в надежде, что участие в них офицеров (предусмотренное в положении о составе комитетов, выработанном правительством), могло бы помочь восстановлению доверия между офицерами и нижними чинами. Не признавая пока, что боеспособность армии фактически утрачена, он старался убедить Гучкова и правительство в том, что февральское наступление, согласованное в Петрограде с союзниками, не сможет быть начато в установленный срок и что армиям союзников, в связи с этим, следует пересмотреть время начала их собственного наступления.

Со своей стороны, Гучков, участник Англо-бурской войны и человек известный своей энергией и способностью к политическим интригам, был явно не в состоянии принять надлежащие меры для восстановления порядка в войсках. За Приказом №1, в котором следует видеть причину начала развала армии (хотя Гучков и Керенский были иного мнения), по инициативе Гучкова, последовал Приказ №2, который еще ухудшил положение. В Приказе №2 явно видно стремление уточнить Приказ №1 и ограничить его применение только Петроградским гарнизоном. Петроградский Совет, утверждается в приказе, не претендует на контроль военной жизни во всей армии. Но одновременно Приказ №2 предоставлял нижним чинам Петроградского гарнизона право назначения своих офицеров.[13] В Приказе №1 этого права не значилось, теперь же, следуя параграфу 2 Приказа №2, солдатские комитеты различных частей получали право не соглашаться с любым назначением, которое казалось им неподходящим. Возражения комитетов должны были рассматриваться на совместном заседании Военной комиссии Думы и представителей Петроградского Совета. К тому же Приказ №2 подтверждал исключительное право Совета руководить политической жизнью Петроградского гарнизона и право солдат на контроль всех складов оружия.

Когда Приказ №2 был передан в штаб ген. Рузского, командующего Северным фронтом, он отказался его опубликовать и послал его в Ставку, в Могилев. Позиция Ставки по отношению к Приказу №2 была строгой и четкой. Было объявлено, что

> направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной

власти, Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут.[14]

Алексеев, конечно, мог лишь запретить официальное чтение приказа солдатам, выстроенным во фронт. Не в его силах было помешать ознакомлению солдат с Приказом №2 через пропагандистов, которые наводнили армию на гребне революции. Тактика Гучкова, который не шел дальше увещеваний, полностью лишила Алексеева возможности пресечь поток приказов, призывов и манифестов, которые беспрерывно исходили от революционных организаций Петрограда. Подчиненные ему офицеры не имели опыта политической пропаганды, и отсутствие твердых ориентиров уже начало отражаться на наименее устойчивых среди них.[15] Это отсутствие твердых ориентиров было вызвано двумя различными причинами, и их нельзя терять из виду при попытке оценки поведения офицерства в целом, хотя в частных случаях эти две причины не всегда легко различить.

* *
*

Во-первых, были офицеры, приветствовавшие Февральскую революцию, как исполнение долголетних политических надежд, которые они тайно лелеяли как в армии, так и в гражданской жизни. Известно, что социал-демократические и эсеровские группы существовали в офицерском корпусе по крайней мере с 1905 года и что некоторые офицеры, которые благожелательно относились к революции (хотя до сих пор активно не проявляли своих политических симпатий), перешли на сторону мятежников в феврале 1917.[16]

Офицеры другого типа также сознательно участвовали в развитии революционных процессов в армии. Это были люди, которые чувствовали, что то русское общество, в котором они до сих пор жили и достигли определенных служебных успехов, быстро разваливается. Они понимали, что для дальнейшего успешного развития их карьеры при изменяющемся положении им надо выработать новую позицию. Не придерживаясь открыто крайних или даже просто определенных взглядов, они тем не менее демонстративно показывали свою симпатию к подчиненным им войскам и одобрительно относились к их настроениям. Они были

чрезвычайно отзывчивы к любым запросам армейских комитетов и обеспечивали себе таким образом быстрое продвижение по службе и благодарность Временного правительства за поощрение революционных перемен в армии.

С необходимостью этих перемен соглашался и Гучков. Пытаясь вернуть под свой контроль Петроградский гарнизон и армию в целом, Гучков, едва заняв кресло военного министра, стал придерживаться системы, сводившейся к узаконению инструкций, посылаемых войскам Петроградским Советом, и тех отношений в армии, которые установились под воздействием "революционного законодательства". Когда Приказы №1 и №2 создали солдатские комитеты в Петрограде, Гучков составил и послал в Ставку инструкцию, предписывающую создание ротных и полковых комитетов во всей армии. В комитетах должны были состоять и офицеры, по одному от каждого соединения, выбранные своими товарищами.[17] 6 марта Гучков назначил сводный комитет под председательством ген. Поливанова, задачей которого был пересмотр существующих военных положений и уставов, в целях приведения их в соответствие с новыми законами. Такая тактика на короткое время себя оправдывала: 7 марта Гучкову удалось издать воззвание к войскам, находящимся на фронте, подписанное и представителями Совета. В нем ясно указывалось, что Приказы №1 и №2 относятся только к войскам Петроградского военного округа.[18] Воззвание также предупреждало о том, что только что завоеванные свободы могут пострадать, если в армии возникнут раздоры или вспыхнут конфликты между офицерами и солдатами. Всем гражданам напоминалось об их долге способствовать установлению хороших отношений между низшими чинами и теми офицерами, которые признали новую власть.

Мы увидим дальше, что победа Гучкова над экстремистами из Петроградского Совета была лишь временной и призрачной. В настоящий момент ему все же удалось обеспечить себе некоторую свободу маневрирования и почти сразу же он использовал эту свободу для опубликования 9 марта воззвания к войскам, подписанного им совместно с исполняющим обязанность Верховного Главнокомандующего генералом Алексеевым.[19] В воззвании объявлялось, что

> Временное правительство решительно заявляет, что признает глубоко прискорбными и совершенно недопустимыми всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров, геройски сражавшихся за Родину, без содействия которых невозможно укрепление нового строя.

Действия такого рода недопустимы в любой армии и приносят ущерб дисциплине, без которой никакая армия, даже самая доблестная, не может достичь победы.

Далее в воззвании значилось:

> Только обладая полнотой власти, в мере полноты доверия может [правительство] выполнять свой святой долг. Многовластие вызовет неизбежно паралич власти и снова приведет страну к тяжелой и грозной разрухе.
>
> И пусть тяжкая ответственность перед Родиной и историей падет на тех, кто станет в этом деле помехой Временному правительству.

В действительности "тяжкая ответственность" пала на самого Гучкова, из-за слабости его позиции по отношению к растущим претензиям представителей "революционной демократии" в армии, а также вследствие проведенной им чистки высшего командного состава армии. Многим эта чистка представлялась сведением личных счетов и неудивительно, что прямодушный и откровенный ген. Деникин назвал Гучкова и его приспешников "пилатами". (В офицерстве гучковская чистка получила название "избиение младенцев" – *прим. ред.*).

Уступки Гучкова требованиям Совета не принесли ему благодарности его членов. Наоборот, они обвинили Гучкова в превышении данной ему власти и в пренебрежении к массам. Первое обвинение может быть и верно, ибо у Гучкова, человека действия, не хватало терпения на бесконечные, по русской привычке, теоретические дискуссии. Второе обвинение – совершенно несправедливо. Революционная солдатня ожидала, что Гучков ускорит узаконение революционных принципов и, как мы видели, он действительно созвал комитет, куда вошли представители различных организаций, под председательством ген. Поливанова, с целью выработать "Декларацию прав солдата и гражданина".[20] Но сочиненный комитетом многословный документ не только вызвал раздражение генералов (особенно Алексеева), но и был высмеян Лениным, который назвал его в печати "декларацией закрепощения солдата". Когда же в конце апреля Поливанов представил Декларацию Гучкову на подпись – он отказался ее принять и подал в отставку...

Алексеев, вероятно, не сыграл решающей роли в уходе Гучкова, хотя его неизменно мрачные доклады могли и отразиться на настроении великого мастера интриг в то время, когда он констатировал, что его

искусные построения проваливаются одно за другим. Но неудача поливановской Декларации была не единственной причиной отставки Гучкова. Важными дополнительными обстоятельствами были беспорядки "Апрельского кризиса", когда 21 апреля толпа нараспев кричала на улицах столицы "Долой Гучкова и Милюкова!"; а также неразрешенный конфликт между главнокомандующим Петроградским военным округом ген. Корниловым и местным Советом. Во всяком случае, у Алексеева было достаточно дел у себя в Ставке и он нисколько не намеревался воздействовать на правительство путем оказывания на него политического давления.

* *
*

Главной заботой Алексеева были не переменчивые настроения низших чинов, а та утрата чувства собственного достоинства и уверенности в себе, которые постепенно распространялись даже среди высшего командного состава. Алексеев чувствовал, что он обязан помешать углублению этих настроений среди офицерства, и поэтому он решил безоговорочно поддержать Офицерский съезд, созванный в Могилеве, и возникший тогда же Союз офицеров армии и флота, который возглавлялся Главным комитетом, находящимся при Ставке.

Офицерский съезд открылся 7 мая 1917. Согласно данным его протоколов, в Съезде участвовало более 300 делегатов, 76% которых представляли фронтовых офицеров. Правда, открывая Съезд, Алексеев назвал цифру 200 делегатов, которые, сказал он, представляют 100 000 офицеров действующей армии.[21] Возможно, что около сотни делегатов приехало позже, в последующие дни.

Создание Союза офицеров стало вехой в истории распада русской армии. Главная причина его возникновения — искренний патриотизм офицеров, свободный от монархических чувств или привязанности к династии. Этот патриотизм питался убеждением, что единственным здоровым элементом в армии были офицеры, до чина полковника включительно. Вступающие в Союз офицеры были потрясены общими тенденциями к прекращению боевых действий, к неповиновению начальникам и революционным карьеризмом. Но они были также весьма критически настроены ко многим своим начальникам из "генштабистов" и к военной администрации старого режима. Они были

преданы своей стране, мечтали для нее о светлом будущем, и эти чувства были гораздо сильнее их привязанности к прошлому или к монархии. Те же настроения бурно, но ненадолго расцвели среди молодого поколения интеллигенции в начале марта 1917.

Первоначально Союз офицеров армии и флота был задуман как чисто профессиональное объединение, подобное многим прочим союзам, которые тогда существовали в России и объединяли представителей самых различных профессий и занятий. Право объединяться в свободные союзы было сразу же и безоговорочно признано Временным правительством. Возникли союзы ветеринаров, носильщиков, домашней прислуги, учителей и даже (если верить великому поэту Октябрьских дней Александру Блоку) проституток. Не было поэтому никакой причины офицерам армии и флота не создавать своего собственного союза, и союз их возник на основе их общей привязанности к русской армии и не преследовал никаких политических целей. Каждый член Союза офицеров имел право на полное "политическое самоопределение". Устав Союза указывал, что политическая нетерпимость не должна допускаться ни в служебных отношениях, ни в каждодневной жизни в армии.[22]

Как только низшие чины услышали, что планируется создание такой организации, поднялся шум. Почему, спрашивали они, офицеры хотят иметь свой собственный союз, когда армейские комитеты, даже если солдаты составляют в них большинство, обязаны по уставу включать в свои ряды и офицеров. Солдаты, представители армейских комитетов, были посланы в Могилев и там попросили разрешения участвовать в работе Офицерского съезда. Генерал Алексеев правильно понял, что отказать им значило бы только еще ухудшить отношения, установившиеся в войсках между офицерами и солдатами. Было решено допустить участие представителей солдат с совещательным голосом и даже разрешить им обращаться к Съезду. Благодаря этому решению имел место красочный эпизод, который показывает всю сложность отношений, которые тогда еще существовали между офицерами и солдатами (см. ниже).

Введение к уставу Союза офицеров, принятое на Съезде, отвергало какие-либо политические цели и не могло показаться солдатам провокационным. Но во время Съезда в стране возникла новая политическая ситуация. Еще 13 марта Петроградский Совет издал призыв ко всем воюющим странам заключить мир в ближайшие сроки и отказаться от каких-либо захватнических намерений. (В этом призыве еще не используется знаменитая формулировка, появившаяся несколько

позже: "Мир без аннексий и контрибуций"). Правительство отнеслось к этому призыву, как к заявлению организации, за действия которой оно не ответственно, но под давлением Совета ему пришлось обратиться к стране с собственным заявлением о целях и задачах войны, которую ведет Россия совместно с союзниками. В этом заявлении чувствуются значительные уступки взглядам, выраженным в манифесте Совета от 13 марта:

> Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов.[23]

Милюков решительно отказался передать этот документ союзникам. Тогда Керенский сделал попытку его к этому принудить, объявив в речи перед французскими и английскими социалистами в Мариинском дворце:

> Вы должны знать и верить, что тот энтузиазм, которым охвачена русская демократия, проистекает не из каких-либо идей частичных, даже не из идеи отечества, как понимала эти идеи старая Европа, а из тех идей, которые заставляют нас думать, что мечта о братстве народов всего мира претворится скоро в действительность (...)[24]

13 апреля Керенский сообщил прессе, что Временное правительство готовит союзникам ноту, в которой его взгляды на цели войны и условия, необходимые для заключения мира, будут приведены в соответствие с заявлением, которое правительство сделало на эту тему. 14 апреля Временное правительство официально опровергло это сообщение Керенского, но Милюков заявил, что он вышлет союзникам заявление (от 27 марта) о целях войны вместе с разъяснительной запиской, которая положит конец слухам о том, что Россия готова заключить сепаратный мир. 18 апреля эта нота действительно была послана и вызвала в Советах возмущение.[25] Скоро началось брожение в рабочих пригородах Петрограда и большевики организовали демонстрацию, которая привела к первому кровопролитию на улицах столицы со времени смены власти. Милюков упрямо сопротивлялся требованию члена Исполкома Петроградского Совета Церетели отправить союзным правительствам

вторую дипломатическую ноту, но согласился с предложением выпустить разъяснительную ноту, составленную единогласно всем Временным правительством.

Обеспокоенный народными волнениями, вызванными спорами о ноте Милюкова, Исполнительный Комитет Совета открыто одобрил разъяснительную ноту в своей резолюции от 21 апреля:

> (...) Вызванное этими протестами новое разъяснение Временного правительства, опубликованное во всеобщее сведение и сообщенное министром иностранных дел послам союзных держав, кладет конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии (...).[26]

На этом кончился так называемый "Апрельский кризис", но он имел очень важные последствия. Когда вспыхнули беспорядки, правительство обратилось с просьбой о защите к ген.Корнилову, главнокомандующему Петроградским военным округом. Корнилов исполнил эту просьбу традиционным в России способом борьбы с мятежами: он вывел в центр города дисциплинированную артиллерийскую часть, что было воспринято, как очевидная угроза применить пушечные выстрелы против "мирной рабочей демонстрации". Реакция Совета была мгновенной: он потребовал, чтобы ни одна воинская часть не могла быть выведена на улицу главнокомандующим без письменной санкции представителей Совета в Главной квартире Петроградского округа. Корнилов, довольно наивно, обратился за поддержкой против Совета к правительству. Увидев, что поддержка ему не оказывается, он сложил с себя командование Петроградским округом и попросил перевода на фронтовую должность. Его тогда назначили командующим 8-й армией на Юго-Западном фронте. На его место был назначен генерал Половцев, с задачей постараться найти возможность соглашения с представителями Петроградского Совета.

* *
*

От ноты Милюкова 18 апреля, как от камня, брошенного в мутную воду, побежали волны по всей стране. В разгар кризиса одна из этих волн достигла и Офицерского съезда, созванного в Могилеве. Несмотря

на объявленный нейтралитет, Съезд сразу же принял определенную позицию по этому вопросу, уже ставшему к тому времени в полной мере политическим. В резолюции, принятой Съездом, объявлялось, что

> Офицерство в своем огромном большинстве категорически настаивает в целях спасения родины и добытой свободы на энергичном продолжении войны в полном согласии с союзниками до тех пор, пока не будет заключен прочный мир на основах свободного самоопределения народностей и прочных гарантий будущего мира для свободной России и при условии, что противник очистит завоеванную им территорию, вернет всю взятую им с завоеванного населения контрибуцию и обяжется восстановить все им разоренное.
> Не допуская и мысли, чтобы свободная Россия не имела свободы выхода в Средиземное море, обеспечивающего экономическое благополучие народа, съезд единственными гарантиями этой свободы считает или всеобщее разоружение или – если оно неосуществимо – военный контроль России над проливами.[27]

Не столько содержание, сколько тон резолюции, в которой подчеркивалось превосходство офицерства над низшими чинами в делах культурных и политических,[28] явился причиной раздраженного выступления (10 мая) одного из солдатских представителей, допущенных на Съезд с совещательным голосом. Этот солдат, по фамилии Руттер, начал свою речь достаточно робко, подчеркнув, что он и его товарищи-солдаты были приглашены на Съезд лишь в качестве "слушателей", и прибавив, с оттенком обиды: "роль наша маленькая". Затем он коснулся распространенных в армии слухов о том, что рабочие не прилагают достаточно усилий для снабжения фронта боеприпасами и всем необходимым. Он заявил, что солдаты были "принуждены" послать делегатов в Петроград, чтобы оценить ситуацию на месте, и выяснилось, что рабочие работают нормально и что обвинения в их адрес – неверны.

> Сразу же в мозгу каждого солдата пронеслось молнией: что это такое, почему они хотят возбудить недоверие к рабочему классу? Вот коренным образом откуда пошло недоверие. Мы, солдаты, замечаем боль, и острую боль, у наших товарищей офицеров. Верно, больно им, два месяца нет уважения к ним и не признают их авторитета, иногда они подвергаются оскорблениям. Все это правда, хотя не во всех случаях и не везде, но во всяком случае

это явление печальное и прискорбное. Мы испытывали эту боль 300 лет, но мы готовы забыть ее и протянуть руку. Забудьте и вы свои 2-х месячные боли, пусть это будет только тяжелым воспоминанием, мы постараемся общими силами, чтобы все боли, как ваши так и наши, были забыты. (Аплод.)

Я просил бы мне не аплодировать, это прерывает нить.

Я должен сказать, что дисциплина, вот краеугольный камень, который необходим. Она необходима в армии, как необходимо жить, дышать и питаться. Без дисциплины – армия ничто, ее не будет существовать; но скажите, господа офицеры, по совести: можете ли вы сейчас, будучи нашей головой в чисто техническом деле, создать дисциплину, чтобы она была применима к жизни? Можете ли вы, исходя только из своей среды, создать ее так, чтобы масса солдат, которая стоит за вашими спинами, поверила и подчинилась ей? Нет, я говорю, что этого быть не может. Солдат недоверчиво настроен. Он говорит так: да, дисциплина нужна, но я боюсь дать ее, она угнетала меня веками, она заставит меня может быть опять быть тем, чем я был, поэтому я им боюсь довериться. Вот – основной мотив. Если солдаты и не говорят этого, то каждый из них думает: отдай дисциплину, они заберут все в свои руки, тогда прощай и светлая будущая жизнь, которой мы еще не жили, и свобода. Если наша дисциплина будет исходить от солдат и от офицеров, если она будет выработана общими усилиями, если она будет выработана теми, кого пошлют и уполномочат сами солдаты, если они будут знать, для чего она, тогда она будет принята, и ей будут подчиняться; скажут: здесь участвовали наши братья, и мы им верим. К старому возврата нет.

Руттер прекрасно знал, о чем говорит. Офицерский съезд должен был начертать план создания общевоинского союза, который бы объединил офицеров и солдат "в одну дружную семью" "на одной великой платформе", по выражению ген. Алексеева. Руттер отбрасывал этот проект, утверждая, что солдаты до такой степени потеряли доверие к офицерам, что не может быть и речи о создании общевоинского союза вокруг "офицерской ячейки", созданной на Офицерском съезде. Он предлагал, наоборот, создание союза, основой которого будут солдаты:

Если хотите создать общее благо, если хотите создать дисциплину и власть, если хотите, чтобы этот союз был жизненным, то

> пусть из него ваше офицерское дело, чисто техническое, возьмет начало, а не наоборот. Вы хотите спасти родину, но вы не можете быть одни. Ваш голос — голос вопиющего в пустыне. Если это будет исходить из общевоинского съезда, тогда к вашему голосу будет прислушиваться и армия, и фронт, и вся Россия.

Этими словами Руттер, незваный революционный гость, отказывал офицерству в претензии на исключительное обладание нравственными и патриотическими ценностями и готовностью к самопожертвованию, на которых оно основывало свое право на власть. Он предложил заменить все это лишь признанием превосходства офицеров в технических и военных вопросах, что позволило бы солдатам принимать власть офицерства только в строго ограниченных рамках.

В конце своей речи Руттер, который по-видимому в искусстве полемики стоял не ниже хорошего иезуитского проповедника, обратился к событиям 1612 года:

> Вы искренно хотите спасти родину, мы это приветствуем. Мы обратимся к разрухе, той, которая была 300 лет тому назад. Тогда появился Минин, т.е. голос народа и только порыв народный указал Пожарского. Мы — Минины, а вы — Пожарские, пусть мы будем вместе, но не забывайте, что пусть Минины вперед, Пожарские потом. Родина будет спасена, власть будет дана, этой власти будут подчиняться, это будет та конкретная власть, которая не остановится ни перед чем, но помните, что не Пожарские в первую голову, а Минины.

Таковым было заключение этой удивительной речи, которая, несколько неожиданно, заслужила аплодисменты слушателей.[29]

Алексеев был встревожен острой и демагогической речью Руттера. 15 мая он пошел пешком (а не поехал в коляске, как обычно) из своего кабинета к казармам, где жили солдатские делегаты. Согласно сообщениям в прессе об этой встрече,[30] солдаты были тронуты его приходом и встретили его восторженно. С видом человека, доверяющего своей аудитории конфиденциальные сведения, Алексеев описал стратегическое положение на фронте, откуда, сообщил он, германцы увели ряд дивизий, чтобы ввести их в бой против наших западных союзников. Он вспомнил о трудных днях в 1915 году, когда недоставало боеприпасов, но сказал, что в настоящее время снабжение фронта вполне удовлетворительно.

> Одна хорошая победа, один хороший толчок, – и я вам могу смело сказать, что мы подойдем к самому заключению мира. Каждому из нас нужно забыть о своих собственных интересах на короткое сравнительно время. Скоро уж наступят хорошие дни, когда каждый из нас в состоянии будет подумать о том, как устроить свою собственную жизнь и свое собственное благополучие. Теперь же каждый из нас должен по мере сил и возможности отдать все нашему изнемогающему отечеству. Ему в одно и то же время приходится вести и войну, и приступать к устройству своей новой жизни.
>
> Трудно сейчас сразу делать эти два дела. Только тогда, когда сыны России выполнят свой долг по отношению к родине, это будет возможно.

Главнокомандующий на минуту остановился и, волнуясь, продолжает далее тихо:

> – Вы – лучшие люди ваших полков. Я говорю это смело, потому что вас избрали общим голосованием ваши части, и у меня к вам, как к лучшим людям, просьба... мольба... и приказ...

Голос генерала срывается, некоторое время он молчит, волнуясь.

> – Поверьте тому, что нелегко мне это говорить. Разве можно так жить, чтобы командующий обращался с просьбой и мольбой к каждому, чтобы они выполняли свое дело? Но мы больны, и из уважения к этой болезни я делаю это – делаю все, чтобы разбудить дремлющую у вас любовь к родине.

Ген. Алексеев продолжил в том же духе, описывая, какие катастрофические последствия для России повели бы выход ее из войны или подписание сепаратного мира. Он попросил делегатов передать его слова войскам на фронте, и они пробормотали обещание это сделать. Затем он снял фуражку и низко поклонился им, "как честным, великим, русским гражданам, которые выполнили свой долг перед отечеством". Этот удивительный поступок Верховного Главнокомандующего был встречен обычной смесью одобрительных возгласов и аплодисментов, которая на языке журналистов стала известна, как "бурная овация".

Генералу ответил тот самый Руттер, речь которого на Съезде мы привели выше. Он вспомнил о богатыре Илье Муромце, который в юности лежал 33 года без движения. Таким же образом оцепенение России должно превратиться в порыв.

> И мы все верим, что этот перелом уже наступает, и что скоро, когда наш верховный вождь скажет нам: "Вперед", мы пойдем так, как шли всегда. Мы верим, что дело свободы, дело защиты нашей родины в верных и твердых руках. Никто не посмеет бросить нам укора, что свободная, демократическая Россия изменила себе, как свободной стране, и своим союзникам. Нет, этого на страницах всемирной истории не будет. Мы твердо верим в это и думаем, что все, кому дороги интересы России, кто верит в здоровый дух ее, тот тоже так думает, что эта болезнь пройдет, и мы воскреснем.

Последовала трогательная сцена. Алексеев обнял Руттера, поблагодарил его за высказанные им надежды и обещал, что в будущем жизнь будет основана на принципах свободы, равенства и братства (утверждение, которое не могло не вызвать новой овации). В заключение ген. Алексеев сказал:

> Я ухожу от вас с новым приливом веры в русского человека. Эта вера никогда у меня не иссякала, не было такой минуты, чтобы я опустил совершенно голову, чтобы я не мог рассчитывать на то, что мы выполним свой долг перед родиной. (Аплодисменты, "ура".) Только иногда в бессонные ночи, начитавшись тяжелых телеграмм, которые шли с фронта, у меня закрадывалось какое-то сомнение, но поговорив с вами и выслушав вашего представителя, вашего депутата, слова которого являются вашими словами, его чувства – вашими чувствами, его вера и надежда – вашей верой и надеждой... (Генерала прерывают бурные аплодисменты.) Выслушав его, я ухожу совершенно успокоенным, – я верю в то, что с вами в полки вольется новая, хорошая, светлая и свежая струя и что выздоровление, при вашей помощи, под влиянием ваших слов пойдет быстро. А с выздоровлением настанет желанная минута, о которой мечтаю и я, и которой живем мы все.

Поднявши руки, солдаты поклялись приложить все силы для достижения цели. Затем они подхватили пожилого генерала, намереваясь его качать, но Алексеев запротестовал, напомнив солдатам, что он больной человек. Его тогда осторожно донесли до ворот казармы.

Неделю спустя, как мы увидим ниже, Алексеев был поспешно лишен верховного командования.

Между тем Офицерский съезд кончал свою работу, приняв устав Союза офицеров и ряд резолюций. Было также решено проявить инициативу создания общевоинского союза: в одном из его отделений будут состоять офицеры, как военные руководители и специалисты, ответственные за боеспособность армии, в другом – солдаты. Союз офицеров было решено сохранить, как отдельную организацию, и Главный комитет Съезда обратился к офицерам с призывом создать отделения Союза в каждой части. Были также приняты резолюции, резко критикующие законодательство Временного правительства и директивы военного министерства. Эти резолюции не имели бы большого исторического значения, если бы они не приняли вида публично выраженных запросов к правительству, которые могли быть восприняты как более или менее закамуфлированные проявления контрреволюционного неподчинения революционной власти.

Устав Союза офицеров вполне раскрывал организационную схему и цели этого объединения; документы, опубликованные Главным комитетом, широко распространялись и выдавались каждому желающему. Несмотря на это в левой прессе, в бесчисленных петроградских комитетах и местных советах, в провинциальных городах за линией фронта и на самом фронте продолжала развиваться начатая еще до Съезда кампания, клеймящая Союз офицеров, как зловещую, подрывную и контрреволюционную организацию. Союз как целое и его члены-офицеры в отдельности не приложили больших усилий, чтобы противостоять этой кампании, но ген. А.И. Деникин, человек обычно умеренный и уравновешенный в своих высказываниях, в день закрытия Съезда обратился к нему со словами, которые вряд ли могли привести к сближению и взаимопониманию с представителями так называемой "революционной демократии".

> Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, – обратился он к делегатам, – деливши с вами и яркую радость победы и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом… я имею право бросить им:
>
> Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.
>
> Забитый, загнанный, обездоленный не менее чем вы условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны – как яркий светильник – жажду подвига. Подвига – для счастья Родины.

> Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни:
> Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть.[31]

В этой речи на закрытии Съезда ген. Деникин выступал в роли представителя ген. Алексеева. К этому времени (22 мая) слухи или определенные сведения о том, что Временное правительство увольняет генерала Алексеева с должности Верховного Главнокомандующего, уже достигли Могилева. Как это видно на примере его посещения солдатских делегатов в могилевских казармах, Алексеев был готов к исполнению своих трудных обязанностей, но он также понимал, что следовало укрепить дисциплину в армии, перед тем как переходить к наступательным действиям на каком-либо из фронтов. Сведения о моральном состоянии войск, которые до него доходили, были далеко не обнадеживающие, но он не смог полностью осознать, что могло значить откладывание наступления для уже и так непрочного правительства князя Львова.

После беспорядков 21 апреля правительство кн. Львова потеряло всякую уверенность в себе. Его главной надеждой стало создание правительственной коалиции, в которой могли бы участвовать умеренные руководители Совета, и можно было надеяться, что на этой почве могут сгладиться отношения между двумя соперничающими революционными правительственными инстанциями. Но Совет вел себя, как капризная и нерешительная невеста: пришлось в полной мере использовать истеричное ораторское искусство Керенского, чтобы убедить его разрешить нескольким своим членам войти в кабинет министров. В конечном итоге, после отставки Гучкова и Милюкова, шесть из них получили портфели.

* *
*

Новое правительство смягчило провокационно-неподатливый политический курс Милюкова и назначило министром иностранных дел М.И.Терещенко – сахарного магната и балетомана. Его обходительные манеры больше подходили для переговоров с союзниками, ведущихся в накаленной атмосфере, и для отношений с Советом, чем жесткие и наставнические приемы Милюкова. Было также ясно, что для того чтобы

уцелеть, правительство должно было найти и нового военного министра, чья популярность у солдатни была бы гарантией против внезапного и катастрофичного по своим последствиям военного восстания. Вот почему Керенский, присяжный поверенный без какого-либо военного опыта, стал военным министром.

Керенский помнил, каково было отношение Алексеева к целям войны и его отрицательную оценку "Декларации прав солдата и гражданина". Он оказал давление на правительство и добился увольнения Алексеева и замены его генералом А.А. Брусиловым, главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Эта беспрецедентная мера была принята без обсуждения с Алексеевым и оказалась для него полной неожиданностью. Хотя правительство опубликовало тогда нечто вроде открытого письма, в котором деятельность Алексеева во главе вооруженных сил России превозносилась до небес, известно, какими горькими были его чувства после отрешения от должности. В письме генералу А.П. Скугаревскому он писал:

> Я оказался неудобным, неподходящим тем темным силам, в руках которых, к глубокому сожалению, находятся судьбы России, судьбы армии (...)
> Меня смели.[32]

В дневнике же он обозвал Керенского "фигляром-министром".[33] Вернувшись в Петроград, Алексеев стал поддерживать тесный контакт со своими бывшими подчиненными в Ставке и со своими политическими единомышленниками (среди которых оказался и Милюков).

Изложение поведения Алексеева помогает пониманию драматических перемен, которые произошли в армии за те два с половиной месяца, в течение которых он был Верховным Главнокомандующим. Оно, к тому же, любопытно освещает некоторые стороны скрытного и сложного характера генерала. Его личная привязанность к Николаю II видимо полностью исчезла во время событий конца февраля 1917г.,[34] когда ему пришлось участвовать в подготовке отречения императора. В дальнейшем Алексеев не проявлял заметного интереса к его судьбе и судьбе его семьи. Вероятно, он недооценивал значение монархических убеждений в поддержании военной дисциплины и предполагал в этом отношении более важным влияние офицерского корпуса, чем значение вековой народной традиции. В своих многочисленных докладах Временному правительству Алексеев настаивал на том, что следует более решительно защищать авторитет офицерства, не понимая, что никакое количество

декретов и приказов не может заменить исторического престижа монарха.

Отношение Алексеева к правительству не было искренним. Это особенно видно в его отношениях с Керенским как в период, когда тот был министром юстиции, так и позже, когда он стал военным министром. Несмотря на то, что Алексеев высказывал своим друзьям и доверял своему дневнику весьма саркастические замечания о способности Керенского к государственному делу, замечая, что у него для этого "нет главных данных: умения и спокойной решимости", которые не могут быть заменены "кликушеством и словоизвержением", Алексеев писал Керенскому в июле 1917 г.:

> Вам много дано Богом, в Ваших руках сосредоточена теперь громадная власть и возможность провести в жизнь то, что может спасти родину и вернуть ей силы, возможность одержать победу и развернуть творческую работу для уврачевания тех ран и болезней, которыми родина страдает так, как никогда в прошлом долгом ее существовании.
>
> Вы еще [быть может] можете вдохнуть в своих сотрудников способность к практической, плодотворной работе на благо отечества, чего оно до сих пор не видит и не чувствует. [Больно конечно государство и люди, но нет и умелых целителей, которые успели бы показать, что они умеют и могут бороться с болезнью.] Родина [же] страстно ждет такой работы. Если будут обмануты ожидания, проклятье народа обрушится на Вашу голову, [Александр Федорович] (...)
>
> Прежде всего нужно возродить армию. Без нее гибель родины неизбежна. Меры для возрождения известны, они в Ваших руках, и все честное, твердое [и] неколеблющееся, неискательное ждет их скорого, бесповоротного осуществления. Вам будет принадлежать *тогда* признательность современников и потомства.[35]

Ни одна из мер, которые под влиянием Алексеева были приняты ген. Корниловым, не была поддержана Керенским. Несмотря на это Алексеев, как мы увидим, согласился взять на себя роль посредника между Корниловым и Керенским, когда между ними разыгрался конфликт, и тем самым помог Керенскому одержать победу (правда, ненадолго) в конце августа месяца.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Адм. Непенин был убит в марте 1917, адм. Колчак был командирован в США в июле 1917.
2. Barbara W. Tuchman. The Guns of August. New York, 1962; и Александр Солженицын. Красное колесо. Узел I – Август Четырнадцатого. Вермонт-Париж, 1983: два превосходных художественных изложения событий.
3. О Мясоедове см.: Г.М. Катков. Февральская революция. Париж, 1984, стр. 135–147.
4. Там же, стр. 307–355.
5. Там же, часть I, главы 1 и 3.
6. См.: С. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.
7. "Красный Архив", т. XXII, 1927, стр. 25.
8. Г.М. Катков. Февральская революция, стр. 380–385.
9. Там же, стр. 362–367.
10. Цитата из публикации Академии Наук СССР в 10 томах: Великая Октябрьская Социалистическая Революция: документы и материалы. Москва, 1957–1961. Здесь: Революционное движение в России после свержения самодержавия. Ред. Л.С. Гапоненко. Москва, 1957, стр. 607. Здесь и ниже цитаты публикуются по новой орфографии, в остальном же – без изменений по отношению к оригиналу. Все вставки – в квадратных скобках.
11. Революционное движение в русской армии в 1917 г.: сборник документов. Ред. Л.С. Гапоненко. Москва, 1968, стр. 31 и далее.
12. Гучков излагает "принципы", лежащие в основе принятых им решений о назначении лиц на высшие военные должности, своем приказе от 2 апреля 1917.
13. Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 208.
14. "Красный Архив", т. V, 1924, стр. 228.
15. Следует отметить, что большинство офицеров русской армии были тогда не кадровыми офицерами, а бывшими гражданскими лицами, произведенными после начала войны.
16. Среди них ген. Ю.В. Ломоносов, полк. В.Б. Станкевич, который занимал высокую должность на фронте, полк. С.Д. Мстиславский-Масловский, который служил в библиотеке Генерального штаба в Петрограде.
17. Позже были созданы комитеты на уровне дивизий, корпусов и даже армий.
18. Это воззвание было опубликовано в "Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов", 7 марта 1917. См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 223.
19. "Вестник Временного правительства", № 5, 10 марта.
20. У ген. А.А. Поливанова была необычная военная карьера. Он был помощником военного министра ген. Сухомлинова, но был уволен императором в 1912 году из-за близости к Гучкову. Позже, уже во время войны (в июле 1915), после ареста Сухомлинова, обвиняемого в преступных упущениях в деле снабжения армии и в предательских контактах с противником, Поливанов был назначен военным министром Николаем II, и продержался на этой должности лишь

на время существования сформированного тогда относительно либерального правительства. Он лишился своей должности в марте 1916, когда царь уже принял Верховное Главнокомандование. После Октябрьского переворота он служил и при большевиках, опубликовав интересные воспоминания: Из дневников и воспоминаний. Москва, 1924. См. текст "Декларации прав солдата и гражданина": Революционное движение в России после свержения самодержавия, № 144, стр. 776.

21. Протоколы съезда были опубликованы Главным комитетом Союза офицеров армии и флота (Ставка Верховного Главнокомандующего, май, 1917).
22. Устав Союза офицеров был издан в Ставке.
23. Заявление Совета от 27 марта 1917. См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия, стр. 444. Милюков приводит дату 28 марта.
24. Речь Керенского перед социалистами, представляющими правительства Франции и Великобритании, 6 апреля 1917: "Русское Слово", 6 апреля 1917 г.
25. Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Революционное движение в России в апреле 1917 г. Москва, 1958, стр. 725–726. В разъяснительной записке сообщалось, что заявления о мирном сосуществовании наций и о самоопределении угнетенных народов не должны восприниматься, как ослабление позиции России в ее борьбе на стороне союзников. Она оканчивалась утверждением, что правительство России "совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковым стремлением передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем". Согласно Милюкову, слова "гарантий и санкций" были употреблены в сообщении французского социалиста Альбера Тома: см.: П. Н. Милюков. История второй русской революции. Т. I, часть I. София, 1921, с. 762.
26. Революционное движение в России в апреле 1917 г., стр. 762.
27. "Русское Слово", 23 мая 1917. Неудивительно, что после принятия этой совершенно ненужной резолюции, Союз офицеров был обвинен недругами в приверженности Милюкову и кадетской партии. Партийный уклон Союза был еще усилен выбором известного кадета, подполковника Л. Н. Новосильцева, председателем его Главного комитета, и решением войти в "Лигу Русской культуры", возглавляемую Родзянко, но которой фактически руководил академик П. Б. Струве.
28. Один из офицеров-делегатов в своем выступлении о вопросе войны и мира даже процитировал Иммануила Канта.
29. Речь Руттера приводится по газете "Известия Действующей Армии" № 8, 19 мая 1917. (Издание Ставки Верховного Главнокомандующего).
30. В "Известиях Действующей Армии" приводится весь живописный и очень важный эпизод посещения Алексеевым солдатских делегатов. Мы ссылаемся на газ. "Русское Слово", 18 мая 1917.
31. А. И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Том I, выпуск второй. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917). Париж, 1922, стр. 113–114.
32. Из дневника генерала М. В. Алексеева: "Русский Исторический Архив", сборник I, Прага, 1929, стр. 15. См. также: Дневники, записи, письма ген. Алексеева

и воспоминания об отце В.М. Алексеевой-Борель. "Грани" № 125 (1982), стр. 123–306.

33. Там же, стр. 25.

34. Поздние рассказы о том, что Алексеев и князь Львов совместно конспирировали и стремились оказать давление на императора, убеждая его выслать супругу из Петрограда, представляются крайне неправдоподобными.

35. Из дневника ген. Алексеева, "РИА", сборник I, стр. 32 и 33.

Глава 2

БРУСИЛОВ – ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Решение назначить генерала Брусилова преемником Алексеева не было само по себе неожиданным, но причины его были сложные и многочисленные. Имя Брусилова выдвигалось еще до того, как ген. Алексеев был утвержден в должности Верховного. Родзянко, который был председателем Государственной Думы и стоял также во главе Комитета Государственной Думы, образованного 27 февраля 1917 г., написал в марте Временному правительству, призывая его не назначать Алексеева, который не соответствует духу времени и окажется неспособным установить хорошие отношения с низшими чинами. Вместо него Родзянко рекомендовал либо ген. Поливанова, либо ген. Брусилова, героя наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года. Вмешательство Родзянко – неуспешное, как большинство его тогдашних шагов, – поддержал доживающий свой век думский Комитет. Родзянко уже давно враждовал с Алексеевым, но в данном случае он, возможно, был прав в своем критическом отношении к назначению генерала. Быстрота, с которой армия начала разваливаться, станет очевидной из рапорта ген. А. Е. Гутора, командующего 11-й армией, своему непосредственному начальнику ген. Брусилову, от 12 апреля 1917:

> Как на факт, наиболее ярко характеризующий современное состояние войск, можно указать на тот своеобразный плебисцит, который по инициативе солдат производится в полках: идти ли весной в наступление или нет? При решении этого вопроса случается, что в полку часть высказывается за и часть против. Оставляя в стороне законность этого факта, привожу его как весьма характерный.

Дисциплина в войсках упала до предела. Новой, сознательной дисциплины еще не создалось. Это служит поводом к возникновению всевозможных инцидентов. Наблюдались случаи отказа частей выходить на занятия, на работы; было 2 случая отказа от заступления на позицию. Правда, при содействии комитетов (последнее время главным образом армейского), недоразумения улаживались. Но это возможно лишь при относительно мирных условиях данного периода. В случае же начала серьезных боевых действий с нашей или со стороны противника прибегать к услугам комитетов не придется, а вместе с тем нет и уверенности, что таких инцидентов не будет.

Отношение к офицерам продолжает оставаться весьма недоверчивым. Голосу убеждения офицеров не верят. Всякое собрание офицеров оценивается как начало организации контрреволюционного характера. В одной из частей в заседании полкового комитета был даже поднят вопрос о нежелательности и недопустимости офицерской организации. При таких условиях деятельность офицеров протекает в крайне ненормальных и крайне тяжелых условиях. Как следствие этого, наблюдается у офицеров такое состояние, когда у "человека опускаются руки" – состояние полной инертности и полной неуверенности в ближайшем будущем. Это не относится к тем офицерам, которые пользуются доверием солдат, но таких офицеров весьма немного.[1]

Считая "настойчивой необходимостью самую энергичную борьбу с создавшимся положением", ген. Гутор "в числе возможных мер" предлагал:

1. Командирование в войска членов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов как организации, пользующейся большим авторитетом и доверием среди солдат. Разъяснение ими характера текущих событий способствовало бы установлению единомыслия в армии (...)

2. (...) помимо действующих ротных и полковых судов желательно учреждение судов дивизионных с выборными членами из числа офицеров и солдат, которые ведали бы всеми крупными нарушениями порядка и дисциплины (...)

3. Так как положения старого дисциплинарного устава фактически утеряли силу, то является насущно необходимым

> скорейшее проведение в приказах военного министра мер к поддержанию законного порядка в частях и установление ответственности за нарушение порядка. (...)

Советы не могли бы желать лучших для себя условий, а Брусилов действительно попытался провести некоторые из наивных рекомендаций ген. Гутора...

Петроградский Совет тем временем создал ряд комитетов, многие из которых оказались под влиянием крайних элементов. Это было особенно верно в отношении так называемого "Иногородного отдела", который переписывался с провинциальными городами и с фронтом и посылал им делегатов, с целью разъяснения политики Совета и "революционной демократии" вообще. Петроградский Совет наводнял Ставку своей газетой "Известия" (правда, солдаты жаловались, что не все номера до них доходят). Большевики находили содержание "Известий" слишком умеренным и издавали для армии свои собственные газеты "Солдатская Правда" и "Окопская Правда", распространяемые партийными агитаторами, которые также стремились к созданию в окопах большевистских солдатских комитетов, вплоть до самой линии фронта. Ленин публично поддерживал и оправдывал особую кампанию братания с врагом на отдельных участках вдоль всей линии фронта, которая оказалась чрезвычайно разрушительной для воинской дисциплины. Организовывали митинги, с участием представителей противника, обменивались с ними подарками и заключали местные перемирия. Ленин утверждал, что эта деятельность была с каждой стороны чисто стихийной, что она беспокоила немецких офицеров не менее, чем русских. Утверждение это безусловно неверно и, вероятно, лживо.

С немецкой стороны братание на Восточном фронте было хорошо подготовленной операцией, проводимой специально обученными офицерами и солдатами. Архивы немецкого министерства иностранных дел периода лета 1917 года содержат ряд подробных докладов, присылаемых каждые две недели из армий Восточного фронта. В них отмечены все случаи братания и подробно описаны настроение, реакции, жалобы и надежды, выраженные при этом русскими войсками.[2] Факт, что германское верховное командование было так хорошо подготовлено к проведению столь деликатной психологической операции и смогло ее столь тонко осуществить, придает вес теории о том, что перед возвращением Ленина в Россию имели место прямые или косвенные переговоры между ним и той или иной немецкой службой.[3] Но информация о настроениях в русских войсках, которую немецкое

верховное командование получало благодаря братаниям, была в конечном счете менее пагубной для армии, чем некоторые другие аспекты этой кампании, инспирированной Лениным. Среди них на первом месте стоит ущерб, нанесенный моральному состоянию войск откровенно-вызывающими действиями, которые, при обычных условиях, считались бы предательством. Возникали острые конфликты с офицерами, стремящимися остановить братание. Их обвиняли в желании продлить войну и в преследовании своих подчиненных, которые, обращаясь к себе подобным по ту сторону фронта, лишь пользовались, как они полагали, правом, принадлежащим каждому человеку.

Еще более пагубными были конфликты, возникающие в самих солдатских рядах. Некоторые низшие чины оставались готовыми к исполнению своего воинского долга, тогда как другие смотрели на них из-за этого как на офицерских прихвостней. Возникла также трещина между артиллерией, почти не участвующей в братаниях, и пехотой. В случаях, когда пехотные части заключали на фронте самовольные перемирия, Ставка нередко приказывала артиллерии открывать огонь по противнику и приказание это исполнялось. Немцы в обстреле своих позиций видели нарушение соглашения и отвечали тем же; пехотинцы считали виновником своих бед свою же артиллерию, в результате – столкновения, перестрелки и иные виды междоусобной борьбы.

С точки зрения нового военного министра Керенского все эти признаки разложения не были симптомами общей болезни. Он рассматривал их, как временные явления, как "детскую болезнь" новорожденной свободной армии. Он продолжал настаивать на том, что наступление русских войск может быть предпринято в любой момент, и Брусилов, боящийся разрыва с правительством, поддерживал его безрассудные надежды. Были приняты меры, чтобы ограничить братания: немецкое военное командование стало сообщать о разрыве некоторых установившихся связей из-за перевода фронтовых частей в другие места или потому, что солдаты поддавались угрозам офицеров.

Назначив Верховным Главнокомандующим Брусилова, человека более ему приятного и более послушного генерала, чем Алексеев, Керенский решил сделать все возможное, чтобы помочь Брусилову восстановить или, вернее, установить в войсках достаточную дисциплину для проведения хотя бы ограниченных наступательных операций. Взявшись за дело, он внес в него свои незаурядные ораторские способности, подкрепляемые низким и волнующим баритоном и добродушным выражением близоруких глаз, которые обычно производили большое впечатление на аудиторию.

Первый его ораторский успех на должности военного министра имел место в Финляндии, где русские войска беспечно ожидали возможного немецкого наступления на Балтийском театре. Задача его была нелегкой: в Финляндии и особенно на Балтийском флоте, стоявшем у ее берегов, было большое количество большевистских или полу-большевистских ячеек, готовых бороться с человеком, подписавшим, по ленинскому определению, – "декларацию закрепощения солдата". Несмотря на это, его поездка, видимо, была успешной. Казачьи части, расквартированные в Финляндии, были мало затронуты большевистской пропагандой. Русское население было еще под впечатлением молниеносного возвышения Керенского и бурных оваций, с которыми его встречали толпы в начале революции. Даже матросы, враждебно относящиеся к Временному правительству, увидев, что военным министром назначен радикальный социалист, теперь стремились к примирению с правительством и желали положить конец неповиновению власти, в котором они фактически пребывали.[4]

Воодушевленный своим успехом в Финляндии, Керенский решил еще раз посетить войска, теперь уже на фронте (главным образом на Юго-Западном фронте), чтобы на массовых митингах обратиться к тем солдатам и офицерам, которые должны были нести основную тяжесть предстоящего наступления. Облаченный в полувоенную форму без наград и знаков отличия, он восходил на высокие трибуны, воздвигнутые в больших залах или в центре широких открытых мест, переполненных людьми, принадлежащими различным частям, командиры и штабные офицеры которых стояли обычно возле него. Нелегко восстановить речи Керенского, заранее им не подготовленные и обычно никем не записанные. Лишь на основе отчетов в газетах и листовок, приготовляемых для русских войск и еще до революции отправленных во Францию, можно составить себе впечатление об их весьма несложном построении.

Поблагодарив войска за то, что они свергли самодержавие и участвовали в установлении в России свободного строя, который может служить примером для всего человечества, Керенский обычно объяснял свое собственное положение гражданского лица, привлеченного чрезвычайными обстоятельствами времени на должность военного министра. Затем он выражал свое сожаление о том, что его обязанности политического и государственного деятеля не позволяют ему присоединиться к войскам и умереть вместе с теми, которые погибнут в бою геройской смертью. Он в душе уверен, что солдаты, которых при царе заставляли рисковать жизнью в бою, устрашая их кнутом и пулеметом, теперь готовы к высочайшей жертве ради славного будущего своей родины. Решительный

час близок, и он надеется на единодушную поддержку как солдат, так и командующих ими офицеров, которых он обычно обнимал в конце речи. (Не указывалось в отчетах, как относились к подобной чести офицеры, которых только что охарактеризовали как людей, посылающих своих солдат в бой под страхом кнута и пулемета.)[5] Как правило, речь Керенского заканчивалась исступленными рукоплесканиями, восторженные солдаты выносили его с трибуны на руках. Тогда у Керенского, утомленного своим ораторствованием или такой бурной реакцией своих поклонников, нередко начинался припадок, что-то вроде падучей, оправляясь от которого, в приподнятом настроении, он мог видеть, как рассеивается толпа, охваченная благоговейным страхом перед священной немощью своего кумира.

Обращения Керенского к войскам не оказывали прочного влияния на их настроения. Иногда иной агитатор, стоявший прямо позади слушателей, произносил свою собственную речь, и, послушав Керенского, часть толпы обращалась к нему, что конечно приводило к ослаблению влияния на слушателей выступления военного министра. Но такие инциденты не колебали его убеждения в том, что его посещение фронта имело полный успех; от них не ослабевала у него вера в предначертанность его власти над войсками, в свою способность управлять ходом событий посредством одной только силы своей личности. Последний русский царь, в споре со Столыпиным, однажды сказал ему: "Не забывайте, что сердце царево в руках Божиих". Керенский же тогда, а может быть и в течение всей своей жизни, чувствовал, что его сердце в руках народа и что он выполняет миссию, предназначенную ему самой судьбой.

Голая демагогия на фронте была не единственным приемом, использованным Керенским, чтобы восстановить боеспособность армии и спасти положение. По его инициативе в Петрограде 4 мая (еще при Верховном Главнокомандующем – Алексееве) открылось совещание, на котором присутствовали члены Временного правительства, главнокомандующие фронтами и виднейшие деятели Петроградского Совета.[6]

Военачальники приехали с жалобами на то, что Советы совершенно не понимают необходимости строгой дисциплины, в результате чего в армии царит полная анархия. Представители Совета, со своей стороны, замечали, что офицерство оказалось неспособным оценить масштабность и значение происшедших перемен и, более того, – необходимость установления новой, революционной дисциплины, которая не была бы основана на слепом послушании офицерам, рассматриваемым как классовые враги, защищающие интересы "капиталистов и помещиков". Дискуссия особенно обострилась, когда зашла речь о Приказе № 1 и о продолжающемся его

распространении в армии. Церетели и Скобелев, оба – видные члены Петроградского Совета, бросились защищать приказ. Без него, утверждали они, нельзя было удержать войска петроградского гарнизона. Обвинения в том, что Совет способствовал разложению армии, бессмысленны: общеизвестно, что единственная признаваемая войсками власть – власть Совета. Его идеалы – не идеалы "отдельных кучек", а идеалы всей страны.

> Есть только один путь спасения, – заявил Церетели, – путь доверия и демократизации страны и армии. Совет заслужил *доверие* этим путем и имеет теперь возможность проводить *свои* взгляды, и пока это так, еще не все потеряно. Укрепляйте же доверие к Совету.

Скобелев говорил более откровенно:

> Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан Приказ №1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать Приказ №1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были. Необходимо сказать правду: мероприятия командного состава привели к тому, что за 2 1/2 месяца армия не уразумела происшедшего переворота.

В заключение своего выступления Скобелев заявил:

> Мы возлагаем надежды на нового военного министра и надеемся, что министр-революционер продолжит нашу работу и ускорит мозговой процесс революции в тех головах, в которых он протекает слишком медленно.

На эти нападки генералы ответили призывом к Советам помочь восстановлению авторитета офицерства, но выразили они свою просьбу неубедительно и неискренно.

> Не думайте, – сказал ген. Алексеев, – что пять человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренне присоединились и зовем вас к совместной работе. Я сказал – посылайте к нам лучших людей, пусть они работают вместе с нами. Мои слова звучали горечью, но не упреком. Не упрек, а призыв я посылаю вам.

Лишь один ген. Гурко был более чистосердечным. Свое второе выступление он окончил следующими словами:

> Мы просим дать дисциплину. Мы все делаем и убеждаем. Но необходим и ваш авторитетный голос. Надо помнить, что если противник перейдет в наступление, то мы рассыпаемся, как карточный дом. Если вы не откажетесь от революционирования [так!] армии, то возьмите сами власть в свои руки.

Не обращая внимания на зловещий характер разыгравшейся дискуссии, Керенский, подчеркивая общее стремление офицеров и солдат укрепить завоевания революции и обеспечить стране славное будущее, заявил под конец прений, что у всех должна быть одна цель: "освободить страну до конца".

Старания Керенского не оказались вовсе бесплодными. Немало офицеров теперь поняло, что им придется сотрудничать с правительством и следовать генеральной политической линии, определенной Советом. Они стали приходить в свои части, стремясь увещеваниями возбудить у своих подчиненных сознание необходимости исполнения приказаний начальников, основанных на указаниях Главной квартиры. Им приходилось целиком полагаться на свое дипломатическое искусство, чтобы произвести хоть какое-нибудь впечатление на солдат. Но для многих из них, препятствия, возникающие на этом пути, оказывались непреодолимыми, и чтобы добиться хоть каких-то результатов, им приходилось выступать против своих прежних убеждений в некоторых вопросах, стремясь таким образом продемонстрировать свою солидарность с "революционными массами" (по крайней мере с теми представителями "масс", с которыми они сталкивались в наиболее умеренных армейских комитетах).

Все это, естественно, подрывало офицерскую солидарность, что дало себя почувствовать несколько недель спустя, когда разразился конфликт между Верховным Главнокомандованием и различными революционными организациями страны. Офицеры, стремящиеся к защите завоеваний революции и тем самым желающие ее дальнейшего развития ("углубления ее завоеваний", как тогда говорили), создали свою собственную организацию, созвали съезд в Петрограде и избрали правление, конкурирующее с Главным комитетом Союза офицеров в Ставке.

Временное правительство, и в особенности Керенский, добивались от Ставки начать давно откладываемое наступление русских армий, чтобы помочь союзникам сдерживать все нарастающее давление немцев на

Западном фронте. Доклады с Юго-Западного фронта, который должен был сыграть главную роль в наступлении, были противоречивыми. Некоторые начальники писали, что настроение войск не позволяет начинать боевые действия. Другие, настроенные более оптимистически, выражали надежду, что после первых успехов армия вновь обретет свою былую боеспособность. Керенский прислушивался лишь ко второму мнению и торопил Брусилова приступить к боевым действиям в Галиции.

Наступление началось 6 июня. Оно опиралось на 8-ю армию ген. Корнилова и было отмечено успехами, которые, согласно газетным сообщениям, предвещали большую победу. Были заняты Калуш и Галич, тысячи австрийцев взяты в плен, захвачены многочисленные пушки. Фронт был прорван приблизительно на 30 километров и планировалось, что ударный кулак 6-й и 11-й армий ворвется сквозь этот прорыв. Но этого не произошло.

Первоначальный прорыв был совершен передовым отрядом 8-й армии, состоящим в основном из так называемых "ударных батальонов". Они возникли еще до революции, зимой 1916–1917 года, в то время, когда, среди других причин, погодные условия вызвали затишье в боях. Добровольцам из 8-й армии было предложено создавать небольшие отряды, чтобы проводить ограниченные операции, такие как захват отдельных австрийских пленных или рекогносцировка за линиями противника. В эти отряды шли люди крепкие, верные своему долгу, из которых Корнилов и создал свои "ударные батальоны". В 1917 году они получили поддержку новосозданного добровольческого "Женского батальона", формирование которого было только что разрешено Временным правительством. Между ударными частями и их командованием сохранились взаимное уважение и доверие — необходимые основы воинской дисциплины.

Тем временем основная масса 8-й армии оказалась охваченной приступом революционной горячки. Каждый приказ командования рассматривался комитетами частей с политической точки зрения, и это они решали, соответствует ли данное наступление в данное время духу воззвания Петроградского Совета от 13 марта 1917 народам всего мира, призывающего их прекратить безумную бойню. Некоторые части теряли целые дни на обсуждение приказов. Другие просто отказывались высылать пополнения на фронт. Были даже случаи массового дезертирства.

Когда немцы перебросили свежие войска на Юго-Западный фронт, редкие ряды ударных батальонов и прочих частей, хоть как-то подчиняющихся приказаниям начальства, не смогли выдержать напора, и 8-я

и, частично, 9-я армии покатились назад, отдавая противнику территорию, завоеванную во время наступления. Но худшее еще предстояло. Лишенные человеческого облика солдаты бесчинствовали в русских деревнях, совершая убийства и другие преступления, что приводило командование в полное отчаяние. Поэтому Корнилов, не ожидая приказа, попытался сам прекратить безобразия. Надежные части стали вылавливать дезертиров и вешать их на перекрестках, прикрепляя к трупам дощечки с перечислением преступлений, в качестве жесткого предупреждения каждому, кто последует этому примеру.

Эти казни лежат темным пятном на совести Корнилова. Но документы из архива Белой армии ясно показывают, что Корнилов стремился к соблюдению возможной законности, когда взялся за восстановление порядка в своих деморализованных войсках.[7] Он предпринял решительные шаги, чтобы побудить правительство создать военно-полевые суды, уполномоченные выносить смертные приговоры. В прессе была широко опубликована одна из его наиболее нашумевших телеграмм:

> Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит.
> На полях, которые даже нельзя назвать полями сражения, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. (...)
> Меры кротости правительственной, расшатывая необходимую в армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдержанных масс, и стихия эта проявляется в убийствах, насилиях, грабежах, убийствах. (...)
> Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов.[8]

Призыв Корнилова к военному министру был поддержан новым комиссаром Юго-Западного фронта – Борисом Савинковым, а также Верховным Главнокомандующим – ген. Брусиловым. В конечном итоге Временное правительство издало декрет, устанавливающий смертную казнь за целый ряд преступлений, совершенных военными во фронтовой полосе.

Было бы ошибочным считать, что относительный порядок, который был восстановлен на Юго-Западном фронте благодаря этим мерам, был достаточным, чтобы остановить могучее контрнаступление, предпринятое австро-немецкими войсками. Причиной прекращения военных операций

послужили доклады немецкому командованию от германских разведывательных служб, в частности через министерство иностранных дел, которые предсказывали, что процессы деградации политической жизни России и постепенного ослабевания ее вооруженных сил будут развиваться в будущем все быстрее. Проникновение германских войск вглубь страны может привести только к возрождению патриотических чувств в русских народных массах, оно обострит военное напряжение, вызовет потери в живой силе и постепенное завязание в России людей и военной техники, которые чрезвычайно важны на Французском и Итальянском фронтах.

Пока наступление, организованное Керенским, успешно развивалось, и удачи русского оружия приветствовались либеральной и даже умеренной социалистической печатью, пропаганда большевиков в войсках петроградского гарнизона и на заводах достигла небывалого размера. Возобновившиеся военные действия казались большевикам и некоторым их сторонникам предательством революции, и большое число агитаторов снова начали призывать к уличным беспорядкам, которые должны были повторить события 21 апреля. В большевистских газетах (в "Правде" и ее специальных выпусках для фронтовых частей) разгорелась демагогическая кампания с требованием ухода из правительства десяти "министров-капиталистов", которые, якобы, держат под своей властью шестерых "министров-социалистов". Большевистский Центральный Комитет, хотя и был совершенно уверен в успехе своих агентов, разосланных по казармам и заводам, все же не решался дать сигнал переворота против правительства князя Львова. Он еще не был готов взять на себя ответственность за руководство массами в случае открытого восстания, и его относительно умеренный представитель в Совете – Каменев не был даже вполне в курсе того, что творилось в самом ЦК. Ленин в это время стал жаловаться на здоровье, на головные боли и бессонницу, и решил уехать отдохнуть на берег Балтийского моря.[9]

Когда опасное положение на фронте стало очевидным, Керенский попросил Брусилова собрать на совещание всех главнокомандующих фронтами, пригласить Алексеева и Рузского, как военных специалистов, находящихся в распоряжении правительства, и других лиц по его собственному усмотрению. На совещании должны были присутствовать представители от Временного правительства, во главе с Керенским. Совещание должно было открыться 16 июля в Могилеве. Среди приглашенных оказался и бывший главнокомандующий Западного фронта – ген. Гурко. Но у Гурко недавно произошла стычка с Керенским, и военный министр

сообщил Брусилову, что если приглашение Гурко не будет отменено, ни один член правительства на совещание не прибудет.[10]

Открытие совещания было задержано на полтора часа из-за досадного инцидента. Когда Керенский со своей многочисленной свитой, включая и Савинкова, приехал на Могилевский вокзал, он был встречен лишь адъютантом Брусилова. Керенский немедленно обиделся и отказался выйти из поезда, пока Брусилов, которому события на фронте помешали лично встретить Керенского, наконец не прибыл на вокзал. Брусилов не замышлял никакого оскорбления и протокол не предписывал Верховному Главнокомандующему лично встречать военного министра, но Керенский решил, что он, как представитель Временного правительства облечен всей полнотой власти, подобно монарху, и даже личное, но запоздалое прибытие Брусилова гнева его не успокоило. Этот инцидент отчасти объясняет, почему большинство генералов, присутствующих на совещании, не пытались уменьшить свою ответственность за военное положение и ограничивались примирительными словами. В этом они следовали примеру своего начальника Брусилова.

Первым выступил ген. Деникин. Он, в отличие от остальных генералов, говорил в том же духе, как на съезде Союза офицеров (см. выше), обращаясь прямо к военному министру и не пощадив в своей критике правительство, чья слабость и слепота привели к разложению армии. Позже Корнилов хвалил Деникина за то, что тот был единственным человеком, осмелившимся сказать Керенскому в лицо, сколько вреда он причинил армии. Своей прямотой речь Деникина, видимо, произвела на Керенского впечатление. Во всяком случае, он поблагодарил генерала за его "смелое, искреннее слово". Но как большинство совещаний того времени, встреча в Могилеве не принесла армии немедленных перемен, которых неотложно требовало ее отчаянное положение.

С начала июля 1917 ситуация в Петрограде радикально изменилась. Новости с фронта были такими тревожными, что в столице начали сознавать, что внутренние раздоры не могут продолжаться далее. К такой точке зрения пришел даже Петроградский Совет. 4 июля толпы мятежников, к которым присоединились восставшие солдаты и кронштадские матросы, окружили Таврический дворец, где заседал Центральный Исполнительный Комитет Совета, и попытались похитить министра земледелия Чернова, хотя он был известен как убежденный социалист и решительный революционер. Чернов был спасен лишь благодаря личному вмешательству Троцкого.[11] Тогда же шайка неопознанных лиц сделала попытку арестовать Временное правительство, заседавшее в Мариинском дворце, но в конечном счете ограничилась кражей

нескольких автомобилей, стоящих поблизости. Временное правительство и Совет обратились к войскам Северного фронта с просьбой выслать подкрепления для их защиты, и несколько казачьих частей быстро справились с восстанием.

Ленин и большевики, хотя и объявили о своей поддержке восстания, отклонились от принятия ответственности за июльские события, но репутации Ленина был нанесен значительный удар: министр юстиции П.Н.Переверзев официально объявил, что существует ряд документов, доказывающих связи Ленина с немцами и получение от них крупных денежных сумм. Документы эти были получены от одного из отделений разведывательных служб, перехватившего телеграммы, которыми обменивался Ленин со своими друзьями-социалистами в Швеции. Популярность Ленина была значительно поколеблена, многие солдаты петроградского гарнизона от него отвернулись и были теперь готовы к защите Временного правительства от немецких происков. Кронштадтским морякам пришлось сдаться: они были разоружены и отправлены обратно на свой остров. Лица, подозреваемые в посредничестве между Лениным и немцами, были арестованы, а сам Ленин, со своим всегдашним помощником Зиновьевым, скрылся в подполье. Его друг, В.Д. Бонч-Бруевич позже показал, что Ленина предупредил по телефону о грозящей ему опасности товарищ министра юстиции Н.С. Каринский.[12]

После крушения июльского восстания большевистская партия, казалось, была на грани полного уничтожения. Возглавляемая умеренным, но слабовольным Каменевым, она погрязла во внутренних раздорах. Репутация Ленина и Зиновьева сильно пострадала от того, что они отказались присутствовать на обвинительном процессе против них на том основании, что считали его "буржуазным судом". Но в то же время партия получила подкрепление: с большевиками объединилась маленькая радикальная социалистическая группа – Межрайонный комитет, под руководством Троцкого (см. прим. 11).

Ленин и Зиновьев бежали в Финляндию, где Ленин и поселился, находясь под защитой начальника Гельсингфорской милиции К. Ровио, близкого к большевикам. Но инициатива, принятая Переверзевым несколько опрометчиво и без консультации с коллегами, имела и некоторые отрицательные последствия. Как только Керенский вернулся в столицу, уже относительно спокойную, он опубликовал совместно с министром иностранных дел Терещенко заявление, в котором Переверзев обвинялся в том, что он преждевременно предал огласке контакты с немцами, приписываемые Ленину. Они намекнули, что были в курсе этих связей с самого начала, но прежде чем их обнародовать, ждали ареста

используемого Лениным на пути между Стокгольмом и Петроградом посредника, чтобы захватить деньги и все компрометирующие документы. Такой посредник действительно существовал: это был близкий друг Ленина И.С.Фюрстенберг-Ганецкий, который поддерживал подпольную связь с немцами и совместно с Радеком издавал информационный листок на немецком языке, рекламирующий деятельность и успехи большевиков в России.[13] Керенскому и Временному правительству в целом сообщение Переверзева показалось нарушением правил коллективного руководства, и министру юстиции пришлось уйти в отставку.

Хотя Керенский и претендовал на полную осведомленность о немецких связях Ленина, до сих пор не найдено доказательств намерения Ганецкого совершить поездку в Россию именно в этот момент,[14] как утверждает и сам Терещенко и другие современники. Расследование немецких контактов Ленина начал Альбер Тома, французский социалист и министр вооружения, который приезжал в Россию еще до революции и вернулся позже в роли советника революционного правительства. Через него и через некоторые английские источники Временное правительство еще в апреле получило информацию по этому вопросу.[15]

Но не одно дело Переверзева причиняло правительству крупные неприятности. 3 июля министры-кадеты вышли из правительства в знак протеста против того, как Керенский с Терещенко (который тогда уже не был членом кадетской партии) собирались решать украинский вопрос.[16] Князь Львов вступил в яростный спор с министром земледелия Черновым по поводу составления законопроекта о национализации земли. Конфликт зашел так далеко, что в конечном итоге Львов предложил тому, что оставалось от кабинета, свою отставку и сдал должность Керенскому. Он тогда сказал в интервью:

> Я сложил с себя тяжкое бремя, убежденно исполняя свой долг перед родиной и сознательно выдвинул кандидатуру Керенского в качестве моего заместителя, ибо глубоко убежден, что именно он необходим в данный, может быть наиболее опасный, момент революции на посту министра-председателя.[17]

Не в состоянии далее оказывать воздействие на события, он удалился в Оптину пустынь, чтобы в подходящей обстановке подвести итоги пройденного пути.[18]

Право назначать заместителя министру-председателю никогда ранее не оговаривалось ни князем Львовым, ни кем-либо иным. Этот факт наглядно показывает непонимание конституционных основ теми людьми, которые

себя облекли "всей полнотой власти". Не существовало президента государства, регента или регентского совета, которым подавшее в отставку правительство могло бы передать свои полномочия, не было никого, кто должен был бы назначать нового министра-председателя или играть роль посредника во время переговоров, предшествующих образованию нового правительства. Героические усилия, проявленные Керенским при ведении таких переговоров, не могли не быть обречены на провал, ибо он выступал одновременно в роли назначающего и кандидата на должность премьера.

Керенскому пришлось передать председательство еще существующего кабинета — министру путей сообщения Н.В.Некрасову, предоставив ему таким образом вести переговоры для образования нового правительства. Некрасов принял должность 7 июля и сохранил ее две недели.

Керенский же, хотя и был тогда вовлечен в сложные политические маневры, не упускал из виду и все ухудшающееся положение на Юго-Восточном фронте. Он уволил Брусилова с должности Верховного Главнокомандующего и заменил его, 10 июля, ген. Корниловым. Замена Верховного Главнокомандующего объясняется несколькими причинами. С одной стороны, Брусилов оказался слишком послушным исполнителем и не сумел удержать Керенского от наступления в то время, когда армия была совершенно неспособной к активным боевым действиям. С другой стороны, он глубоко задел самолюбие Керенского, не поехав встречать его поезд в Могилеве. Среди офицерства Брусилов был непопулярен из-за энергичных усилий, приложенных им для установления хотя бы сносных отношений с солдатскими комитетами. Солдатам же Брусилов представлялся старорежимным генералом. К тому же они не забыли и не простили ему тяжелые потери так называемого "Брусиловского наступления" летом 1916 года.

Брусилов отнесся к своему увольнению не с таким внешним спокойствием, как его предшественник Алексеев. В интервью для печати он заявил:[19] "Когда я выступил [так!] на пост Верховного Главнокомандующего, я нашел армию в тяжелом положении развала и анархии", — заявил Брусилов. Он неоднократно обращал внимание правительства на это положение и "горячо сочувствовал попытке А.Ф.Керенского ввести дисциплину сознания гражданского долга в армии и по мере сил своих проводил ее сам". Он поддерживал наступление, приказанное Керенским, хотя предупреждал его, что шансов на успех мало. Но он

знал, что это наступление так или иначе выявит тот развал, в котором находилась армия, что оно даст неопровержимое подтверждение [его] словам о необходимости введения дисциплины. (...) Легко мгновенно испортить, но трудно и требуется долгого времени воздвигнуть вновь здание такого фактора, каким является дисциплина. С переходом противника в наступление, войска наши побежали, бежали при малейшем нажиме немцев, которых мы превосходили силою в пять раз.

Генерал Брусилов продолжает:

Я не был вполне согласен с приказом генерала Корнилова и поддержал его.
Ни одной секунды я не думал об уходе. Я всегда считал себя не вправе уйти и не хотел уходить, а, напротив, думал, что мой боевой опыт и мое знание офицера и солдата и отношение армии ко мне послужат тем звеном, которое облегчит воскресение армии в ее силе.

Когда он "совершенно неожиданно" получил короткую телеграмму, извещающую его об увольнении, с приказанием сдать должность Верховного Главнокомандующего Корнилову и выехать в столицу, чтобы перейти в распоряжение Временного правительства, условия отставки его глубоко "поразили" и "оскорбили".

Увольняя Брусилова, Керенский действовал под давлением своих коллег из Временного правительства, которые стремились к улучшению отношений между офицерами и правительством. Репутация Брусилова сильно пострадала в глазах офицерства из-за его почтительного отношения к солдатским комитетам. Политические комиссары армии Савинков и Филоненко утверждали, что Корнилов заслужил доверие офицерства и, честно защищая "завоевания революции", стремится также к примирению офицерского корпуса с правительством.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Революционное движение в русской армии в 1917 г.: сборник документов. Ред. Л.С. Гапоненко. Москва, 1968, стр. 72.
2. См. архивы немецкого министерства иностранных дел, особенно "секретные" и "совершенно секретные" документы, относящиеся к Мировой войне. Они описывают различные попытки заключения мира или перемирия на отдельных участках фронта.
3. Можно привести различные случаи вероятного тайного сговора между Лениным и немцами: например, требования Ленина опубликовать секретные соглашения между Россией и союзниками о целях войны или его поддержку народного требования ухода Гучкова и Милюкова.
4. В начале мая, под давлением большевиков Кронштадтский Совет принял резолюцию, в которой заявлялось, что он не будет подчиняться приказам Петроградского правительства или назначенных им лиц, а лишь приказам Петроградского Совета.
5. Ген. Деникин передает свои ощущения по этому поводу в: Очерках Русской Смуты. Том 1, выпуск второй. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917). Париж, 1922, стр. 183. В речи, произнесенной на Могилевском совещании 16 июля 1917, он резко реагировал на эти обвинения, сказав, что люди, которые распространяют слухи об использовании пулеметов и кнута против солдат (и, стало быть, сам Керенский), – врут.
6. См.: Ген. Н.Н. Головин. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Часть 1. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Книга 1-я. Приложение к "Иллюстрированной России", Рига, 1937, стр. 99 – 116.
7. Архив Белой армии был передан ее последним главнокомандующим, ген. Врангелем, в Гуверовский институт при Стенфордском университете в Калифорнии.
8. "Русское Слово", 12 июля 1917.
9. Сложная история "Июльских дней", первой – неудавшейся – попытки большевиков захватить власть, была подробно рассказана А. Рабиновичем: Alexander Rabinowitch. Prelude to Revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 uprising. Bloomington / London, 1968. Здесь нет нужды ее повторять.
10. Алексеев сделал попытку помешать приезду ген. Гурко в Ставку, но неудачно. Хотя он находился в Могилеве, Гурко не явился на злосчастное совещание генералов с Керенским и его окружением.
11. Троцкий поздно вернулся в Россию (в начале мая), так как его одно время задержали в Галифаксе канадские власти. Он не сразу примкнул к большевикам и одно время возглавлял маленькую социал-демократическую группу, называемую Междурайонным комитетом ("Межрайонка"). Он все же поддерживал большевиков и в конечном счете вступил в партию, после появления приказа об аресте Ленина. Он был вскоре сам арестован и освобожден лишь после ликвидации Корниловского выступления. Он тогда был избран председателем Петроградского Совета, играл ведущую роль в Петроградском военно-революционном комитете, который стал орудием подготовки большевистского Октябрьского переворота и свержения Временного правительства.

С того времени его имя всегда было связано с именем Ленина и его обычно считали в России, как и за границей, вероятным преемником последнего. Было бы излишним здесь напоминать эти хорошо известные факты, если бы советская историография не стремилась превратить Троцкого в "не существовавшего".

12. Н.С. Каринский (бывший харьковский прокурор) в эмиграции упорно отрицал, что он выручил Ленина. В.Д. Бонч-Бруевич, во втором издании своей книги (На боевых постах февральской и октябрьской революции. Москва, 1931) в ответ на его возражения писал, что советское правительство разрешило эмиграцию Каринскому в знак благодарности за услугу, оказанную Ленину. При отсутствии других данных, следует скорее поверить Бонч-Бруевичу.
13. "Russische Korrespondenz Pravda". Stockholm, 1917.
14. См. документы немецкого министерства иностранных дел. Катков, Февральская революция, гл. 5.
15. Воспоминания Тома были опубликованы в "Cahiers du Monde Russe et Soviétique", №№ 1–2, 1973 (Vol. XIV): он в них не упоминает о своих ранних предупреждениях, но, рассказывая о своей последней встрече с Терещенко, Тома пишет, что у них был длинный разговор о вопросах, относящихся к военной разведке, важных как для России, так и для Франции.
16. Коллективный уход министров-кадетов совпал с отставкой кн. Львова. Терещенко и Керенский, вкупе с Церетели, тогда стремились распутать сложное административное положение, возникшее в Киеве вследствие борьбы различных властей, появившихся в городе. Небольшая группка политиков провозгласила самоуправление для всей Украины, возглавляемое Генеральным секретариатом, избранным украинским "парламентом" – Центральной Радой. Министры достигли видимого соглашения с властью, возникшей на Украине. Но как только они покинули Киев, Центральная Рада провозгласила так называемый "Второй универсал", трактующий соглашение, достигнутое с Временным правительством, в терминах, неприемлемых для кадетов. Одним из пунктов Универсала было немедленное формирование украинских вооруженных сил, что внесло бы еще больший хаос в армию на фронте и вполне соответствовало стремлениям, проявленным немцами с самого начала войны.
17. "Русское Слово" от 12 июля 1917.
18. Согласно воспоминаниям проф. Ф.А. Степуна (Vergangenes und Unvergängliches: aus meinem Leben 1914–1917. Teil II, München, 1948, S, 116), кн. Львов почувствовал на своей совести бремя тяжких грехов. Он, во всяком случае, так об этом рассказывал в эмиграции, в Париже.
19. Интервью "Русскому Слову", опубликованное 22 июля 1917.

Глава 3

НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

Назначенный 10 июля Верховным Главнокомандующим Лавр Георгиевич Корнилов лишь несколько дней успел побыть командующим Юго-Западного фронта. Корнилов был генералом совершенно другого склада, чем его предшественники Алексеев и Брусилов. Родился он в 1870 году в Семипалатинской области.[1] Отец его был отставным казаком Сибирского казачьего войска, дослужившимся после двадцати пяти лет службы до чина хорунжего и ставшим волостным писарем. Ввиду явных способностей молодого Лавра, отец отправил его учиться в Омский кадетский корпус, который он окончил с отличием. Затем Корнилов поступил в Михайловское артиллерийское училище и в 1892 г., по окончании его, был назначен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Попал Корнилов в эту провинциальную часть, вероятно, в результате конфликта с начальством училища, из-за которого он получил пониженную отметку за "дурное поведение". В 1895 году он поступил в Академию Генерального штаба и окончил ее три года спустя с золотой медалью.

После короткой службы в Варшавском округе он вернулся в Туркестан. Здесь, под начальством ген. Ионова, он занялся широкомасштабными разведывательными операциями, связанными с русскими военными экспедициями в Восточную Персию. Под псевдонимом "Капитан К." Корнилов опубликовал несколько статей о Восточной Персии, Индии и Белуджистане. Он также исследовал Кашгарию и в 1901 году опубликовал книгу "Кашгария и Восточный Туркестан". В конце 1904 года, во время Японской войны, он был начальником штаба 1-й стрелковой бригады и заслужил орден св. Георгия 4-й степени.

По окончании войны Корнилов был переведен в Генеральный штаб, но служил в Туркестане, на Кавказе и в Западной России. В 1907 году он был назначен русским военным агентом в Китай и оставался там до 1911 года. Во время службы в Китае Корнилову удалось совершить несколько поездок, полных приключений, по Китаю и Монголии. Затем, уже в полковничьем чине, он командовал 8-м Эстонским полком, Заамурским отрядом, в составе двух пехотных и трех казачьих полков, и 9-й Сибирской стрелковой дивизией. В 1914 году он получил 49-ю, а затем 48-ю пехотную дивизию. В апреле 1915 г. войска Корнилова составляли часть передового отряда, спускающегося с Карпат в Венгерскую равнину. Но победоносное шествие русских войск быстро превратилось в катастрофу, так как в армии внезапно обнаружился недостаток во всех видах припасов и снабжения, и особенно — в снарядах. Войскам Корнилова пришлось отступать, и сам он был окружен противником, ранен и взят в плен.

До этого времени карьера Корнилова была быстрой, если не исключительной для русской армии. Достижение высокого чина в вооруженных силах было тогда одним из основных способов продвижения вверх по социальной лестнице, и Корнилов по ней поднялся быстро: в начале 1914 года он был уже генералом. Но плен привел к внезапному пресечению нормального хода его карьеры, за ним последовало заключение в различных лагерях, где находились также другие русские генералы. В одном из этих лагерей Корнилов познакомился с ген. Е.И. Мартыновым, который попал в плен в первые дни войны, когда его разведывательный самолет сделал вынужденную посадку за линиями неприятеля. До 1914 года Мартынов долго конфликтовал с высшим военным начальством и вернулся к службе только к началу войны. Возможно не без оснований, он был чрезвычайно критически настроен к верховному командованию и к военной администрации, но резкость его нападок быстро надоела заключенным вместе с ним генералам и угнетала их. Корнилов, находясь в одном с ним лагере, был так возмущен его несдержанными выражениями и отсутствием патриотизма, что оба генерала в конечном итоге рассорились и даже отказывались подавать друг другу руку.[2] В течение всей войны Мартынов оставался в германском плену и по возвращении в Россию стал инструктором в одном из военных училищ Красной армии. В Советской России Мартынов издал две книги: в первой он описывал роль армии в февральских событиях 1917 года,[3] во второй рассказал о Корниловском выступлении.[4] Хотя он лично не был свидетелем ни одного из этих событий, он получил доступ к уникальным военным архивным материалам, и его книга о Корнилове, хотя

и значительно окрашенная духом неприязни к самому предмету его описаний, содержит ценную информацию.

Корнилов не намеревался сидеть в плену до окончания военных действий, он тщательно подготовил свой побег и в июле 1916 года бежал в Румынию, где и вышел к русским войскам. Бегство генерала из плена было событием чрезвычайным, и имя Корнилова запестрило в заголовках русской прессы. Но его недоброжелатели распространили слух, что он оказался недовольным встречей, которую ему оказало начальство. Это весьма возможно: к бегству из плена могли отнестись как к поступку, который армия вправе ожидать от любого офицера, служащего в военное время. Корнилов получил 25-ю армию на Юго-Западном фронте, бывшем под командованием Брусилова.

Корнилов свободно говорил на нескольких восточных языках и мог даже писать стихи по-таджикски, а в войсках под его командованием было значительное количество выходцев из различных среднеазиатских племен: его популярность среди них (а также и среди русских солдат) была огромной. Корнилов был маленький и ловкий, держал себя просто, но был по-восточному вежлив. Он быстро принимал решения, был немногословен. Его легендарная храбрость находила себе подтверждение в течение всей его военной карьеры. Сознавая его популярность, Временное правительство назначило Корнилова командующим петроградским гарнизоном еще до своего формального прихода к власти. Мы уже видели, сколь неуспешными оказались его усилия по восстановлению нормальных условий в петроградских войсках и как он разочаровался во Временном правительстве, которое не сумело оказать ему моральной поддержки. Возвращение Корнилова на фронт в качестве командующего 8-й армией было связано с не менее трудной задачей, и его попытки подчинить своей власти порученные ему войска и повести их в бой окончились неудачей. Ему все же удалось не допустить разграбления русских деревень отступающей солдатней. Он этого добился (как было сказано выше) благодаря применению жестких мер, которые произвели сильное впечатление на комиссара, направленного ему Временным правительством для совместной службы – Б.В. Савинкова. Тогда же Корнилов создал себе личную охрану, состоящую, главным образом, из выходцев из Средней Азии, известных в армии под названием "текинцев". Они были ему глубоко преданы и окрестили его "великим бояром".[5] Корнилов использовал текинцев как для своей личной охраны, так и для подкрепления отдаваемых им приказаний и предписаний.

Таков был человек, назначенный Верховным Главнокомандующим всех российских вооруженных сил и получивший приказ выехать из

находившегося в Бердичеве штаба Юго-Западного фронта в Могилев. Корнилов был свидетелем того, как недостойно были уволены оба его предшественника. Он сознавал также, что совещание, на котором Керенский присутствовал в Ставке, несмотря даже на честное и убедительное выступление Деникина, не имело никаких последствий, за исключением вынужденной отставки Верховного. После своего назначения Корнилов решил проверить, вполне ли восстановлена в своем прежнем достоинстве занимаемая им должность. Он оговорил свое принятие верховного командования следующими условиями, изложенными в телеграмме, посланной Временному правительству:

1) ответственность перед собственной совестью и всем народом
2) полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и потому в назначения высшего командного состава
3) распространение принятых за последнее время на фронте мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии.[6]

Мягко выражаясь, содержание этой телеграммы было весьма необычным. Правительство, претендующее на то, что оно облечено "всей полнотой власти", вряд ли могло ожидать, что человек, обязанный подчиняться воинской дисциплине, позволит себе ставить условия перед тем, как согласиться на принятие должности. Первое условие, поставленное Корниловым, уже само по себе создавало конституционную путаницу. Как позже об этом писал в своих воспоминаниях ген. Деникин, требование Корнилова открывало вопрос о том, кто же в действительности глава государства: Верховный Главнокомандующий или Временное правительство? Керенский, который согласился на назначение Корнилова лишь под давлением комиссаров, в то время, когда он и сократившееся Временное правительство сами себя назначали, – был теперь в ярости и готов был отменить сделанное им назначение.[7] В конечном итоге, был найден выход из этого конституционного затруднения: правительство послало своего комиссара – Филоненко, чтобы распутать положение с Корниловым. М.М.Филоненко, умелый адвокат со склонностью к авантюризму, таким образом описывает свои переговоры с Корниловым:

> Я заявил генералу Корнилову, что его требование об ответственности перед народом и совестью может вызвать самые серьезные опасения, но что, насколько мне его точка зрения известна, я полагаю, он разумеет под ответственностью перед

народом ответственность перед его единственным полномочным органом – Временным правительством.

Генерал Корнилов подтвердил понимание им своей ответственности именно в этом смысле.[8]

Филоненко заверил Корнилова, что Временное правительство приняло его второе условие, уточнив, что у него одного будет право назначать высших военных начальников, но что Временное правительство "полагает необходимым оставить за собой право контроля этих назначений". Корнилов удовлетворился таким компромиссом. Относительно третьего требования Корнилова Филоненко объяснил, что оно было встречено сочувственно, однако нуждается в законном оформлении, детали которого было решено выработать совместно с правительством. Хотя в изложении Филоненко Корнилов на этих переговорах в большей или меньшей степени уступил всем требованиям правительства, не исключено, что сам Корнилов считал, что не пошел ни на какие уступки, а лишь участвовал в детальной разработке условий, поставленных в трех пунктах его телеграммы. Керенский в конечном счете согласился на назначение Корнилова, под давлением членов своего правительства, в том числе Савинкова, ранее прикомандированного к Корнилову в качестве политического комиссара и только что назначенного товарищем военного министра. Но из последующих событий видно, что Корнилов смирился с этим назначением с определенными внутренними оговорками.

Описанные выше трудности были едва устранены, как Филоненко пришлось улаживать еще и другой конфликт. Принимая верховное командование, ген. Корнилов выразил пожелание, чтобы его на Юго-Западном фронте заменил ген. П.С. Балуев. Но незадолго до отъезда в Могилев он узнал, что Временное правительство уже назначило главнокомандующим фронтом ген. В.А. Черемисова. На основе телеграмм, переданных по аппарату Юза, доклада самого Корнилова и комментариев Мартынова, мы можем восстановить происшедшее с достаточными подробностями.

Согласно Мартынову, Черемисов, будучи сыном мелкого чиновника, происходил из той же среды, что и Корнилов.[9] В 1915 году он был уже генералом и занимал должность генерал-квартирмейстера 5-й армии. Он тогда оказался вовлеченным в неприятную историю: его обвинили в попытке скрыть поступок одного из своих подчиненных, подозреваемого в мошенничестве и, возможно, в шпионаже. Черемисов был понижен в должности до командующего бригады. В этих обстоятельствах для такого честолюбивого человека, как Черемисов, вполне естественно было питать

недобрые чувства к начальству, и его обида вполне могла стать причиной того революционного энтузиазма, который он активно проявлял после Февральской революции.

В июне 1917 г. Черемисов командовал правым флангом 8-й армии под начальством Корнилова и заменил его во главе армии, когда Корнилов получил Юго-Западный фронт от ген. Гутора. Он отличился во время Июньского наступления, взяв г. Калуш: тогда, конечно, Корнилов не мог сомневаться в его храбрости в бою. Но после прорыва русского фронта под Тарнополем, Черемисов (по мнению Корнилова, изложенному в докладе Следственной комиссии)[10] не показал достаточно твердости и силы характера, чтобы помешать разгрому своих войск.

К тому же Корнилов, с которым не согласовали назначение Черемисова, вероятно, отнесся к этому как к нарушению обещания правительства не вмешиваться в назначение старших военных начальников. Правительственный комиссар, находящийся при штабе Черемисова – Синкевич – его полностью поддержал, настаивая на том, что Временное правительство не должно менять своего решения. Когда Филоненко, проявляя всю свою адвокатскую дипломатию, спросил у Черемисова, согласился бы он принять командование Юго-Западным фронтом, если оно будет подтверждено Корниловым, указывая, что в противном случае ему придется остаться только командующим 8-й армией, Черемисов ответил резко:

> Я вас не затрудню длинным ответом. Если правительство признало меня годным служить делу революции в роли главкоюза, то не понимаю, каким образом, в угоду кому бы то ни было, это может измениться, если только у нас еще нет контрреволюции и не началось распутинство. Я и при старом режиме никогда не служил лицам, а служил России и тем более не стану этого делать теперь. Своего права служить России я никому не уступлю и ни к кому наниматься на службу, как лакей, не буду. За этот взгляд я уже много претерпел в свое время, когда служба родине и служба лицу, если и различались, то в пользу лица, а не родины. Я и тогда боролся, не имея за собой ничего, а теперь свое право служить в это трудное время армии и делу революции буду защищать хотя бы с бомбой в руках.

Филоненко ему тогда сообщил, что его нежелание отказаться от командования Юго-Западным фронтом в сочетании с его общей несговорчивостью может привести к отставке ген. Корнилова, на которого многие сейчас смотрят как на народного вождя. Черемисов ответил:

> Если отечество в опасности и это серьезная фраза, а не шутка, то мне никакого дела нет до чьей бы то ни было карьеры. Пускай уходит в отставку кто хочет, мне до этого нет дела. Думаю, не может быть до этого дела и тем, кто понимает, что в минуту опасности родины надо ее спасать, не жалея человеческих жизней, не только карьер. Если бы вы были здесь и знали, что тут происходило в течение последних двух недель, то поняли бы, что дело не в принципах, а в работе темных сил.[11]

Филоненко ответил, что если Черемисов действительно так думает, он должен считать и Савинкова и его самого среди "темных сил".

Тут в разговор включился комиссар при Черемисове Синкевич. Его высказывание также сохранено на записи переговоров. Он заявил Временному правительству, что "неназначение Черемисова главкоюзом и даже, я бы сказал, главковерхом будет иметь роковое значение для армии и для войны".[12]

Трудно поверить, что в словах Синкевича не кроется зловещего смысла. Ожесточенно настаивая на законности своего назначения, сделанного правительством, Черемисов, видимо, надеялся добиться отставки Корнилова и, может быть, даже сменить его на должности Верховного Главнокомандующего. Но Филоненко был слишком опытным человеком, чтобы его могли обмануть столь примитивные ходы. Он убедил Корнилова не препятствовать приезду Черемисова в штаб Юго-Западного фронта и только там поставить в известность, что он заменен ген. Балуевым и что ему следует выехать в Петроград и поступить "в распоряжение правительства". Только после этого Корнилов поехал в Могилев и 18 июля 1917 г., через неделю после передачи ему верховного командования, приступил к исполнению своих обязанностей.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. О биографии Корнилова см. брошюру Николая Туземцева (Н.Т. Добровольского): Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов-на-Дону, 1919.
2. Конфликт между Корниловым и Мартыновым весьма убедительно описан А.Сувориным (Алексеем Порошиным): Поход Корнилова. 2-ое изд., Ростов-на-Дону, 1918. Изложение фактов у Суворина несколько запутано, но эта книга была опубликована задолго до книги Мартынова (см. примечание 4), где предубеждение автора к Корнилову чувствуется даже в заглавии. Тем не менее, ценность этого источника в том, что Мартынов был допущен к советским архивным материалам, недоступным более историкам.
3. Е.И. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. Москва, 1927.
4. Е.И. Мартынов. Корнилов, попытка военного переворота. (Ленинград), 1927.
5. Текинцы, знаменитые всадники – одно из туркменских племен. См.: Р.В. хан Хаджиев. Великий Бояр. Белград, 1929.
6. Мартынов. Корнилов.., стр. 34.
7. После отставки кн. Львова и других министров-кадетов, Временное правительство состояло из одних социалистов, под председательством сперва Керенского, а позже – Некрасова (когда Керенскому не удалось составить правительство на более широкой основе). Эта ситуация продолжалась до известного собрания в Малахитовом зале Зимнего дворца, после которого Керенский получил полномочия для создания нового правительства.
8. Мартынов. Корнилов.., стр. 36.
9. Это может быть и неверно. Даже мелкие чиновники стояли в русской социальной иерархии много выше, чем отставной казак, каковым был отец Корнилова. Но, конечно, вполне возможно, что карьера Черемисова опиралась только на его личные достоинства.
10. См. в приложении текст "Объяснительной записки" Корнилова.
11. Высказывания Черемисова цитируются по книге Мартынова: Корнилов.., стр. 37 и 38. Под "темными силами" тогда обычно подразумевали Распутина и его сторонников в окружении царской семьи.
12. Мартынов. Корнилов.., стр. 38.

Глава 4

БОРЬБА ЗА СПАСЕНИЕ АРМИИ

Назначение Корнилова, в конце концов утвержденное сократившимся Временным правительством, оставшимся от первой коалиции, произошло в то время, когда неспособность Керенского составить кабинет довела правительство до критического положения. Керенский уехал отдохнуть в Финляндию и передал Савинкову управление военным министерством. Хотя Савинков был знаком с Корниловым и уважал его как генерала, он с опаской относился к его политическим амбициям. Перед отъездом в Петроград он сказал Корнилову в откровенном разговоре, что если тот когда-либо ополчится на революцию и ее достижения, то встретит его – Савинкова – по ту сторону баррикад. Корнилов его заверил, что этого произойти не может, и добился от него обещания приложить все силы для реорганизации армии и оздоровления общества в целом.

Савинкова на должности правительственного комиссара при Ставке заменил Филоненко. Во время войны Филоненко служил в чине штабс-капитана, и Корнилов его давно знал и ценил, как доблестного офицера. Филоненко и Савинков работали в тесном контакте, и их мнение во многом отражалось на решениях, принятых Корниловым. Вначале военное министерство под руководством Савинкова действовало независимо от Временного правительства. Эта автономия ему была даже несколько навязана, ибо правительство было тогда сильно ослаблено.

Председательство Некрасова уже подходило к концу назначенного срока, когда было получено сообщение от Керенского, в котором он просил разрешения сдать все свои полномочия. Некрасов в ответ указал, что не существует учреждения, имеющего законное право принимать

решение о его отставке. 21 июля, в день, когда он должен был уйти с должности председателя кабинета, Некрасов созвал так называемое "историческое" совещание в Малахитовом зале Зимнего дворца. На него были приглашены лидеры и представители социалистических и либеральных партий, Исполнительного Комитета Государственной Думы и Петроградского Совета, чтобы изложить свои взгляды на то, как следует составить новое Временное правительство. После бесконечных речей и препирательств было решено поручить Керенскому составить "правительство общественного спасения". Тогда Некрасов вошел в контакт с Керенским, который взял назад свою отставку и опубликовал следующее заявление:[1]

> От министра-председателя.
>
> Обнаруживающаяся невозможность путем взаимного соглашения разных политических течений, как социалистических, так и не-социалистических, создать необходимую в переживаемый грозный час крепкую революционную власть, вынудила меня подать в отставку.
>
> Состоявшееся 21 июля совещание представителей социалистических, демократических и либеральных главных партий, после продолжительного обсуждения, привело к тому, что представленные в нем партии постановили поручить мне дело преобразования Правительства.
>
> Не считая возможным при настоящих обстоятельствах, когда стране угрожает внешний разгром и внутренний распад, отказаться от тяжелого долга, ныне возлагаемого на меня, я понимаю его как непременное повеление страны создать в кратчайший срок и несмотря на все могущие возникнуть препятствия сильную революционную власть.
>
> Я полагаю в основу осуществления этой задачи непоколебимое мое убеждение, что дело спасения родины и республики требует забвения партийных распрей и самоотверженной работы всех граждан Российских в условиях и формах, властно диктуемых суровой необходимостью вести войну, поддерживать боеспособность армий и восстановить хозяйственную мощь государства. (...)
>
> (...) я, как глава Правительства нахожу неизбежным ввести изменение в порядок и распределение работ Правительства, не считая себя вправе останавливаться перед тем, что изменения эти, давая возможность выполнить в полной мере задачу перед

Временным правительством стоящую, увеличат мою ответственность в делах Верховного управления.

А. Керенский

22 июля 1917 г.

Кроме поразительного определения России, как республики, тогда как решение о будущей конституции все еще надлежало принять Учредительному собранию, заявление Керенского интересно еще и обещанием усилить контроль правительства над армией и страной, что может восприниматься как неопределенное, но обязывающее обещание следовать политической линии, за которую ратовал Корнилов, когда принимал верховное командование. На совещании в Малахитовом зале было также решено, что назначенные Керенским министры не должны рассматриваться, как представители различных партий или комитетов, а будут нести ответственность только перед ним одним. Церетели, который не соглашался с этим пунктом, не вошел в так называемое второе коалиционное правительство, а вернулся к своей работе в Центральном Комитете Петроградского Совета.

*   *
*

Подбор членов нового кабинета занял три дня. Главным нововведением было создание морского и военного департаментов под руководством товарищей министра, среди которых Савинков имел наибольший политический вес. Несколько министров из первой коалиции перешли во вторую, включая Некрасова, который остался товарищем министра-председателя, несмотря на свое торжественное заявление в Малахитовом зале, что он оставляет политическую деятельность. Большинство новых министров были кадетами или правыми социалистами, многие – братьями Керенского по масонству. Хотя Церетели, как было сказано, отказался присоединиться к коалиции, предпочитая действовать в качестве ответственного руководителя большинства в Совете, он писал позднее в воспоминаниях:

Но ушел я не для того, конечно, чтобы стать в оппозицию к правительству. При создавшейся конъюнктуре новое правительство представляло наиболее выгодную для демократии

> комбинацию. Нужно было это правительство укрепить, помочь ему восстановить положение на фронте и побороть волну анархии и контрреволюции, грозивших привести страну к гражданской войне.[2]

Собственные попытки Церетели действовать согласно этому заявлению не были успешными. Сразу же после разгрома Июльского восстания он утверждал в своих заявлениях на заседаниях Совета, что большевики должны быть привлечены к ответственности и обезврежены, но не правительством и его органами, а непосредственными действиями самих советов. К тому же, говоря о "контрреволюции, грозящей стране гражданской войной", он пользовался двусмысленным языком, типичным для того времени. Для него "контрреволюционерами" были не только сторонники старого режима, в то время фактически дезорганизованные и пассивные, но и другие враги Временного правительства – большевики.

Одаренным и увлеченным новым членом правительства был проф. Ф.Ф.Кокошкин, который в молодости был левым кадетом и активно участвовал в политических событиях во время революции 1905 года, а позже поправел и стал профессором конституционного права. Февральская революция оказалась для него, по-видимому, неожиданностью, но он воспринял ее как исполнение своих юношеских надежд. Кадет М.М.Винавер с волнением передает в своих воспоминаниях, как в первые дни революции он вместе с Кокошкиным составлял первый официальный манифест Временного правительства князя Львова и как взволнованный Кокошкин отнесся к этой работе:

> – Вот мы опять с вами, – говорил он. – Смотрите, какая тут символика. Помните, как в летнюю ночь в Выборге писали мы вдвоем завет 1-й Думы. Теперь меня просят сочинить первый привет свободной России, манифест Временного Правительства. Давайте опять сочинять вместе. Начнем с того, чем кончили 11 лет тому назад. (...)
> Нам дали какой-то проект, который мы забраковали, и сели писать заново. Кокошкин настоял на том, чтобы я составил проект с тем, что вместе будем потом править. Я не мог отказаться и засел. Он сидел поодаль все время в одной позе, заложив ногу на ногу, скрестив руки, с высоко поднятой головой. Когда во время писания я отрывал на минуту глаза от бумаги, то ловил его счастливый, мечтательный взгляд, устремленный в какую-то, ему одному видимую, лучезарную даль. Мне чуялось, что вот

человек переживает счастливейшую минуту жизни, и жаль было шевельнуться, – нарушить этот сосредоточенный, светлый покой.[3]

Винавер и не подозревал, чем обернется для Кокошкина "лучезарная даль". Всего через год Кокошкин был перевезен из тюрьмы, куда его бросили приспешники Ленина, в петроградскую больницу, и банда убийц в морской форме ночью ворвалась в палату и убила его и одного из его друзей кадетов – А.И. Шингарева – на больничной койке.

Один из членов правительства вызвал своим уходом совершенно непредвиденные последствия. Обер-прокурором Святейшего Синода в составе двух первых Временных правительств был В.Н. Львов (он не состоял в родстве с министром-председателем кн. Львовым, а принадлежал к дворянской семье, имевшей поместья на средней Волге). Это был человек с некоторыми странностями, многоречивый и с претензиями на "народность", который давно уже стремился стать обер-прокурором Синода, чтобы иметь возможность повлиять на курс и управление православной Церкви. В качестве члена Четвертой Думы он принадлежал к маленькой политической группе, называющей себя "партией центра", которая в Таврическом дворце сидела направо от кадетов. Досадуя на то, что ему не поручали правительственной должности, о которой он мечтал, Львов приписывал свою неудачу зловещему влиянию Распутина. В довоенные годы и во время войны он активно распространял более или менее преувеличенные слухи о значении при Дворе "темных сил", возглавляемых Распутиным.

Этого оказалось достаточно, чтобы первое Временное правительство назначило его обер-прокурором Синода. Правда, эта должность утратила свое прежнее значение, так как новая власть намеревалась отделить Церковь от государства. Львов воспользовался своим положением, чтобы отомстить тем епископам, которых он считал бывшими сторонниками Распутина, и внушить страх остальным. Как и его коллеги-министры, он любил разглагольствовать перед толпами солдат и гражданских лиц в просторном вестибюле Таврического дворца, неизменно называя их "братьями". Львов всегда невольно вносил комические ноты в несколько унылые заседания первого и второго Временных правительств. Уверенный, что каждый к нему относится с доверием и любовью, он громко высказывал свое восхищение Керенским. На совещании в Малахитовом зале он заявил:

Для меня единственное спасение страны – это создание власти, которая зиждилась бы на могучей фигуре, вынесенной волнами

революции, А.Ф.Керенского, которому верит вся страна и которому уже удалось было отчасти проявить эту сильную власть.[4]

Несмотря на поддержку, оказанную ему Львовым в трудные моменты, Керенский не включил его во второе коалиционное правительство и на его место назначил его товарища, образованного и уравновешенного А.В.Карташева. Это привело к тому, что Львов перенес свою лютую ненависть с покойного Распутина на самого Керенского. Встретив Терещенко через несколько дней после своей вынужденной отставки, Львов сказал ему, что он никогда не простит Керенскому того, что тот ему сделал. Дальнейшие события показали, что его слова не были пустой угрозой.

* *
*

Приступив к исполнению обязанностей Верховного Главнокомандующего, Корнилов сразу же начал набрасывать проекты законов, которые он считал необходимыми, чтобы вернуть армии ее былую боеспособность и мобилизовать всю страну на поддержку военных усилий. 30 июля два члена нового правительства, П.П.Юренев и А.В.Пешехонов, приехали к нему, чтобы обсудить положение на железных дорогах. До них дошли весьма неутешительные сведения о том, что железнодорожная сеть оказалась не в состоянии доставлять на фронт все необходимое и, особенно, фураж, склады которого находились внутри страны. Эти законопроекты, в частности те, которые имели целью восстановление порядка, были с большой поспешностью выработаны начальником штаба Корнилова, ген.А.С.Лукомским, по его приказанию. Был также подготовлен обширный доклад, который Корнилов намеревался представить правительству в ближайшее время. В нем он указывал, что лишь жесткие меры, проводимые без колебаний, могут спасти страну от развала. Среди этих мер предполагалось введение смертной казни и широкое ее применение по всей стране – не только в случае мятежа или неповиновения, но и к подстрекателям, агитаторам, распространяющим слухи или подрывную литературу.

Если бы эти меры действительно были введены, они прекратили бы деятельность большевиков, которую разрабатывал Ленин и которая

систематически проявлялась со времени его возвращения в Россию в апреле. В действительности же эта деятельность нисколько не сократилась после исчезновения Ленина в июле. В Выборгской части Петрограда состоялся VI съезд партии, а в Петроградском Совете и ВЦИК большевики постоянно настаивали на реабилитации Ленина и освобождении из заключения лиц, обвиняемых в поддерживании контактов с немцами и в организации Июльского мятежа. В Совете большинство, возглавляемое Церетели и его ближайшими единомышленниками, были сторонниками юридического расследования дела Ленина, но одновременно требовали, чтобы большевистскую партию, как организацию, не рассматривали как группу заговорщиков и контрреволюционеров и чтобы пресса прекратила нападки на людей, виновность которых еще не была доказана судом.

Ленин отвечал своим обвинителям через большевистские газеты, сравнивая нападки на него с делом Дрейфуса, но оставался в своем финляндском укрытии. На VI съезде большевистской партии обсуждалось, нужно ли ему присутствовать на процессе, и, видимо, даже Сталин осторожно намекал, что это было бы наиболее выгодной линией поведения, как для партии, так и для самого Ленина.[5]

В середине августа Совет принял резолюцию, требующую немедленной отмены смертной казни на фронте. Очевидно, что если бы Временное правительство уступило в этом вопросе Корнилову, оно бы рисковало прямой конфронтацией с большинством в Совете, в том числе и с некоторыми министрами, также членами Совета. Корнилов мог рассчитывать на поддержку в правительстве кадетов и правых социалистов. Трудно определить, как относился в тот момент к требованиям генерала сам Керенский.

Приехав в Петроград 3 августа, Корнилов прямо явился в Зимний дворец, где Керенский (обнаружив недостаток такта и скромности), устроил свой "штаб". Он был благосклонно принят министром-председателем. Керенский, стремясь придать разговору доверительный тон, сразу же спросил его, не считает ли он, что его (т.е. Керенского) время уже миновало, что его влияние на массы ослабевает и что ему лучше было бы уйти. Корнилов в своей прямой солдатской манере ответил, что хотя и верно, что популярность Керенского в последнее время несколько пострадала, она тем не менее еще достаточна, чтобы он мог с пользой продолжать служить своей стране. Затем он передал Керенскому подготовленный для правительства доклад Ставки с изложением законодательных мер, которые, на его взгляд, необходимо принять. Керенский пробежал переданные ему листы: доклад ему показался нелепо наивным и даже несколько безграмотным.

* *
*

Здесь следует напомнить, что так называемая "Корниловская реформа" и меры, предлагаемые им для оздоровления армии, ни в коей мере не были только "корниловскими", но, напротив, получили поддержку большинства генералов. В этом отношении характерно выступление, которым Брусилов открыл совещание, созванное в Ставке 17 июля в присутствии Керенского. Текст этого выступления приводится ген. Алексеевым в дневнике, от 24 июля 1917 (см. ниже, прим. 6):

> Ныне самое важное прежде чем рассуждать о стратегии, обсудить меры, как восстановить боеспособность армии. Без этого немыслимо принять какое бы то ни было стратегическое решение.
>
> Чтобы восстановить боеспособность, нужно создать дисциплину. Вернуть старую дисциплину, т. е. на прежних началах невозможно; об этом нечего и мечтать. Но авторитет начальников нужно восстановить. Нужно снова сделать войска послушными. Ныне с ними ничего нельзя сделать: после каждого приказания – митинг по суткам и в результате – отказ от выполнения распоряжений. Целые дивизии отходят, не взирая на уговоры; люди разбегаются. От ротного командира до главнокомандующего власти ни у кого нет. Заменить же эту власть работою комиссий и комитетов невозможно. Военная история показывает, что есть предел свободе армии. Нельзя представить армию без начальников. Нужна внутренняя спайка, нужна власть и авторитет у начальников. Солдат должен слушаться своих офицеров.

Слова Брусилова были подкреплены и другими участниками совещания, особенно Деникиным, который представлял Корнилова. В письме от 25 июля,[6] которое Алексеев послал председателю Государственной Думы М.В.Родзянко и позже включил в свой дневник, перечислены необходимые для спасения армии меры, с которыми все военные участники совещания были согласны.

> Только эти меры, – писал ген. Алексеев, – позволят в течение трех месяцев оздоровить больной организм армии; вернее выразиться – создать кое-какую армию, способную вести

бой, т.к. в данную минуту у нас армии нет. Есть отдельные части, сохранившие верность долгу; есть офицеры и небольшое число солдат, готовых гибнуть и жертвовать собою, но нет массы, спаянной дисциплиною, верою в начальников, желанием боя и победы, способностью проявить мужество и упорство.

Вот эти меры:

1. Вр[еменное] Пр[авительство] должно признать свою ошибку и вину в оценке офицерского состава армии, униженного, оскорбленного, сознательно, умышленно лишенного власти и значения. (...)

2. Признать, что деятели Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить военное законодательство и передать это дело в опытные руки верх[овного] гл[авнокомандую]щего.

3. Изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в бесконечно митингующую толпу. (...)[7]

4. Уничтожить декларацию прав солдата, с слишком легким сердцем принятую и подписанную Керенск[им].

5. Уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считает "глазами и ушами Вр[еменного] Пр[авительства]". Эти два института смели бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное *для всякой армии* многовластие, многоголовие.

В таких обстоятельствах наспех набросанный доклад Корнилова не явился для Керенского неожиданным: он был к этому подготовлен. Керенский сделал вид, что откладывает документ для более тщательного изучения, и сказал, что Корнилову следует доложить о том, в каком состоянии он застал армию при вступлении в должность Верховного Главнокомандующего, на пленарном заседании правительства. Это заседание было тут же созвано, и Корнилов, в общих чертах, начал излагать стратегическое положение, указывая, что если бы предложенные им меры были приняты, армия смогла бы перейти в наступление на некоторых определенных участках, которые он и назвал. В этот момент ему передали записку товарища военного министра с просьбой не вдаваться в слишком детальное изложение, а сам Керенский наклонился к нему и шепотом попросил придерживаться более общей формы изложения. Позже Корнилов говорил, что эта просьба произвела на него удручающее впечатление. Что это было за правительство, перед которым Верховному Главнокомандующему нельзя было свободно излагать свои военные

планы? Из разговора, который у него состоялся с Савинковым после совещания, Корнилов сделал вывод, что среди министров подозрительным лицом считается не кто иной, как министр земледелия Чернов.

Еще до революции Чернова обвиняли в сотрудничестве с немцами, и не подлежит сомнению, что, живя в эмиграции в Швейцарии, Чернов публиковал под псевдонимом "Надеждин" революционные брошюры, предназначенные для русских военнопленных в Германии. Но это еще не все. Савинков, должно быть, как-то выяснил, что некоторые сведения, предназначенные только для правительства, стали известны Совету, а оттуда и немцам. Сорок лет спустя, когда документы немецкого министерства иностранных дел стали доступны исследователям, подозрения Савинкова подтвердились. В Швейцарии во время войны жил некто А.Е. Цивин, лечившийся там от туберкулеза. Этот Цивин предложил свои услуги австрийскому военному атташе в Берне, который оказался не в состоянии удовлетворить его финансовые требования, но направил его в немецкое посольство. Цивин произвел хорошее впечатление на немецкого посла, барона Ромберга, и под кличной "Вайс" сообщал ему разнообразные сведения о деятельности партии социалистов-революционеров, глава которой, Виктор Чернов, был его близким другом. Когда вспыхнула Февральская революция, Чернов, через Францию и Скандинавию, вернулся в Россию, поручив своего больного друга заботам жены. В подробном докладе начальству Ромберг писал, что в июле Цивин-Вайс пришел с ним попрощаться, сообщив, что возвращается в Россию, через страны Антанты, в сопровождении г-жи Черновой. Он пытался убедить Ромберга, что немецкая армия должна воздержаться от наступления на русском фронте, чтобы это не привело к оживлению русских патриотических чувств. Цивин предупредил посла, что продолжать поставлять немцам информацию из Петрограда будет нелегко, но он постарается сделать что сможет с помощью своего друга, Левинштейна, остающегося в Швейцарии (Ромберг дал Левинштейну кличку "Блау"). Цивин оказался верным своему слову и действительно переправил немцам несколько донесений. Они в основном состояли из сведений общего характера, несомненно собранных среди друзей Цивина в эсеровской партии.[8]

Корнилов нашел обстановку в столице определенно враждебной. Генерал Черемисов, раздосадованный неудачей своей интриги (по вине правительственных комиссаров Савинкова и Филоненко), вернулся в Петроград и там принялся поносить Верховного Главнокомандующего, находя во всех его действиях лишь политические амбиции. В воздухе носилось слово "бонапартизм", и кампания против Корнилова находила поддержку даже среди наиболее умеренных членов Совета. Открытого проявления

враждебности к Корнилову все же не было. Пробыв в Петрограде один день, Корнилов уехал, поручив Савинкову и Филоненко переработать его доклад в соответствии с требованиями, предъявляемыми к законопроектам, чтобы представить его на рассмотрение правительства.

* *
*

Вернувшись в Ставку, Корнилов посвятил все свое внимание военным делам. Его сильно беспокоила угроза немецкого наступления на Рижском фронте, где моральное состояние войск, возможно из-за близости столицы, было неудовлетворительным. Было решено создать особый Петроградский фронт для защиты столицы в случае, если немцы перейдут в наступление. Для этого были собраны войска с различных участков фронта, среди которых — и "Дикая дивизия", состоящая в основном из выходцев с Кавказа. Предполагалось, что командовать новым фронтом будет ген. А.М. Крымов. Предстояла также ликвидация Кронштадтской крепости и переброска находящихся там войск на материк: эта операция могла потребовать применения силы. Далеко не все принимаемые Корниловым меры отвечали его плану создания армии для защиты Петрограда, и начальник штаба Корнилова — ген. Лукомский, один из наиболее компетентных и умных людей в Ставке — прямо спросил его, не имеют ли отдаваемые им распоряжения какой-то другой цели. Если же Корнилов отказывается говорить на эту тему, Лукомский предпочел бы оставить штаб и отправиться на фронт. Корнилов ответил без обиняков, что при нынешнем положении в Петрограде большевики или иные мятежные элементы могут легко воспользоваться обстоятельствами и значительно ухудшить ситуацию, особенно в случае немецкого наступления. Поэтому он размещает войска таким образом, чтобы они легко могли, в случае необходимости, достичь столицы. Лукомский поблагодарил Верховного за откровенный ответ и обещал ему не оставлять должности при всех обстоятельствах.

Известия, которые Савинков регулярно передавал из Петрограда через Филоненко, приводили Корнилова в недоумение. Савинков (которому было поручено, как было сказано выше, переписать докладную записку Корнилова) был тогда в плохих отношениях с Керенским. Видя, что дела его у министра-председателя нисколько не продвигаются, он, вместе с Филоненко, опять пригласил Корнилова приехать на день в Петроград, чтобы

он мог лично обратиться к правительству и изложить ему свою программу. Такая поездка в момент, когда военное положение опять стало угрожающим, была затруднительна, и Корнилов без особой охоты согласился на это предложение. 10 августа он сел в поезд. Уже после отхода поезда из Могилева, в Ставку пришла телеграмма Керенского с извещением о том, что приезд Корнилова в Петроград больше не требуется и что ему следует оставаться на посту. Но Корнилов получил эту телеграмму только по приезде в Петроград.

Обстоятельства этой второй поездки Корнилова в столицу (10 августа) сильно отличаются от условий первой его поездки, за неделю до этого. Из-за нападок прессы на Корнилова возникли слухи о возможном покушении на его жизнь, и его убедили взять с собой охрану. С вокзала он прямо поехал в Зимний дворец, окруженный конвоем текинцев с двумя пулеметами. Пока он совещался с Керенским, конвой дожидался его в вестибюле дворца.

Извинившись за телеграмму, Керенский объяснил, что на приглашение Корнилову приехать в столицу, исходившее от Савинкова, он разрешения не давал и, следовательно, правительство по этому поводу собираться не будет. Тогда Корнилов спросил Керенского, ознакомился ли тот с его докладом, который был поручен Савинкову для переработки, и получил путаный ответ, что о некоторых местах доклада уже заходила речь, тогда как другие еще не обсуждались. Корнилову было также сказано, что, вместо обсуждения его предложений на заседании правительства, он сможет о них поговорить с тремя главными министрами, то есть с Терещенко, Некрасовым и им самим – Керенским. К своему изумлению, Корнилов услышал, что присутствие Савинкова не предвидится.

Приведенный в полное замешательство, Корнилов обратился к Савинкову, который подтвердил его впечатление, что Керенский полного текста его доклада не видел и что обсуждались только отдельные его пункты. К шести часам вечера того же дня Корнилов с Савинковым завершили работу над докладной запиской о мерах, которые необходимо принять для восстановления порядка в армии и в стране, и подписали ее. Филоненко прибавил свою подпись, и Корнилов сразу же представил доклад "триумвирату", состоящему из Некрасова, Терещенко и Керенского. Ему было сказано, что хотя правительство в основном согласно с содержанием доклада, но, чтобы он превратился в закон, потребуется обычное в этих случаях время. Совещание с министрами прошло во вполне дружественной обстановке, и Корнилов имел все основания быть им довольным. Но до отъезда из Петрограда, в тот же вечер, он еще

раз встретился с Савинковым, на этот раз в частном порядке. Савинков жаловался, что ему было чрезвычайно трудно заставить Керенского обсудить доклад и принять соответствующие решения на Совете министров. Уже в поезде, на пути к Ставке, Корнилов узнал, что Савинков подал прошение об отставке от должности товарища военного министра и что отставка его была принята. Как только он приехал в Могилев, Корнилов послал правительству телеграмму с протестом против этого решения и с просьбой пересмотреть его.

Согласие Керенского на отставку Савинкова произвело удручающее впечатление не только на остальных министров, но также в более широких кругах. Престарелый Плеханов (под руководством которого Ленин когда-то изучал азы марксизма, но с которым он позже поссорился) написал убедительную статью, в которой он выражал сожаление об отставке в такое время такого значительного человека, как Савинков.[9] Хотя, писал он, большевики в июле были разгромлены, и их вождь Ленин вероятно безвозвратно исчез, тем не менее существует настоятельная необходимость восстановления в армии порядка и дисциплины, а Савинков показал, что он понимает военных и умеет вести с ними переговоры. В конечном счете Савинков сохранил свою должность, хотя отношения между ним и Керенским, видимо, поправились не сразу.

Рассказ самого Корнилова об этих событиях полностью подтверждается Кокошкиным, министром во второй коалиции Временного правительства. 30 августа он отмечал, что настоятельно убеждал Керенского, по крайней мере, держать правительство в курсе разыгрывающихся событий, хотя бы потому, что слухи о законодательных мерах, предложенных Корниловым, начали широко распространяться и дошли до газет. Но каждый раз, что он делал Керенскому подобные заявления, тот отделывался отрывистым ответом или говорил, что следует подождать, пока законопроекты будут готовы и смогут быть представлены правительству. Даже после ухода Корнилова, правительство в целом так и оставалось в неведении относительно того, что произошло.

Следует задаться вопросом, почему именно эти три министра (Некрасов, Терещенко и Керенский) были выбраны для встречи с Корниловым и почему эта встреча осталась тайной. В своем последнем труде, опубликованном незадолго до смерти,[10] Керенский, несколько изменив себе, отрицает существование "триумвирата". Он пишет: "Существует миф, который был принят как факт хулителями Временного правительства, что таинственная тройка масонов навязала свою программу правительству, пренебрегая общественным мнением". Наличие внутри Временного правительства группы министров, обладающих особым

влиянием, – ни в коем случае не миф, и имена ее членов – нисколько не тайна. Единственной тайной, касающейся этой тройки, мог до недавнего времени являться вопрос: если кадет Терещенко принадлежал к небольшой, но влиятельной группе богатых промышленников; Некрасов, выдающийся представитель "технократического" течения в интеллигенции, также был членом кадетской партии до начала июля 1917 г.; а Керенский был активным революционером, связанным с эсерами, и, пока существовало Временное правительство, оставался товарищем председателя Исполкома Совета, то что же могло быть общего у деятелей столь различных политических платформ, что позволяло им составлять в рамках правительства группу, которая принимала и проводила решения, причем часто, как писал Кокошкин, без ведома кабинета в целом.[11]

На той же странице, где он с пафосом отрицает существование "таинственной тройки", Керенский также объясняет, что помимо лож, основанных на территориальном принципе, в русском масонстве существовали и специализированные ложи: "Таким образом была ложа в Думе, другая – писательская и т.д.". Керенский признает, что он примкнул к масонскому движению в 1912 г.: "Мне предложили участвовать [в масонском движении] в 1912 году, сразу же после моего выбора в Четвертую Думу". Из письма одного из членов Третьей Думы – Е.П. Гегечкори – Борису Николаевскому, становится ясно, что Керенский был принят в думскую масонскую ложу Некрасовым. Милюков же в своих воспоминаних[12] пишет, что и Некрасов, и Терещенко были масонами. Керенский не пожелал ни подтвердить, ни опровергнуть эти утверждения. Как он пишет в своих воспоминаниях, он чувствовал себя "связанным торжественной клятвой, принесенной при [своем] вступлении, не раскрывать имена других членов".

Таким образом, узы, связывающие трех членов "триумвирата" были не политические, а масонские, или, точнее, их объединяла принадлежность к масонской ложе Государственной Думы. И когда Керенский называет мифом утверждения, что какая-то тройка "навязывала свою программу правительству, пренебрегая общественным мнением", он невольно признает то, что он столь энергично отрицает: ниже в том же абзаце он заявляет, что, обсуждая на своих собраниях политическое положение России, масоны не стремились навязать свою собственную политическую программу, но "руководились только своей совестью в поисках наилучших решений. Мы чувствовали пульс жизни страны и мы всегда старались воплощать стремления народа в нашей работе".[13] То же можно утверждать и о тройке, члены которой также несомненно были уверены, что они держат палец на пульсе страны и отражают стремления народа, и поэтому

считали своим долгом требовать от правительства исполнения своих решений или, на худой конец, проводить их за его спиной. Можно только задаться вопросом, действительно ли они чувствовали пульс страны или же они принимали за него плод своего воображения, под властью чарующего чувства участия в тайном деле сообща с другими выдающимися избранниками, состоящими в масонском движении.

* *
*

Скрытность Керенского по отношению к членам его собственного правительства, касающаяся судьбы предлагаемых Корниловым мер, была, вероятно, обусловлена тем, что у него в игре было несколько козырей. Задобрив Корнилова обещанием, что его условия будут приняты, он одновременно прилагал большие усилия, чтобы избежать разрыва с Советами, которые его вынесли на гребень революционной волны. Имея в виду именно эту задачу, он задумал созвать Государственное совещание, на котором были бы представлены общественные организации, в том числе Советы, солдатские комитеты, казачьи организации, кооперативное движение, Земгор, военно-промышленный комитет, бывшие члены четырех первых Государственных Дум, делегаты от торговых и промышленных кругов и т.д. Государственное совещание созывалось в Москве, с 13 по 15 августа. Керенский поставил себе целью получить от страны полномочия для ведения войны до победного конца, но без пожертвования "завоеваниями революции". Московское государственное совещание было объявлено великим событием, которое приведет к всенародному объединению. Лишь одна политическая сила отказалась принять участие в совещании – большевистская партия, которая пыталась саботировать его, организовав забастовку трамваев в те дни, на которые оно было назначено.

Перед грандиозным слетом, организованным Керенским, в Москве состоялась отдельная встреча местных политических и общественных деятелей, организованная для обсуждения позиции, которую следует занять во время совещания. Участники встречи установили контакт с Корниловым и обещали ему (главным образом – кадеты, а также лица несколько более правых убеждений, как бывший председатель Государственной Думы Родзянко) поддержать его усилия по восстановлению нормального положения в армии и в стране. Было опубликовано

некоторое количество довольно наивных пропагандных материалов, где Верховный Главнокомандующий рисовался внезапно возникшим новым народным героем.

Официально Корнилову сообщили о Государственном совещании лишь за три дня до назначенного срока, по его возвращении из Петрограда в Ставку. Ободренный телеграммами, которые хлынули на него со всех сторон и выражали поддержку и надежду, что он спасет Россию, Корнилов решил поехать в Москву.[14] Тем временем левая печать еще больше усилила брань в его адрес.

Приехав в Москву рано утром 14 апреля, Корнилов, как многие верующие, приезжающие в столицу, посетил Иверскую часовню. Его поезд стал на одном из московских запасных путей и там он принял ряд московских политических деятелей, многие из которых уже приняли участие на предварительном совещании общественных деятелей, упомянутом выше. Большинство из них были кадетами. Годами позже тогдашний их лидер, Милюков, утверждал, что он предостерегал генерала от попытки государственного переворота. Однако в письме к Милюкову последний посол Временного правительства в Париже,[15] В.А.Маклаков, вежливо, но решительно отрицал это заявление, напоминая своему адресату то чувство раздражения, которое доминировало тогда на московских совещаниях, и те надежды, которые они возлагали на Корнилова. Маклаков даже утверждает, что московские кадеты, выражая восторг Корнилову и обещая ему политическую поддержку, стали виновниками, в полном смысле слова, тех действий, которые Корнилов предпринял в дальнейшем. Правда, этот обмен мнениями между двумя видными кадетами имел место намного позже описываемых событий. Однако у самого Корнилова, несомненно, сложилось впечатление, что министры-кадеты были на его стороне и что некоторые офицеры из его окружения в Ставке (например Родионов) широко обсудили с ними политические перспективы и те перемены, которые он признавал необходимыми.

Незадолго до назначенного выступления Корнилова на Московском совещании, министр транспорта, Юренев, сообщил ему, что правительство решило просить его высказаться только о стратегическом положении на фронте, так как политические вопросы, относящиеся к законодательству и реформам, уже были достаточно освещены в других выступлениях министров. Корнилов немедленно позвонил Керенскому и решительно заявил ему, что он собирается, хотя и в сдержанной форме, сказать совещанию и стране именно то, что считает необходимым в данный момент. В своей объяснительной записке Следственной комиссии Корнилов пишет, что он не смог на это получить от Керенского ясного ответа.

И на вокзале, и по прибытии в Большой театр, где проводилось совещание, Корнилова встречали рукоплесканиями и толпа несла его на руках. (Известны фотографии, показывающие его в несколько неудобном положении, с болтающимися ногами в высоких сапогах и удовлетворенной улыбкой на обветренном азиатском лице). Как только он вошел в зал, разразилась буря. Правое крыло совещания – казаки, кадеты, некоторые делегаты от кооперативного движения и Союза офицеров, встали в едином порыве и устроили ему овацию. Левое крыло продолжало сидеть и хранило гробовое молчание. Правые набросились на них, требуя, чтобы все делегаты стоя приветствовали Верховного Главнокомандующего российских вооруженных сил. Посыпались ругательства, и во всей глубине обнаружился резкий раздел российской общественности на две враждующие стороны. Это было неожиданностью для Керенского: лишь за несколько часов до этого имела место символическая сцена, когда представитель правого крыла промышленник А.А.Бубликов (он в феврале примкнул к Комитету Государственной Думы, но не был назначен министром и поэтому испытывал глухую вражду к правительству) пожал руку Церетели перед всем собранием и призвал к сотрудничеству между промышленниками и представителями рабочего класса в Совете. Бледный и взволнованный, Керенский встал с места и попросил собрание не терять достоинства и выслушать Корнилова с надлежащим уважением, как "первого солдата революции".

Корнилов начал свою речь[16] в минорных тонах, заявив слушателям, что русской армии, какой она была раньше, больше не существует. Для того чтобы обеспечить защиту страны от решительного и агрессивного врага, нужно сразу же принять некоторые меры, – меры, с которыми он уже ознакомил правительство и которые, он надеется, будут приняты незамедлительно. Речь Корнилова была короткой, хорошо продуманной и умеренной по тону. Принято считать, с серьезными основаниями, что она была написана для него правительственным комиссаром в Ставке Филоненко. Когда Корнилов покидал зал, буря разразилась вновь, заглушая короткое благодарственное слово Керенского. Корнилов немедленно уехал в Могилев. Перед отъездом он не встречался с Керенским и с тех пор они вообще больше никогда не виделись.

Среди людей, с которыми Корнилов познакомился в Москве, был человек средних лет в английской военной форме – А.Ф. Аладьин. Он родился в тех же местах, что Керенский и Ленин, и состоял в социалистическом крыле Первой Думы. Когда в июне 1906 г. Дума была распущена, Аладьин выполнял в Англии миссию политического

характера и, таким образом, не подписывал Выборгского воззвания, как сделали многие кадеты и левые члены Государственной Думы. Поэтому он не потерял возможности быть избранным во Вторую Думу, но, хотя крестьяне его избирательного округа просили его быть там их представителем, он предпочел эмигрировать и поселился в Англии. Здесь он открыл коммерческое дело и стал продавать югурт, который тогда производил и широко рекламировал Пастеровский институт в Париже.[17] Когда началась война, Аладьин поступил в английскую армию и, узнав о революции в России, стал обращаться к британскому правительству и верховному командованию с различными предложениями послать его для работы в родную страну. В конечном итоге лорд Мильнер, без особой охоты, согласился поручить ему такую поездку в Россию.

Аладьин и Корнилов прекрасно подходили друг к другу. Аладьин был талантливым оратором, лучшим в Первой Думе. Он был настоящим космополитом, владел несколькими западноевропейскими языками и хорошо разбирался в западных политических делах. Эти его качества произвели сильное впечатление на Корнилова, не меньшее, чем намеки Аладьина на связи с высокопоставленными представителями британских политических и военных кругов (в действительности англичане к нему относились с определенной осторожностью, чтобы не сказать — с подозрением). Аладьин же увидел в Корнилове одного из редких русских военных или политиков, который твердо знает, чего он хочет, который не являлся тайным монархистом и был настоящим выходцем из народа, достигшим своего высокого положения лишь благодаря прирожденным способностям и упорству. Он пригласил Аладьина в Ставку, в надежде использовать его как информатора и политического советника.

Главное значение речи Корнилова на Московском совещании заключалось в том, что из нее вся страна узнала о стремлении Верховного Главнокомандующего добиться от правительства проведения реформ, которые могли бы быть неприемлемы для Советов и для всех тех, для кого охрана "завоеваний революции" была важнее, чем военная победа. Речь Корнилова зашла далеко за пределы простого вопроса восстановления дисциплины в армии. Он сослался на данные, которые показывали упадок производства оружия и боеприпасов во всей стране, и огласил длинный список офицеров, предательски убитых своими солдатами. Страна теперь узнала, может быть впервые, как широко распространилось на фронте братание и как безрассудно были оставлены русские позиции на фронте.

Речь Корнилова произвела на слушателей, и в том числе на министра-председателя, огромное впечатление. Керенский пустился, очертя голову, в самые невероятные и фантастические разглагольствования. В его словах сочетались попытка защитить достижения Временного правительства и неопределенные угрозы в адрес тех, кто отказывается идти по пути, ведущем к нераздельным целям водворения революционного и государственного порядка. К концу речи Керенский уже совершенно не владел своим ораторским даром. Он провозгласил:

> Но пусть будет то, что будет. Пусть сердце станет каменным, пусть замрут все струны веры в человека, пусть засохнут все те цветы и грезы о человеке (возглас сверху: "Не нужно!") над которыми сегодня, с этой кафедры говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу. Не будет этого. (Возглас сверху: "Не можете вы этого сделать, – ваше сердце вам это не позволит".) Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, и буду думать только о государстве. И пусть знают, что все, чего вы хотели и чего не было, может быть. (Возглас сверху: "Да здравствует Временное Правительство!") (...)

Слушатели почувствовали, что Керенский на грани нервного припадка. Один из них, московский кадет Н.И. Астров, повернулся к своему соседу, военному врачу, и сказал, что происходящее больше по его части: "Это не политика, это истерика".

Речь Керенского положила конец Московскому совещанию, которое оказалось полным провалом. Все вопросы остались нерешенными. Было неясно, одобряет ли Керенский жесткие меры для восстановления дисциплины или же угрожает офицерам преследованиями, если они не будут поддерживать революционное правительство. Одно только стало очевидным для всех присутствующих – что подобное собрание неспособно создать новый парламент или какой-либо иной орган, представляющий всю страну, на который правительство могло бы опереться. Отныне даже самая безобидная резолюция не могла быть поставлена на голосование без того, чтобы немедленно не выявлялась глубокая трещина, расколовшая русское общество.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. "Речь", 23 июля 1917 г.
2. См.: И.Г. Церетели. Воспоминания о февральской революции. В 2-х тт., Париж/Гаага, 1963, т. 2, стр. 387.
3. М.М. Винавер. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926, стр. 136–137.
4. "Речь", 22 июля 1917 г.
5. И.В. Сталин. Сочинения. Т. 3, Москва, 1946, стр. 17. В протоколах VI съезда это место не приводится.
6. Из дневника генерала М.В. Алексеева: "Русский Исторический Архив", сборник 1, Прага, 1929, стр. 40 и 44.
7. Ср. след. отрывок из романа Бориса Пастернака "Доктор Живаго". (Анн Арбор, США, 1959, стр. 147–148): "Вы подумайте, какое сейчас время! И мы с вами живем в эти дни! Ведь только раз в вечность случается такая небывальщина. Подумайте: со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! Настоящая, не на словах и в требованиях, а с неба свалившаяся, сверх ожидания. Свобода по нечаянности, по недоразумению. (...) Вчера я ночной митинг наблюдал. Поразительное зрелище. Сдвинулась Русь матушка, не стоится ей на месте, ходит, не находится, говорит, не наговорится. И не то, чтоб говорили одни только люди. Сошлись и собеседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания. Что-то евангельское, не правда ли? Как во времена апостолов. Помните у Павла? "Говорите языками и пророчествуйте. Молитесь о даре истолкования"."
8. Позже Цивин вступил в большевистскую партию, воевал в Гражданскую войну и умер в Крыму в середине 1920-х годов.
9. Г.В. Плеханов. Год на родине. В 2-х тт. Т. 1, Париж, 1921, стр. 92 и далее.
10. См.: A.F. Kerensky. Russia and History's Turning-Point. New York, 1965, p. 89.
11. Доклад Кокошкина Московскому городскому комитету к.-д. партии от 31 авг. 1917 г., хранящийся в Архиве Колумбийского университета среди бумаг П.Н. Милюкова.
12. П.Н. Милюков. Воспоминания (1859–1917). В 2-х тт. Т. 2, Нью-Йорк, 1955, стр. 332–333.
13. Эти удивительные слова из последнего труда Керенского (см. прим. 10) были написаны, по его собственному утверждению, только потому, что несмотря на всю секретность, окружающую дела масонов, некоторые данные уже были разглашены. См. на эту тему: Nathan Smith. The role of Russian freemasonry in the February Revolution: another scrap of evidence. "Slavic Review", Vol. XXVII, 1968, pp. 604–608. Пояснения, неохотно данные Керенским, были ему не только разрешены, но прямо предписаны организацией, к которой он принадлежал. Он пишет (там же, стр. 88): "До моего отъезда из России летом 1918 г. мне поручили раскрыть суть нашей [т.е. масонской – Г.К.] работы, без указания имен: таким образом, при появлении в прессе извращенной передачи событий было бы возможно ознакомиться и с подлинными фактами".

Примерно 50 лет спустя Керенский нашел, что пришло время для этого, разрешенного ему, объяснения. Если в 1918 г. такая организация, как масонское общество, могла его инструктировать, как поступать в сложившейся ситуации, можно ли сомневаться, что в 1917 г. та же, или сходная с ней, организация оказывала влияние или инспирировала деятельность тех ее членов, которые составляли внутреннее ядро Временного правительства, даже если, по утверждению Керенского, это может показаться – "абсурдной интерпретацией великих и трагических событий, которые привели к величайшему перелому в русской истории".

Но какой бы сильной ни была связь между тремя людьми, образовавшими тайный внутренний кабинет министров, и как бы ни были значительны их совместные решения, единство "триумвирата" не пережило второй правительственной коалиции.

14. См., например, телеграмму, опубликованную в "Русских Ведомостях" от 10 августа.
15. Это письмо опубликовано в главе 11-й настоящего труда.
16. Протоколы Московского государственного совещания были опубликованы в СССР под заглавием: Государственное Совещание (Москва, 1930). В издании Академии Наук СССР: Великая Октябрьская Социалистическая Революция: документы и материалы. (Революционное движение в России в августе 1917 г. Москва, 1959), выражаются сомнения в точности этой публикации и приводится другой текст речи Корнилова, со ссылкой на стенографическую запись и с поправками от редактора, с явной целью показать, что Московское совещание положило начало "контрреволюционного заговора Корнилова".
17. Во главе парижского Пастеровского института тогда стоял известный русский ученый И. И. Мечников – политический эмигрант умеренных взглядов.
18. Государственное Совещание, стр. 307.

Глава 5

ПОЕЗДКА САВИНКОВА В СТАВКУ

Возвращение Корнилова в Ставку было безрадостным. Московское совещание ни в чем не способствовало укреплению его политических надежд; его сторонников Савинкова и Филоненко там не было. Ему даже не удалось встретиться и побеседовать с Керенским и, таким образом, он оставался в неведении о дальнейшей судьбе своих законодательных предложений. Новости со всех фронтов, а также из тыла, были чрезвычайно плохими. В Румынии три полка взбунтовались и отказались занять свой участок фронта. 20 августа немцы заняли Ригу. Ответственный за ее защиту ген. Д. П. Парский и правительственный комиссар фронта превозносили храбрость своих войск, но из других источников выяснилась иная картина, и в результате они оба, Парский и его комиссар, были отданы под суд. Почти одновременно с известием о падении Риги поступили и сведения о катастрофическом положении на другом конце страны: в Казани взорвался большой оружейный склад и взрывом было уничтожено огромное количество военного снаряжения, в том числе 12 000 пулеметов. Причиной взрыва был, вероятно, саботаж.

16 августа Корнилов очередной раз телеграфировал Керенскому и просил его принять решение относительно выдвинутых им предложений. Трудно утверждать с полной достоверностью, но думается, что Корнилов имел в виду некий план действий в случае отказа правительства принять требуемые им меры.

В настроениях же самого Керенского, видимо, произошла перемена, и он решил попытаться вновь завоевать доверие офицерства и особенно той его части, которая подвергалась особым унижениям со стороны своих войск. В августе, например, генерала К.Г. Гиршфельда, у которого

в результате боевого ранения были ампутированы обе руки, солдаты закололи штыками. Другой инцидент произошел с молодым правительственным комиссаром по фамилии Линде (он был революционером и участвовал в петроградских событиях начала 1917 г.). Его послали выступить перед воинской частью, которая отказалась выполнять приказы. Линде, уверенный в себе, вышел безоружным и был зверски убит солдатами.[1] Большинство преступлений оставались безнаказанными, и максимальной мерой по отношению к взбунтовавшимся частям были их разоружение и роспуск.

Позже Керенский, вопреки очевидности, заявлял, что моральное состояние войск было тогда не столь плачевным, как его преувеличенно представляли военные отчеты. Но в то время, то есть к середине августа 1917, он думал иначе и предпринял исключительные усилия, для того чтобы восстановить свою популярность в глазах офицерства. 22 августа, в качестве военного министра, Керенский опубликовал приказ всем вооруженным силам, в котором он провозглашал, что

> цвет армии – ее офицерство, в братском единении с солдатами, переживало великую бескровную революцию, закрепляя работу тех, кто сбросил позорные цепи рабства. Офицерство доказало, что оно плоть от плоти народа.

В этом приказе он также обещал офицерам, что, несмотря на трудное экономическое положение страны, их содержание будет значительно повышено.[2] Это последнее обещание било совершенно мимо цели. Офицеры были возмущены не своим низким содержанием, а тем, что их собственные солдаты могли их почти безнаказанно увольнять и даже убивать. Правительство не приняло никаких мер в их защиту, а ограничилось лишь выражением сочувствия к их судьбе и предписанием прессе где только можно сводить к минимуму упоминания о таких случаях, как гибель комиссара Линде.

Приказ Керенского, целью которого было успокоить недовольное офицерство, был, возможно, вызван желанием подавить смутные слухи о контрреволюционном заговоре, порожденные его истерическими восклицаниями на Московском совещании. Распространившиеся слухи о готовящемся перевороте привели к аресту некоторых бывших придворных и даже брата Николая II великого князя Михаила Александровича (которому Керенский еще в марте с чувством пожимал руку, говоря, как благородно тот поступил, отказавшись от престола). Позже Керенский оправдывал эти аресты тем, что правительство напало

на неверный след, а настоящий заговор готовился в Союзе офицеров и в генеральской среде.

Беспокойство офицеров все усиливалось. Теперь они убеждали Корнилова в необходимости немедленных действий для ликвидации большевистской партии. Через своих делегатов в Союзе офицеров они предложили ему послать 200 человек в Ставку, чтобы научиться обращению с ручными гранатами. Корнилов согласился на их просьбу, но не дал обещания использовать этих офицеров, и они так и не достигли места своего назначения – Петрограда.

Однако растущее раздражение Керенского при получении отчетов из Ставки побудило его уладить свою ссору с Савинковым. Он принял его 17 августа[3] и сразу начал с горьких упреков в преждевременном разглашении сведений о реформах, предложенных Корниловым. Контрреволюция, заявил Керенский, на Московском совещании подняла голову, и Савинков частично виновен в том, что стремился власть Керенского сменить на власть триумвирата, состоящего из Керенского, Корнилова и его самого – Савинкова. Произнеся все это, Керенский вдруг заявил, что во имя интересов государства он должен, тем не менее, просить Савинкова взять свою отставку назад. Требование Корнилова распространить применение смертной казни и на тыловые районы скоро будет удовлетворено. Петроградский военный округ будет подчинен непосредственно Верховному Главнокомандующему, за исключением самой столицы, которая по-прежнему остается во власти правительства.

20 августа Савинков был послан в Ставку под предлогом участия еще в одном совещании, на этот раз о новых уставах, касающихся отношений между солдатскими комитетами и правительственными комиссарами. В действительности же ему следовало попытаться прийти к соглашению с самим Корниловым. Керенский утверждает, что перед отъездом заверил Савинкова в том, что он ему полностью доверяет. "Нахожу, – сказал он ему, – что Вы можете делать ошибки, но я нисколько не сомневаюсь в Вашей преданности революции (...)".

Но зато у Керенского были серьезные опасения относительно Филоненко, о котором было известно, что он написал для Корнилова текст его выступления на Московском совещании. (Филоненко, конечно, при этом советовался с самим генералом, и в составлении речи ему также помогал "адъютант-секретарь" Корнилова Завойко). Савинков заверил министра-председателя, что если бы Корнилов его попросил написать речь, он сам составил бы ее в том же духе. В конечном счете он пригрозил своей отставкой в случае устранения Филоненко.[4] В довольно

путанном пересказе этого разговора Керенский впоследствии повторил свои прежние обвинения против Савинкова и Филоненко. Конечно, он это сделал, чтобы свалить ответственность за все случившееся на товарища военного министра и правительственного комиссара, которых он и назначил. Во всяком случае, вышеизложенный разговор показывает, что Керенский не мог сомневаться в сочувствии Савинкова к программе Корнилова, в его восхищении генералом и преданности ему. Он также сознавал, что Савинков, как бывший террорист, готов в любое время рисковать своей жизнью и никогда не превратится в послушного начальству чиновника. Тем не менее именно этому человеку он доверил деликатную задачу вести переговоры для достижения соглашения между ним и Корниловым.[5]

Корнилов ждал приезда Савинкова со все возрастающим раздражением. Сопровождал Савинкова в Ставку полковник В.Л. Барановский, личный помощник Керенского по делам военного министерства и к тому же его зять. Савинков и Барановский были встречены в Могилеве начальником штаба Корнилова ген. Лукомским, ген. Романовским и правительственным комиссаром Филоненко. Первым пунктом переговоров было определение границ той части Петроградского генерал-губернаторства, которая должна была оставаться в непосредственном подчинении Временному правительству. Затем Савинков объявил, что он хотел бы поговорить с Корниловым с глазу на глаз, и остальные участники переговов покинули помещение.

Корнилов сразу же набросился на Савинкова и осыпал его упреками. Он не собирается, сказал он, судить о составе правительства, но он знает, что Керенский – человек слабохарактерный, легко поддается чужим влияниям и мало способен справиться с возложенной на него задачей. Позже, в своих показаниях, он сообщил, что сказал Савинкову так: "Лично я против него ничего не имею; думаю, что другой состав Правительства, без участия г. Керенского, мог бы тоже справиться с делом".[6] Затем последовало долгое обсуждение общего положения в стране, и Корнилов, соглашаясь с аргументацией Савинкова, признал, что ради политического равновесия участие Керенского в правительстве безусловно желательно. Он был "готов всемерно поддерживать А.Ф.Керенского, если это нужно для блага Отечества". Позже Корнилов попросил Савинкова передать Керенскому ровно обратное тому, что говорил ему в начале разговора: он пожелал, чтобы министру-председателю было сказано, что он, генерал Корнилов, будет верно служить Временному правительству, и повторил это обещание на вокзале, когда Савинков отъезжал в Петроград.

Что же могло побудить решительного генерала столь радикально изменить свое мнение в ходе одного разговора? Объяснить это просто. Савинков, видимо, вынул из портфеля окончательный проект закона, вводившего смертную казнь за пределами фронтовой полосы, и сказал Корнилову, что хотя Керенский его еще не подписал, это будет сделано в ближайшем будущем. Можно было ожидать, что большевики и часть членов Петроградского Совета будут противиться этой мере, и в этом случае правительству понадобится иметь в своем распоряжении достаточно войск, чтобы подавить восстание, где бы оно ни вспыхнуло. Корнилов с этим согласился и сказал, что 3-й конный корпус в ближайшие дни будет сосредоточен вокруг Петрограда.

Тем временем, к разговору присоединились другие генералы (Лукомский, Романовский и, возможно, кто-то еще). Ни в опубликованном тексте показаний Корнилова, ни в записке Савинкова не упоминается присутствие полк. Барановского. Возможно, они не хотели его замешивать в это дело, чтобы не портить особых, родственных, отношений Барановского с Керенским. Корнилов настоял, чтобы Савинков указал на возможность кровопролития в Петрограде, либо если большевики организуют восстание по своей собственной инициативе, либо если Советы будут действовать единым фронтом против новой линии правительства. По этому поводу Корнилов заявил, что готов принять самые жесткие меры и что офицеры, которые прикажут стрелять в воздух, будут преданы суду. В полном, неизданном тексте показаний Корнилова сказано, что "полковник Барановский, стоящий около стола, со своей стороны прибавил: "Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия".[7] Получил ли Керенский от Барановского полный отчет об этом разговоре, остается загадкой для историков. Во всяком случае, личные их отношения не пострадали.

Некоторые расхождения в передаче различными участниками событий других деталей переговоров могут быть оставлены без внимания, как несущественные. Однако они могли быть связаны и с попыткой затушевать разногласия, оставшиеся между Савинковым и Корниловым. Просьба Савинкова о том, чтобы Верховный Главнокомандующий обеспечил приток воинских частей к Петрограду сразу же после провозглашения новых законов, полностью согласовывалась с желанием самого Корнилова достичь на этих условиях соглашения с Керенским, но есть некоторые указания на то, что Савинкову и Корнилову было порой очень нелегко договориться. Показания Савинкова Следственной комиссии[8] во многом подтверждают данные объяснительной записки Корнилова, но в них есть

одно интересное место, которое не упомянуто ни Корниловым, ни Савинковым в его ответе на книгу Керенского.[9] Сказав, что Керенский не только слабохарактерный и нерешительный, но также и неискренний человек, Корнилов (согласно Савинкову) продолжил:

> Меня он незаслуженно оскорбил на Московском совещании. Кроме того он вел за моей спиной разговор с Черемисовым и хотел назначить его верховным.

Савинков на это возразил (как утверждает он в своей записке Следственной комиссии от 17 сентября 1917):

> Мне кажется, что в вопросах государственных личным обидам нет места. Если бы завтра меня оскорбил Керенский или Вы, я бы не посчитался с этим. Что касается Черемисова, то назначить его хотел не Керенский, а Совет рабочих и солдатских депутатов.

Затем он уверил Корнилова, что разделяет его мнение о том, что участие Чернова в правительстве нежелательно и что Авксентьев – неподходящий министр внутренних дел. Он продолжил:

> О Керенском же я не могу думать так, как Вы. Я знаю Керенского, люблю и уважаю его. Керенский – человек большой и благородной души, искренний и честный, но Вы правы в одном, – разумеется, не сильный.

Затем разговор коснулся возможных изменений в составе правительства. Корнилов выразил желание, чтобы в будущем "Керенский не вмешивался в [его] дела". На это последовал ответ Савинкова и следующий диалог между ним и Корниловым:

> *Я*: Это сейчас невозможно, если бы даже было нужно. В будущем, естественным ходом вещей, Керенский, вероятно, станет президентом Российской республики. Я буду приветствовать его президентство.
> *Генерал Корнилов*: Нужно, чтобы в правительстве были Алексеев, Плеханов, Аргунов.
> *Я*: Вернее, нужно, чтобы советские социалисты были заменены не-советскими. Это ли Вы хотите сказать?
> *Генерал Корнилов*: Да. Советы доказали свою нежизнеспособность, свое неумение оборонить страну.

Я: Но не войсковые организации.

Генерал Корнилов: Войсковые организации лучше.

Я: Лавр Георгиевич, все это дело будущего. Вы недовольны правительством, но, во всяком случае, Вы не можете не согласиться, что без Керенского, без возглавления им, никакое правительство немыслимо.

Генерал Корнилов: Вы, конечно, правы: без возглавления Керенским правительство немыслимо, но Керенский нерешителен, он колеблется, он обещает, но не исполняет обещаний.

Тогда Савинков опять заверил Корнилова, что его программа, включая создание военно-революционных судов вне фронтовой полосы, скоро будет принята. Уже предпринимаются меры по укреплению дисциплины. Затем он попросил Верховного не допускать участия Дикой дивизии в каких-либо операциях в Петрограде, позволив себе заметить, что "неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам". Корнилов обещал сделать "все возможное", хотя прекрасно знал, что уже фактически бессилен что-либо изменить, так как посланные им войска уже (с 22 августа) шли к Петрограду.

Куда большие последствия имела неожиданная просьба Савинкова не назначать ген. Крымова ответственным за операцию в Петрограде. Различные свидетели совершенно по-разному освещают этот вопрос: трудно отделаться от впечатления, что некоторые из них сознательно говорят неправду (какими бы благородными ни были их побуждения).

Сам Керенский коснулся этого вопроса в книге "Дело Корнилова". В ней он приводит выдержки о переговорах между Савинковым и Корниловым из доклада, который, как он утверждает, был в его распоряжении, когда он писал эту книгу.[10] Согласно этому документу, разговор состоялся 24 августа. Он содержал следующие высказывания:

Корнилов: Хорошо, я не назначу Крымова.

Савинков: А. Ф. хотел бы, чтобы Вы назначили ген. Д.

Корнилов: А. Ф. имеет право отвода, но не может мне указывать, кого назначать.

Савинков: А. Ф. не указывает – он просит.

Корнилов: Я назначу Д. начальником штаба.

Исчезновение этого документа, цитируемого Керенским, весьма досадно. Мы остаемся в неведении относительно личности "генерала Д." – Керенский ее не раскрывает. Был ли это ген. А.М. Драгомиров? Или ген. М.К. Дитерихс, верный приверженец Корнилова, который фактически

стал начальником штаба Крымова? Как бы то ни было, никто другой не передает этого разговора в таком виде.

В своем ответе Керенскому Савинков не упоминает этих обстоятельств, но замечает:

> Что касается конного корпуса, то того же 22-го числа, ген. Корнилов условился со мной о его движении, причем по просьбе моей, обещал мне не назначать его командиром ген. Крымова и заменить туземную дивизию регулярной кавалерийской.[11]

Ни слова о назначении "генерала Д.".

В своих показаниях Корнилов только привел слова Савинкова:

> Я только прошу Вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций.

В этом документе ничего не говорится об ответе Корнилова на эту просьбу. В другом же месте указано, что он промолчал. Здесь ничего нет удивительного, так как с самого начала Корнилов требовал исключительного права назначения старших начальников.

Однако генерал Лукомский, который присутствовал при переговорах в качестве начальника штаба, излагает историю с Крымовым иначе. Он, как осторожный историк, заранее предупреждает читателя, что не может ручаться за точную передачу устных разговоров. Но указывает, что суть дела передана достаточно правильно. Лукомский пишет:

> Прощаясь с Корниловым, Савинков выразил уверенность, что все пройдет хорошо, и, неожиданно для нас, добавил: "Только начальником отряда не назначайте генерала Крымова". На это Корнилов ничего не ответил.[12]

После отъезда Савинкова ген. Лукомский предупредил Корнилова о готовящемся против него "подкопе". Он продолжил:

> Все, сказанное Савинковым, настолько согласуется с нашими предложениями, что получается впечатление – как будто Савинков или присутствовал при наших разговорах, или... очень хорошо о них осведомлен. Я прибавил, что упоминание его о неназначении Крымова мне не нравится и меня беспокоит.

> Генерал Корнилов стал мне возражать, говоря, что я слишком мнительный, что Савинков просто умный человек, понимает обстановку и, естественно, пришел к тем же выводам, к которым пришли и мы; что упоминание про Крымова вполне естественно, так как Савинков знает, что будет к Петрограду двинут 3-й конный корпус, которым командует генерал Крымов; что Крымов известен своей решительностью и Савинков просто боится, что он повесит лишних 20-30 человек; но что это замечание Савинкова не важно – он сам, впоследствии, будет доволен, что назначен командовать отрядом именно генерал Крымов.

Заверения Корнилова Лукомского не успокоили. Он, вероятно, почувствовал, что все рациональные начала исчезают из русской политики и теперь она в руках дьявола, – и не того падшего ангела с громадными черными крыльями или иронического и хлопотливого Мефистофеля, но скорее внуков тех мелких гоголевских бесов, чичиковых и хлестаковых, которые прячут свои раздвоенные хвосты в прекрасно сшитых брюках настоящих джентльменов.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Убийство комиссара Линде послужило, в сильно романтизированной форме, основой для замечательного эпизода в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго" (гл. 5). Это событие подробно описано в воспоминаниях ген. П.Н. Краснова: "Архив Русской Революции", т. 1, Берлин, 1921, стр. 105–112.
2. См.: П.Н. Милюков. Воспоминания (1859–1917). В 2-х тт. Т. 2, Нью-Йорк, 1955, стр. 157.
3. Б.В. Савинков. К делу Корнилова. Париж, 1918, стр. 17.
4. А.Ф. Керенский. Дело Корнилова. Москва, 1918, стр. 163.
5. Хронология поездок Савинкова и его разговоров в Ставке несколько запутана. Согласно тексту показаний Савинкова Чрезвычайной следственной комиссии, опубликованному в Советском Союзе, первый разговор между Савинковым и Корниловым имел место 23 августа. Но в примечании к этому изданию указано, что разговор имел место не 23, а 24 августа. Эта последняя дата подтверждается показаниями самого Корнилова. Савинков безусловно потратил некоторое время и на совещание, созванное в Ставке, на которое он был официально послан Керенским. Он выехал из Ставки в ночь с 24 на 25 августа и отчитывался перед Керенским ранним утром 26-го, в решающий день кризиса. О хронологии разговоров с Савинковым, предложенной Корниловым, см. ниже.
6. Здесь и ниже цитаты по тексту показаний Корнилова Следственной комиссии, хранящемуся в Колумбийском университете и опубликованному в Приложении.
7. См. показания Корнилова, а также: Великая Октябрьская Социалистическая Революция: документы и материалы. Т. 5: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. Москва, 1959, стр. 432.
8. Савинков. К делу Корнилова, стр. 20 и далее.
9. Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Т. 5: Революционное движение... в августе 1917 г., стр. 421.
10. Керенский. Дело Корнилова, стр. 166. Приведенный здесь текст разговора между Савинковым и Корниловым не был опубликован ни в одном известном нам издании.

    В частном разговоре Керенский объяснял нам, что потерял этот документ во время бегства из Парижа в 1940 г.
11. Савинков. К делу Корнилова, стр. 21.
12. А.С. Лукомский. Из воспоминаний. "Архив Русской Революции", тт. 2, 5 и 6, Берлин, 1921–1922. Здесь: т. 5, стр. 114.

Глава 6

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В. Н. ЛЬВОВА

22 августа, сразу же после отъезда Савинкова в Ставку, к Керенскому в Зимний дворец явился нежданный посетитель – В.Н.Львов – бывший обер-прокурор Святейшего Синода, уволенный Керенским в конце июля, когда было создано второе коалиционное правительство. Львов был очень недоволен своей отставкой и говорил тогда Терещенко: "Kerensky, c'est mon ennemi mortel!".[1] Несмотря на эти обстоятельства, встреча Керенского со Львовым прошла вполне дружественно, если верить дошедшим до нас рассказам очевидцев – самих ее участников, – а также замечаниям о ней, сделанным ими в более позднее время.

Согласно Керенскому, Львов был одним из тех людей, которые неоднократно обращались к нему с политическими предложениями и схемами, сочетающими "полезные советы и болтовню". В данном случае Львов пришел без подобной схемы. Зато он сделал попытку внушить Керенскому, что его политическое влияние и популярность сильно поблекли в лагере "революционной демократии" и что у части правых кругов он теперь возбуждает ярую ненависть. Он спросил Керенского, согласился ли бы тот обсудить политическую ситуацию с представителями сильной группы общественных деятелей, имеющей "достаточную реальную силу, с которой необходимо считаться".[2] Керенский, естественно, захотел узнать, от чьего имени говорит Львов, но тот принял таинственный вид и отказался дать дополнительную информацию. Согласно его показаниям перед Следственной комиссией о деле Корнилова, Керенский был несколько обеспокоен такой таинственностью. Возразив, что он не может вступать в какие-либо переговоры, не зная, кого представляет Львов, Керенский его отпустил, не дав ему никаких инструкций и не

договорившись с ним о новой встрече.[3] В показаниях перед комиссией, которую он сам и назначил, Керенский оставался сдержанным и очень осторожным, но по данному пункту он высказался чрезвычайно определенно. После описания своего разговора со Львовым, он сказал:

> конечно, я никаких поручений, никаких полномочий не давал (...), я сказал: "Прежде чем я мог бы что-либо ответить, Вы мне скажите, с кем я имею дело?" (...) Я считал, что дело на этом и кончится и, вообще, никакого значения этому не придавал.

Однако Керенский, публиковавший время от времени другие, мало отличающиеся версии своей первой встречи со Львовым, в последнем произведении, написанном через 50 лет после событий, во многом иначе осветил эту встречу. Пересказывая разговор прямой речью, он отмечает, что спросил Львова: "Что вы хотите, чтобы я теперь сделал?", и что Львов ответил, что "некоторые круги" хотели бы его поддержать, но что ему для этого следует прийти к соглашению с ними. Тогда Керенский настоятельно попросил назвать тех людей, от имени которых он пришел к нему. Львов ответил, что он не имеет права этого сделать, но если Керенский согласен, он передаст содержание их разговора этим лицам. "Конечно, вы можете", – сказал Керенский. "Вы знаете, что я заинтересован в формировании правительства, опирающегося на твердую основу, и не цепляюсь за единоличную власть".[4] Львов, видимо, был доволен встречей и при прощании сказал Керенскому, что намерен снова его навестить.

Таким образом, в последнем пересказе событий Керенский, в конечном счете, признал четыре важных обстоятельства, которые он с жаром оспаривал или отрицал в предыдущих описаниях дела Корнилова. Во-первых, он согласился, чтобы Львов передал пославшим его лицам содержание их разговора, так и не узнав, о ком шла речь. Во-вторых, сообщил Львову, что заинтересован в создании правительства на прочной основе. В-третьих, он заявил Львову, как говорил и другим при разных обстоятельствах, что не цепляется за личную власть. И наконец, он узнал, что Львов собирается снова к нему зайти. Эти поздние признания совершенно по-иному освещают разговор между Львовым и Керенским, чем показания Керенского Следственной комиссии.

Что могло побудить Керенского по-иному изложить эту историю? Желание успокоить совесть? Стремление подкрепить достоверность рассказа Львова, причудливое повествование которого в целом под-

тверждает разъяснения самого Керенского? Львов утверждает наличие, уже в июле 1917 г., мощного и хорошо организованного заговора против Керенского, как в Ставке, так и в Петрограде и Москве, в который были вовлечены политические деятели, генералы, представители торговых, промышленных и высших финансовых кругов. Каковы бы ни были причины этой подправки Керенским своих воспоминаний, само ее появление еще раз подтверждает опасность некритического подхода к его рассказу о корниловских событиях.

Последний рассказ Львова о посещении Керенского был написан в совсем иных обстоятельствах, чем когда он давал показания Следственной комиссии. Он был опубликован в парижской русской газете "Последние Новости" с 30 ноября по 9 декабря 1920 г. К этому времени Львов сполна испытал на себе превратности судьбы. Он эмигрировал во Францию и в Париже превратился в настоящего бродягу, ночуя под мостами и питаясь тем, что он мог выпросить у своих старых знакомых. Публикацией сенсационных сведений о деле Корнилова он решил заработать немного денег. Из его писаний следует, что перед разговором с Керенским он встречался в Москве и вел политические разговоры с двумя несколько загадочными личностями: доктором И.А. Добрынским и бывшим членом Первой Думы Аладьиным, недавно вернувшимся из Англии в Россию с рекомендательными письмами от его личных знакомых из британского военного командования (о нем см. выше гл. 4). Во время разговоров с ними во впечатлительном мозгу Львова укрепилась мысль о том, что Корнилов думает провозгласить себя диктатором. Было решено, что Львов должен предупредить Керенского о необходимости начать переговоры с "некоторыми кругами", с целью реорганизации правительства. В статьях, опубликованных в Париже, Львов пишет, что он пришел к Керенскому по просьбе Добрынского, который, якобы, знал все о заговоре, готовящемся в Ставке. Приехав 22 августа в Петроград, Львов, якобы, сперва позвонил бывшему управляющему делами Временного правительства В.Д. Набокову и сообщил ему, что 27-го числа Керенскому будет предъявлен ультиматум, который, предсказывал он, приведет к гражданской войне. Керенский утверждает,[5] что Набоков примерно так же осветил этот эпизод в своих воспоминаниях, опубликованных в "Архиве Русской Революции".[6] Это неверно, и в возмущенном письме от 15 декабря 1920 г. редактору "Последних Новостей" Набоков отвергает версию Львова в следующих выражениях:

> Я считаю долгом категорически заявить, что ни я не говорил того вздора, который приписывает мне В.Н. Львов, ни от него

я не слышал тех глупостей, которые он задним числом себе приписывает.

Из-за этого письма Набокова (и в ущерб исторической науке) "Последние Новости" прекратили публикацию воспоминаний Львова. Но и опубликованные главы достаточно освещают первый разговор между Львовым и Керенским. Львов пишет, что, лишь получив отрицательный ответ от Набокова и "изумленный его государственной слепотой", он решил обратиться к Керенскому. Разговор с Керенским Львов передает прямой речью, что, конечно, по прошествии трех лет, не прибавляет ему достоверности. В ключевом месте, внося драматическую нотку в диалог, Львов утверждает, что Керенский его спросил: "Что же вы хотите, чтобы я сделал?". На это Львов ответил:

> Протяните руку тем, которых вы от себя отталкивали. Реорганизуйте правительство так, чтобы оно удовлетворяло широкому слою всего русского общества и народа. Включите в него представителей правее кадет,[7] с другой стороны пусть в нем будут социалисты государственники, а не исключительно представители совета.
> – Ну все же нельзя обойтись без представителей совета, сказал Керенский.
> – Я не спорю, пусть так, но пойдите на соглашение с теми, которые вас ненавидят. Момент наступил крайне важный. Я знаю, что я говорю. Ради блага Родины я заклинаю вас!
> Керенский был тронут.
> – Хорошо, сказал он. Я согласен и если даже потребуется моя отставка, я согласен уйти, но поймите же, что я не могу бросить власть; я должен передать ее с рук на руки.
> – Так дайте мне поручение, сказал я, войти в переговоры от вашего имени со всеми теми элементами, которые я сочту необходимыми.
> – Я даю вам это поручение, только прошу вас все держать в секрете, и крепко пожал мне руку.
> – Я поставлю вас в известность о достигнутых результатах, сказал я.
> – Куда вы едете? Спросил Керенский.
> – Я еду туда, откуда приехал, сказал я улыбаясь. Я вышел. Керенский провожал меня и, вышедши за двери кабинета, долго махал рукой.[8]

Покинув Керенского, Львов без промедления выехал в Москву, где вновь встретился с Добрынским и со своим братом, членом Думы Н.Н.Львовым. Все они чувствовали, что предстоит сыграть важную роль в судьбах страны, а Владимир Львов во время этих разговоров, вероятно, взял на себя роль доброжелательного посредника между Верховным Главнокомандующим и министром-председателем.

В.Н.Львов выехал в Могилев 24 августа и попросил Корнилова тут же принять его. Но это оказалось невозможным: Корнилов был слишком занят, чтобы принять даже бывшего министра Временного правительства, тем более, что Львов явился в Ставку без предварительного доклада и отказался раскрыть причину своего приезда. Прием состоялся несколько позже.

Сообщения о том, что было сказано при встрече Львова и Корнилова, сильно разнятся между собой. Во-первых есть очень лаконичный отчет в письменных показаниях Корнилова. Второй вариант – мнение Керенского – можно извлечь из протоколов Следственной комиссии. Третий – переработанный текст подлинных показаний Львова Следственной комиссии в 1917 году.[9] Четвертый вариант, хронологически последний, изложен в статьях Львова в "Последних Новостях".

Начнем с показаний Корнилова, написанных всего через несколько дней после встречи с Львовым:

> Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: "Я к Вам от Керенского с поручением". Я подчеркиваю, что Львов был послан не мной, так как я его с апреля месяца не видел и слишком мало знал, а прибыл ко мне от Керенского. (...) В.Н.Львов заявил мне от имени Керенского, что если, по моему мнению, дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава Правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу. Львов просил меня высказать мое мнение по поводу предложения Керенского и изложить программу. Я, очертив общее положение страны и армии (положение дел на фронте, приготовление немцев к производству десанта на побережьи Рижского залива и возможность дальнейшего развития этих операций в направлении на Ревель и Петроград, известие об убийстве солдатами начальника III пех. дивизии генерала Гиршфельда и комиссара XI армии Линде, пожар пороховых и артиллерийских складов в Казани), заявил, что, по моему глубокому убеждению, единственным

исходом из тяжелого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении. Я заявил, что лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, – будь то сам А.Ф.Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что, ввиду тяжелого положения страны, Временное Правительство, в его нынешнем составе, само прийдет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора. Я заявил, что если бы так случилось, то, всегда держась мнения, что только твердая власть может спасти Страну, я от такого предложения бы не отказался.

Совсем иначе описывается этот разговор в статьях, опубликованных В.Н.Львовым в "Последних Новостях".[10] Там говорится, что когда он вошел к Корнилову и объявил, что прибыл с поручением от имени Керенского, глаза генерала загорелись "недобрым огнем". Как бы ни расценивать этот "огонь", Львов, во всяком случае, ошибается относительно времени своей встречи с генералом, – по его словам, в 10 часов вечера 24 августа, но это весьма маловероятно: Корнилов был тогда слишком занят, он провожал Савинкова в Петроград и давал ему последние инструкции. Львов утверждает, что вторично встретился с Корниловым на следующий день в 10 часов утра; это сходится с заявлением самого Корнилова о том, что встреча состоялась именно 25 августа. Все остальное, что вспоминает Львов о первой встрече с Корниловым, – того же уровня, что и замечание о "недобром огне". Вопреки заявлениям Савинкова (см. выше), Львов в "Последних Новостях" утверждает, что Корнилов был вполне готов прогнать Керенского, для того чтобы упрочить правительство. В то же время, он утверждает, будто Корнилов сказал, что ему все равно, кто будет Верховным Главнокомандующим, если только Временное правительство предоставит этому лицу всю полноту власти.[11] Львов продолжает:

Я сказал Корнилову:

– Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам.

Корнилов сделал жест головой в знак согласия и продолжал:

– Во всяком случае Романовы взойдут на престол только через мой труп. Когда власть будет лишь передана, я составлю свой кабинет.[12]

Не подлежит сомнению, что многое из утверждений Львова в 1920 году – это только вышивка по канве ранее опубликованных работ – таких как "Дело Корнилова" Керенского или ответ на эту книгу Савинкова. Упоминание Романовых восходит к изложению разговора между бывшим военным министром Гучковым и Корниловым, во время которого Гучков сделал попытку заговорить с Корниловым о передаче престола великому князю Дмитрию Павловичу и получил за это нагоняй от темпераментного генерала. Озабоченность Львова личной безопасностью Керенского и Савинкова, в случае попытки покушения на их жизнь – проявлялась уже давно (он упомянул об этом уже в разговоре с Керенским 22 августа); одержимость его этим вопросом несет все признаки болезненного психического состояния.

По свидетельству ген. Лукомского, которому Корнилов рассказал о своих переговорах со Львовым, Львов предложил три возможности создания "сильной власти" в России: во-первых, Керенский мог сам составить новое правительство, во-вторых, могло быть создано нечто вроде директории, состоящей из трех или четырех членов, включая Верховного Главнокомандующего, в-третьих, Верховному Главнокомандующему, кто бы это ни был, могли быть даны диктаторские полномочия. Корнилов был сторонником третьего пути, при условии, что Керенский и Савинков также будут участвовать в правительстве. Состав правительства обсуждался в окружении Корнилова в течение всего дня (25 августа). Львов сам участвовал в этом обсуждении вместе с Добрынским и Аладьиным, которые сопровождали его в Могилев. Присутствовали также личный секретарь Корнилова В.С. Завойко и правительственный комиссар Филоненко.

В мемуарной литературе много противоречивых данных об этих переговорах и планах создания нового правительства. Из дальнейших, несколько путаных рассказов Львова выясняется, что Корнилов не всегда лично присутствовал на обсуждении этих вопросов. Собственной идеей Корнилова было, видимо, создание Совета народной обороны под его началом. Керенский был бы его помощником, а Савинков, ген. Алексеев, адм. Колчак и Филоненко – его членами. Совет народной обороны должен был располагать диктаторской властью. На другие правительственные должности должны были быть назначены два либеральных министра бывшего царского правительства – М.Н. Покровский и граф П.Н. Игнатьев, а также Аладьин, виднейший русский марксист Г.В. Плеханов, бывший председатель Временного правительства князь Г.В. Львов и Завойко. Но состав правительства оставался в значительной степени неопределенным и Корнилов вызвал в Ставку ряд других лиц для консультаций, в частности, председателя Государственной Думы Родзянко, видного кадета В.А. Маклакова и

тогдашнего министра иностранных дел М.И.Терещенко. Корнилов ожидал, что все они встретятся с Керенским и Савинковым и обсудят с ними состав нового правительства.

Корнилов, совершенно очевидно, и не подозревал, что Львов мог вовсе не быть подлинным посредником, действительно посланным Керенским. Принимая все это за чистую монету, он основывался на том, что Савинков занимался, главным образом, военными вопросами и в прошлом имел ряд сложностей во взаимоотношениях с Керенским. Поэтому ему могло показаться естественным, что Керенский послал к нему профессионального политика, бывшего члена правительства для того, чтобы вести переговоры о типе будущей диктаторской власти. Даже предупреждение Лукомского о том, что, несмотря на безупречную и незапятнанную репутацию Львова, близкие к нему люди знают его и как бестолкового и суетливого человека, – не смогло поколебать убеждения Верховного Главнокомандующего в том, что он, наконец, установил полное взаимопонимание с Керенским.

Ожидая в ближайшие дни приезда в Ставку вызванных им политических деятелей, Корнилов по телеграфу сообщил Савинкову о том, что 3-й конный корпус будет сосредоточен 28 августа на подступах к Петрограду и что Временному правительству следовало бы в тот же день объявить военное положение в столице. Ни минуты Корнилов не усомнился в утверждении Савинкова о том, что законопроекты, выработанные генералом и одобренные Керенским 17 августа, будут приняты правительством и немедленно применены. Это неизбежно должно было привести к противоправительственному восстанию, возглавляемому большевиками и, возможно, Советом, которое было бы тогда усмирено 3-м конным корпусом.

26 августа Корнилов обсудил со своими советниками и друзьями состав будущего Совета народной обороны и пришел к заключению, что будет разумнее разделить власть с другими старшими военными начальниками, назначив Керенского им в помощники и не принимать власть единолично. Еще утром (как будет описано в следующей главе) он был вызван к аппарату Юза и имел короткий разговор с Керенским и также, как он думал, со Львовым. "Львов" подтвердил, что передал все его поручения министру-председателю. Керенский же заверил Корнилова, что выедет в Ставку вместе с Савинковым на следующий день (27-го). Тон их разговора был дружелюбным, даже теплым. Корнилов принял все меры, чтобы начать 28 августа переговоры с Керенским, и в Могилеве все радовались тому, что отношения между Верховным Главнокомандующим и министром-председателем налаживаются.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. "Керенский – мой смертельный враг!": А.Ф.Керенский. Дело Корнилова. Москва, 1918, стр.104.
2. Там же, стр. 100.
3. Там же, стр. 101.
4. A.F.Kerensky. Russia and History's Turning-Point. New York, 1965, pp.342 ff. Обратный первод с английского.
5. R.P.Browder and A.F.Kerensky. The Provisional Government. Stanford, 1961, pp.1558–1568.
6. "Архив Русской Революции", т. 1, стр.43–44.
7. Львов передал должность обер-прокурора Святейшего Синода А.В.Карташеву в конце июля, в соответствии с решением Керенского не принимать во второе коалиционное правительство политических деятелей, сидевших в Четвертой Думе правее кадетов.
8. "Последние Новости" от 4 дек. 1920 г.
9. Показания Корнилова Чрезвычайной следственной комиссии хранятся в Колумбийском университете, в архиве ген.Корнилова: они были туда переданы И.С.Шабловским. См. их публикацию в Приложении.
10. 4–9 декабря 1920 г.
11. "Последние Новости" от 7 дек. 1920 г. Приводим этот разговор дословно:
    [Корнилов] – "По сведениям контрразведки, доставленным мне, в Петрограде готовится большевистское восстание между 28 августа и 2 сентября. Это восстание имеет целью низвержение Временного Правительства, провозглашение власти Советов, заключение мира с Германией и выдачу ей большевиками балтийского флота. Ввиду столь грозной опасности, угрожающей России, я не вижу иного выхода как немедленная передача власти Временного Правительства в руки Верховного Главнокомандующего.
    Я перебил Корнилова.
    – Передача одной военной власти или также и гражданской? – спросил я.
    – И военной и гражданской, – пояснил Корнилов.
    – Вы мне позволите все это для памяти записать?
    – Пожалуйста, – сказал Корнилов, – и протянул мне карандаш и бумагу. [Когда на следующий день Львов явился к Керенскому у него также не оказалось с собой карандаша и бумаги. – Г. К.]
    – Быть может лучше просто совмещение должности Верховного Главнокомандующего с должностью Председателя Совета Министров, – вставил я.
    Корнилов смутился. – Пожалуй можно и по этой схеме, – сказал Корнилов.
    – Затем, – продолжал он, – предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в Ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану.
    Я был тронут этими словами Корнилова и сказал ему: "Вы – благородный человек".
    Корнилов продолжал:
    – Кто будет Верховным Главнокомандующим меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством".

12. Львов утверждает (там же), что Корнилов продолжил:

"– Я не верю больше Керенскому, он ничего не делает.

– А Савинкову вы верите?

– Нет и Савинкову я не верю. Я не знаю, кому он нож хочет всадить в спину, не то Керенскому, не то мне, – отвечал Корнилов.

– Если вы такого мнения о Савинкове, отчего же вы его вчера не арестовали, когда он был здесь?

Корнилов молчал.

– Впрочем, – продолжал Корнилов, – я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции".

Весь этот якобы состоявшийся диалог показывает, что ко времени его публикации мысли Львова были в полном расстройстве. Как можно поверить, что Корнилов, считая Львова посланцем Керенского и предприняв навстречу Керенскому ряд важных политических шагов, мог сообщить Львову, что он "больше не верит" министру-председателю. Эта фраза очевидно списана с ранее опубликованного диалога между Савинковым и Корниловым, состоявшегося 23 августа. Таким же образом слова Львова "Вы – благородный человек" очень напоминают знаменитую фразу, сказанную Керенским вел. кн. Михаилу Александровичу, когда последний отказался от престола, поскольку он не был ему предложен Учредительным собранием (см.: Катков. Февральская революция, гл. 15). Таким же образом очень недостоверным представляется рассказ Львова о его переговорах с Завойко и другими офицерами 25 августа, когда ему якобы сообщили, что на Керенского, во время его пребывания в Могилеве, готовится покушение (несмотря на заверения Корнилова об обеспечении ему полной безопасности!).

Глава 7

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ МЕЖДУ КЕРЕНСКИМ И КОРНИЛОВЫМ

Поездка Савинкова в Ставку (см. главу 5) может оцениваться как значительный дипломатический успех. Всего за два дня напряженных переговоров ему удалось рассеять подозрения Корнилова, успокоить его гнев и убедить его в том, что Керенский использует все оставшееся у него влияние в среде "революционной демократии", чтобы более умеренные ее представители согласились с мерами, предлагаемыми Верховным Главнокомандующим. От Корнилова Савинков получил обещание поддержать Керенского. Савинкову удалось также обеспечить некоторое законное обоснование планируемым Корниловым, в случае необходимости, военным действиям в Петрограде. За это Временному правительству была обещана широкая военная поддержка при обнародовании им предложенных Корниловым законов.

Одну инструкцию Керенского – Савинкову и проф. Н.Д.Миронову было поручено исключить из Союза офицеров лиц, подозреваемых в участии в антиправительственном заговоре, – Савинкову выполнить не удалось. Он сумел все же добиться от Корнилова обещания не допускать какой бы то ни было заговорщической деятельности и самолично пресекать ее, а также перевести Главный комитет Союза офицеров из Ставки в Москву. Вероятно, к концу его пребывания в Могилеве возникшему было между ним и Корниловым взаимопониманию все же угрожали некоторые разногласия. Официальной целью его поездки было участие в совещании, созванном для обсуждения новых уставов, которые согласовывали бы деятельность комитетов армейских частей и правительственных комиссаров. По этим уставам предполагалось участие рядовых

солдат в обсуждении деловых качеств отдельных офицеров перед их производством. Корнилов считал это недопустимым и Савинков обещал вычеркнуть этот оскорбительный пункт из проекта устава. Но ему не удалось сдержать обещания, статья эта была принята на совещании, и таким образом, должна была быть представлена правительству. По этому поводу Корнилов, Савинков и Филоненко обменялись резкими репликами, касающимися отношения ген. Деникина, тогда командующего Юго-Западным фронтом, к солдатским комитетам и к комиссарам.[1]

Корнилов думал, что все подобные вопросы решатся сами собой, как только Временное правительство примет предложенные им законы и распоряжения. Все, казалось, пройдет совершенно гладко. Обе стороны проявили столько доброй воли и патриотизма, что план, намеченный Савинковым и Корниловым, с благословения Керенского, казалось, не мог не удасться. Оставалось только одно – Керенский должен был представить законопроекты правительству, которое, несомненно, приняло бы их, даже если один-два его члена были бы против. Большевики и бóльшая часть Совета, конечно, возражали бы. Но даже если бы их несогласие привело к насильственным действиям, правительство было вполне готово к подобному повороту дела, и исход событий был бы решен в уличных боях.

Согласно этой схеме Савинков откровенно описал положение Керенскому и попросил его подписать законопроект. 26 и 27 числа Савинков несколько раз повторил эту просьбу, но Керенский, казалось, все колебался и не мог решиться на это. В конечном счете Савинков был выведен из терпения.

> Я не понимал этих колебаний Керенского, – пишет он в своей книге, – не понимал, почему он 26-го не решается принять на свою ответственность то, с чем он согласился 17-го, но я знал, что отвергнуть законопроект значит дать Ставке повод к восстанию и тем положить конец надежде возрождения боевой способности армии. Поэтому, после доклада, я попросил у Керенского разрешения поговорить с ним наедине. Я сказал, что отвергаемый им законопроект изготовлен по его приказанию, что нерешительность его преступна, что его слабоволие губит Россию и что, если бы передо мною был не он, Керенский, то я бы разговаривал с ним другим языком. Керенский, выслушав меня, взял законопроект, обещал его подписать и в тот же день, 26-го, вечером, представить на обсуждение во Временное Правительство. Я вышел из Зимнего Дворца с уверенностью, что

на этот раз достигнуто то, что казалось мне залогом спасения России. Но и на этот раз моя уверенность меня обманула.[2]

Владимир Львов выехал из Ставки 25 августа. Опубликованный в 1920 году рассказ его о беседах с разными людьми, находившимися в тот момент в Могилеве, совершенно лишен достоверности. Единственное его достоинство в том, что он подчеркивает навязчивую идею автора о готовящемся покушении на Керенского (см. также предыдущую главу). Львов утверждает, что в Могилеве все были готовы убить Керенского и что его самого попросили заманить министра-председателя в Ставку, для того чтобы повесить его на ближайшем фонарном столбе. Кровожадные офицеры, с которыми он встречался, замышляли также убить Терещенко, который уже был на пути в Могилев. Львов видел теперь свое предназначение в том, чтобы спасти жизнь Керенскому, подобно тому, как в феврале сам Керенский спас жизнь царским министрам. Он также собирался предупредить его о готовящемся в Петрограде большевистском перевороте, о котором ему говорил Корнилов. Но в первую очередь он считал своим долгом передать Керенскому предложение Корнилова о передаче ему как Верховному Главнокомандующему всей государственной власти.

Все эти утверждения Львова в 1920 году, когда он явно был полупомешан, совершенно несостоятельны. Он сам утверждает, что Корнилов согласился стать диктатором, только когда узнал, что Керенский готов подать в отставку, по крайней мере, уйти с должности министра-председателя. Но идея ультиматума, которая вероятно созрела в воображении Львова еще до его первого разговора с Керенским 22 августа 1917 г.[3] (мы знаем об этом из ярких воспоминаний Набокова), теперь приняла окончательную и зловещую форму: ультиматум приведет к устранению Керенского от участия в политической жизни, но, по крайней мере, спасет от нависшей над ним смертельной угрозы. Одержимость Львова этой идеей можно рассматривать как бредовую фантазию, прикрывающую подавляемое желание мести в его сильно невротическом сознании.

В хронологических указаниях Львова содержится любопытная несуразность. Согласно его версии событий, он приехал в Петроград 26 августа рано утром и сразу же позвонил Керенскому, который сказал, что примет его немедленно. Но сам Керенский утверждает другое. Он пишет, что Львов к нему пришел под вечер, немногим после шести часов и покинул его около семи. Что же происходило со Львовым до шести часов вечера? Нам не попадалось никаких свидетельств, но протоколы показаний

Керенского Следственной комиссии проливают на это некоторый свет. Председатель комиссии его спросил:

> – Не доходило ли до Вас сведений в тот день [26 августа], что Львов распространяет по городу какие-то тревожные слухи?
> Керенский ответил:
> – К сожалению, об этом я узнал после, когда он уже ушел от меня. Перед Львовым у меня сидел Верховный Комиссар Туркестана[4] с очень важным докладом, он вышел и сразу вошел Львов... Кто мне сказал? Да, кто-то там видел из моих, что Львов был в довольно возбужденном состоянии... Позвольте, тут еще кто-то перед приемом разговорился с ним и потом отмечал, что, кроме разговора на улице, он и здесь в Зимнем Дворце, очень остро позволил себе говорить... Я не помню, кто об этом рассказал.[5]

В своих статьях 1920 года Львов не вспоминает или сознательно не передает, в каком душевном состоянии он был в этот день. Тем не менее ясно, что поведение его было странным, бросалось в глаза и обращало на себя внимание людей, общавшихся с ним.

Но Керенского в то время не интересовало ни душевное, ни психическое состояние Львова. Сам он тогда совершенно запутался. Савинкову он обещал подписать в тот же день так называемый "корниловский" законопроект, но прекрасно сознавал, что следствием этого поступка будет разрыв с "революционной демократией", на поддержку которой он до сих пор мог рассчитывать. Закона он все не подписывал, а время текло, и правительство должно было собраться в тот же вечер. Утренний спор с Савинковым не мог не задеть его самолюбия, а самолюбие было яркой чертой его характера. Оно, вероятно, компенсировало отсутствие уверенности в себе, которое он периодически испытывал во время приступов уныния. Савинков, выведенный из себя, задел его очень уязвимое место. Керенский, вероятно, ломал себе голову, чтобы найти способ не подписать законов, которые он полагал нежелательными. Законопроект, вероятно, будет принят его коллегами и это заставит его изменить все направление своей политики, приведет к разрыву с народными массами. Его стремительная карьера, его огромная популярность поставлены на карту. Если новые законы будут приняты, позиция Верховного Главнокомандующего и Савинкова очень укрепится и все будут знать, что он уступил давлению самым недопустимым для

государственного деятеля его значения образом. Но что он мог сделать? Уволить Савинкова и отложить подписание законопроекта вопреки своему твердому обещанию? Уволить Корнилова как раз тогда, когда его популярность так возросла среди офицерства, кадетов и даже некоторых социалистов, – таких как Савинков, Аргунов, Плеханов? Поступить таким образом было бы неблагоразумно, это скомпрометировало бы его в глазах офицерского корпуса, казачества и всех людей, у которых сохранились патриотические чувства. Только пять часов оставалось до созванного им Совета министров. Как раз в этот момент ему доложили о приходе Львова.

Керенский начал разговор с вопроса:

> – Вы, значит, опять по этому делу о пополнении Вр. Правит. пришли разговаривать? Вы опять с Вашей материей? (...)
> Но он ответил:
> – Нет, теперь все по другому, обстановка совершенно изменилась.

Мог ли Керенский ожидать лучших вестей? Если обстановка изменилась, значит, больше нет необходимости подписывать нежелательные документы и обсуждать их с правительством. Едва ли Львов мог выбрать более благоприятное начало для разговора. После нескольких увещевательных замечаний, которые давали понять Керенскому, что при сложившейся политической обстановке он обречен, Львов вдруг, "видимо очень волнуясь, сказал: "Я должен Вам передать формальное предложение". – "От кого?" – "От Корнилова", – ответил Львов".[6] Затем он обрисовал план введения в Петрограде военного положения, передачи власти Временным правительством Верховному Главнокомандующему и роспуска правительства. Согласно Керенскому (он всегда придерживался именно этого освещения событий), Львов представил предложения Корнилова в форме ультиматума. Сам же Львов, в показаниях Следственной комиссии от 5 октября 1917г., после попытки увильнуть от ответа, в конечном счете стал это отрицать и заявил, что не передавал никакого ультиматума. Он сказал, что то, что было им до сих пор опубликовано, писалось под сильным давлением и по настоянию Керенского. Львов был подвергнут перекрестному допросу, а когда составил письменное заявление, Керенского оно не удовлетворило и он распорядился допросить Львова еще несколько раз. После этих разъяснений, Львов повторил Комиссии, что он ультиматума не передавал. А когда его спросили, почему же он уступил Керенскому, он дал

удивительное объяснение: "из деликатности"[7] (т.е. чтобы не обижать его). Конечно, со стороны Керенского было и глупо и жестоко заставлять полубезумного Львова говорить то, чего он говорить не хотел, но мы не можем исключать возможности, что в разговоре с Керенским Львов действительно употребил слово "ультиматум". Ведь он уже сделал это несколькими днями раньше, во время своих неудавшихся переговоров с Набоковым.

Слово "ультиматум" – точка опоры всего "дела Корнилова". Многое из того, что Львов говорил Керенскому, последнему не понравилось, но в его словах не было ничего, что могло бы быть воспринято иначе, чем настоятельные советы главе правительства от командующего вооруженными силами при критических обстоятельствах. Если в советах Корнилова или Львова действительно была бы заложена угроза, нечто, что могло быть воспринято, как "ультиматум", то это было бы, с их стороны, несомненно превышением власти, и у Керенского могло бы быть некоторое основание обвинять их в неподчинении. Вот почему Керенский оказывал давление на Львова в этом пункте и почему он торжественно заявил в тот же вечер своим коллегам-министрам, что Львов передал ему и правительству ультиматум от Верховного Главнокомандующего.

Керенский утверждает в "Деле Корнилова", что он был изумлен тем, что ему сказал Львов: "Когда он излагал все эти нелепости, мне казалось, что или он сумасшедший, или что-то случилось очень серьезное".[8] Трудно определить, какие чувства Керенский мог тогда действительно испытывать. В глубине души он вероятно чувствовал сильное облегчение: появилась возможность избавиться от необходимости подписывать и представлять правительству законопроект, который был ему столь неприятен. (До сих пор ему удавалось скрыть от своих коллег-министров развитие событий, но он не сомневался в том, что они охотно примут этот законопроект.)

Львов был прав, утверждая, что положение полностью изменилось. Но, заметив его болезненное состояние, Керенский испугался, что позже тот отречется от своих слов, и настаивал, чтобы он резюмировал в письменной форме то, что только что говорил. К тому же у Керенского, по его признанию, были определенные сомнения в достоверности слов Львова.[9]

> Я решил еще раз испытать и проверить Львова, а затем действовать. Действовать немедленно и решительно. Голова уже работала, ни минуты не было колебаний, как действовать. Я не столько сознавал, сколько чувствовал всю исключительную серьезность положения...[10]

Львов охотно согласился на просьбу Керенского изложить в письменном виде условия "ультиматума" Корнилова. Если бы Керенский сам был в тот роковой вечер в более нормальном душевном состоянии, он бы сообразил, что Львов был тогда способен написать, что угодно, лишь бы его об этом попросили. К тому же даже письменный отчет Львова о том, что ему говорил Корнилов, вряд ли может восприниматься как "ультиматум". Вот, что он написал:

> Ген. Корнилов предлагает:
> 1) Объявить Петроград на военном положении.
> 2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки верховного главнокомандующего.
> 3) Отставка всех министров, не исключая министра председателя и передача временного управления министерств товарищам министров впредь до образования кабинета верховным главнокомандующим.
>
> Петроград
> Август 26 1917 г. В. Львов.[11]

Таким образом, Львов представил дело так, будто все три условия, объявленные Керенскому, исходят от самого Корнилова.

Пока Львов писал, Керенский испытывал душевное состояние, подобное всеохватывающему проникновению в запредельное, предшествующее приступу падучей болезни или озарению, охватывающему души некоторых мистиков:

> Как только он стал писать, исчезли у меня последние сомнения! Было только одно желание, одно стремление, пресечь безумие в самом начале, не давая ему разгореться, предупреждая возможное выступление сочувствующих в самом Петрограде. Все предыдущее – деятельность разных союзов, хлопоты вокруг Московского Совещания, печать, донесения о заговорах, поведение отдельных политических деятелей, ультимативная кампания Ставки, посещения князя Г.Е.Львова Аладьиным, недавняя телеграмма Корнилова, поддерживающая железнодорожников в их невероятных требованиях, настаивание на передаче Ставке Петербургских войск – все, все осветилось сразу таким ярким светом, слилось в одну такую цельную картину. Двойная игра сделалась очевидной. Конечно, тогда я бы не мог все доказать по пунктам, но сознавал я все с поразительной ясностью.[12]

Керенский действительно не мог бы "доказать по пунктам" ви́дение политической ситуации, открывшееся ему в тот момент озарения. Ему потребовалось почти 50 лет и полдюжины книг, чтобы разъяснить и обосновать свои досадно неубедительные заключения, истинность своего внезапного откровения и целесообразность своего решения "действовать немедленно и решительно".

Львов, который тем временем заполнил свой листок бумаги, все еще мог думать, что предложения Корнилова будут Керенским приняты. Такой исход поставил бы его в затруднительное положение, так как раскрыл бы его роль мнимого посредника, самого себя назначившего. Он забеспокоился.

> — Это очень хорошо, — сказал он, согласно Керенскому, — теперь все кончится мирно. *Там* считали очень важным, чтобы власть от Вр. Прав. перешла легально. Ну, а Вы что же поедете в Ставку? — закончил он. (...)
> — Конечно, нет, неужели Вы думаете, что я могу быть Министром Юстиции у Корнилова?

Диалог Керенского со Львовым по своей сумбурности напоминает разговор во время безумного чаепития в "Алисе в стране чудес". Львов был уверен, что предложения, к которым он склонил Корнилова, убедив его, что они исходят от Керенского, будут для Керенского подходящими. Теперь же Керенский презрительно отклонял место в будущем правительстве Корнилова, полагая его ниже своего достоинства... Обоюдное безумие, начавшееся во время "озарения" Керенского, продолжалось. Решение Керенского отменить поездку в Ставку Львов встретил с явным одобрением и тайным облегчением. Он настойчиво утверждал, что в Могилеве Керенского ждет ловушка, и советовал ему бежать из Петрограда куда угодно, только не в Ставку. "Там Вас ненавидят",[13] — убеждал он Керенского. Затем Керенский на какое-то время, видимо, вернулся к реальности и обрел некоторый здравый смысл. Он спросил Львова: "А что будет, Владимир Николаевич (...), если Вы ошиблись или над Вами пошутили?". Чтобы разобраться в ситуации, он приказал военному министерству устроить ему через час разговор по аппарату Юза с Корниловым, для того, сказал он, чтобы проверить утверждения Львова. Тогда Львов ушел, обещав явиться в военное министерство к тому времени, когда будет установлена прямая связь с Корниловым.

Когда Керенский прибыл в министерство, Львова там еще не было. Участники событий утверждают, что он просто опоздал. Это довольно

вероятное объяснение, если учитывать душевное состояние Львова в тот момент. Он вполне мог устроиться где-нибудь в чайной и замечтаться о своей политической роли в развернувшихся событиях. Но на самом деле, он пошел тогда к Милюкову, который признал сам факт его визита, но так никогда и не раскрыл содержания их разговора.[14] Между Львовым и Милюковым не было особых дружеских отношений. Львов никогда не состоял в кадетской партии и даже не был настоящим интеллигентом, интересовавшимся научно-историческими и международными вопросами, как Милюков. В то время он был церковным человеком, каковым Милюков не был. Единственное, что было у них общего — то, что оба они вынуждены были покинуть Временное правительство и оба обвиняли в этом Керенского.

Как было сказано выше, разговор между Керенским и Корниловым должен был происходить по аппарату Юза, нечто вроде примитивного телекса. Особо обученные телеграфисты на каждой стороне провода последовательно передавали по азбуке Морзе то, что говорил каждый собеседник. Лента этого разговора сохранилась: это один из наиболее известных документов, относящихся к "делу Корнилова". Вот его содержание:

> *Керенский*: Министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.
>
> *Корнилов*: У аппарата генерал Корнилов.
>
> *Керенский*: Здравствуйте, генерал. У аппарата Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать, согласно сведениям, переданным Владимир Николаевичем.
>
> *Корнилов*: Здравствуйте, Александр Федорович. Здравствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мною Владимиру Николаевичу, с просьбою доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.
>
> *Керенский* [за Львова]: Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили меня известить Александра Федоровича только совершенно лично; без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

Корнилов: Да, подтверждаю, что просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

Керенский [за себя]: Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимир Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя, надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

Корнилов: Настойчиво прошу, чтобы Борис Викторович приехал с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

Керенский: Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

Корнилов: Во всяком случае.

Керенский: До свидания, скоро увидимся.

Корнилов: До свидания.[15]

Любопытно, что во время разговора ни Керенский, ни Корнилов не сделали ни малейшей попытки коснуться политического поручения Львова или тех причин, которые могли бы таковое обосновать. Керенский позже объяснял этот факт тем, что в разговоре использовался вид кода, благодаря которому каждая сторона ясно понимала то, что подразумевала другая — ниспровержение Временного правительства военной силой. Постепенно Керенский сам поверил в свое натянутое объяснение. Корнилов же, вероятно, полагал, что ему удалось достичь, в общих чертах, соглашения с Керенским благодаря посредничеству Савинкова и Львова. Он лег спать уверенный, что все подробности будут урегулированы с Керенским в Ставке 28 августа. Петроград будет занят 3-м конным корпусом: в столицу уже посланы офицеры, чтобы дожидаться прихода корпуса и руководить его операциями. Эти распоряжения были подтверждены телеграммой, отправленной из Ставки в военное министерство в ночь с 26 на 27 августа, в которой указывалось, что 3-й конный корпус будет сосредоточен на подступах к столице 28 августа и что военное положение будет провозглашено в тот же день.[16]

Выходя из военного министерства, Керенский встретил Львова на ступеньках и показал ему ленту своего разговора с Корниловым. Львов, должно быть, почувствовал себя несколько неловко, но не выразил

неудовольствия по поводу узурпации своей личности Керенским. По пути к Зимнему дворцу он заметил Керенскому, как он счастлив тем, что, вероятно, спас ему жизнь. В ответ Керенский провел его в свой кабинет и попросил его еще раз повторить все то, что он ему уже говорил. Львов исполнил его желание, вероятно украсив свой рассказ еще новыми подробностями. Как только он кончил, чиновник министерства внутренних дел полк. Балавинский появился из-за ширмы, где он подслушивал тайное сообщение Львова. Керенский тогда встал и объявил Львову, что он арестован. Его повели в соседнюю комнату и показали диван, на котором он мог провести ночь. В ногах поставили вооруженного часового. Здесь, согласно его свидетельству, он провел бессонную ночь и не столько из-за нервного возбуждения, испытанного им в этот день, сколько из-за того, что в предрассветные часы до него доносился громкий баритон Керенского, расхаживающего по кабинету и поющего арии из русских опер.

Благополучно арестовав Львова, Керенский предпринял ряд лихорадочных шагов, чтобы подавить то, что он теперь называл "корниловским мятежом". Ему следовало бы сперва обратиться к правительству, уже собравшемуся (с 10 часов вечера) в Малахитовом зале Зимнего дворца, чтобы обсудить и принять законопроекты Корнилова. Но министр-председатель, который должен был открыть заседание, не появлялся.[17] Он вызвал Савинкова из Малахитового зала в свой кабинет. Здесь Савинкова встретили, помимо самого Керенского, Балавинский ("подслушивающий полковник") и близкий друг Керенского В.В. Вырубов, который, видимо, присутствовал при разговоре его по прямой линии с Корниловым. Керенский молча протянул Савинкову текст "ультиматума", подписанного не "Корнилов", а "Львов". Известие о том, что Керенский вел политические переговоры со Львовым и что последний ездил к Корнилову, было полной неожиданностью для Савинкова:

> Прочитанный мной ультиматум мне показался мистификацией. Но Керенский сказал, что он проверил заявление Львова по прямому проводу у ген. Корнилова и в доказательство показал мне ленту своего разговора. В ленте этой не содержалось текста ультиматума, предъявленного Львовым. Керенский спрашивал кратко, подтверждает ли ген. Корнилов то, что говорит Львов, и ген. Корнилов ответил: "Да, подтверждаю". Ни тогда, ни после, ни теперь я не понимал и не понимаю, как мог Керенский в деле столь огромного государственного значения ограничиться таким неопределенным вопросом, и я не понимал

и не понимаю, как мог ген.Корнилов подтвердить то, содержание чего ему не было и не могло быть известно.

Я был убежден, что в основе происходящего лежит недоразумение. Ген.Корнилов, я в этом не сомневался, не принимал участия в заговоре. Три дня назад он уверял меня, что будет верно служить Временному Правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его решение (...)

Чувствуя, что происходящее недоразумение может вызвать события непоправимые, я посоветовал Керенскому сговориться с ген.Корниловым. Но Керенский возразил, что поздно сговариваться. Он сказал, что им уже послана телеграмма ген.Корнилову с отрешением его от должности и с приказом покинуть армию. Не могу не отметить, что телеграмма эта по содержанию была незаконной, ибо не министр-председатель, а только Временное Правительство имело право сместить верховного главнокомандующего, по форме же она была телеграммой частной, ибо была без номера, без второй, скрепляющей, подписи, за одною подписью "Керенский", без звания "министр-председатель" и была адресована не "главковерху, ставка", а "генералу Корнилову, Могилев".[18]

Далее Савинков отмечает, что, получив телеграмму, Корнилов не заметил этих несуразностей и, вместо того чтобы обратиться за разъяснениями в военное министерство (т.е. к самому Савинкову), прислал ответную телеграмму, в которой отказывался подчиниться приказанию Керенского.

Главное значение свидетельства Савинкова состоит, однако, в том, что из него видно, что Керенский уволил Корнилова *до* прихода на заседание правительства и, следовательно, до того, как его уполномочили поступить таким образом. Савинков, видимо, не вернулся в Малахитовый зал. Потрясенный разговором с Керенским, он провел ночь с 26 на 27 августа и первые утренние часы 27-го в разговорах по прямому проводу с Филоненко, а затем, после того как Корнилов получил в Ставке телеграмму от Керенского, и с Корниловым.

Пока Керенский разговаривал с Савинковым в своем кабинете, собранное в Малахитовом зале правительство терпеливо ожидало прихода своего председателя. Мы, к счастью, располагаем ранним рассказом очевидца развернувшихся тогда событий – министра-кадета Ф.Ф.Кокошкина – в виде его доклада о петроградских событиях Московскому городскому комитету кадетской партии от 31 августа.

Было уже около полуночи, когда Керенский явился наконец в Малахитовый зал. Согласно Кокошкину (одному из наиболее проницательных и правдивых свидетелей событий), когда Керенский вошел в зал, по его виду

> было заметно, что произошло что-то особенное, ясно было, что он очень взволнован. Заседание было объявлено закрытым, были удалены члены канцелярии. Керенский сообщил, что к нему незадолго перед тем явился бывший обер-прокурор Св. Синода, член Госуд. Думы Львов и передал от Корнилова ультимативное предложение, чтобы все члены правительства сложили свои полномочия и чтобы диктаторская власть была вручена ему, Корнилову, который должен составить правительство, в состав которого должны были, между прочим, войти министром юстиции Керенский, военным министром Савинков. Львов передавал, что личная его, Керенского, безопасность не обеспечена в Петрограде. Керенский сообщил, что на сообщение Львова он рассмеялся, не придавая значения ему, но Львов настаивал. Тогда Керенский, вместе со Львовым и еще кем-то третьим, так и оставшимся неизвестным мне, отправился на телеграф для переговоров по прямому проводу (...). Керенский нам доложил, что Корнилов подтвердил полномочия Львова. Однако, надо заметить, что в предъявленной нам ленте этого разговора в словах Керенского к Корнилову не было изложено, что именно говорил Керенскому В.Н.Львов. Нам было доложено, что Керенский немедленно после разговора по прямому проводу дал приказ об аресте Львова. Заканчивая свое сообщение, Керенский потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий и сокращения числа членов правительства.[19]

Из отчета Кокошкина видно, что Керенский еще раз уклонился от честного изложения фактов. Он не сказал правительству, что Львов отсутствовал во время его разговора с Корниловым по прямому проводу. Не сказал он также, что прежде чем арестовать Львова, он прибег к услугам спрятанного за ширмой свидетеля, когда Львов повторял свой рассказ. И, что еще более поразительно, – он не объявил министрам, что уже уволил Корнилова.

Керенскому первым ответил Кокошкин:

> Я первым взял слово и подробно охарактеризовал условия работы правительства, указал на имевшую уже место самостоя-

тельную политику части членов правительства от остального его состава, что лишало возможности всех членов его быть одинаково в курсе всех дел; что если часто у всех членов правительства цель была одинакова, то средства достижения были разны. Я возражал против предоставления Керенскому диктаторских прав и указывал что, если этот вопрос будет разрешен в положительном смысле, то я безусловно отказываюсь от участия в правительстве и прошу принять мою отставку. Тогда Некрасов задал мне вопрос, как надо понимать мое заявление и каково мое отношение к правительству? Я пояснил, что, уходя из прав-ства, я становлюсь рядовым гражданином, обязанным подчиняться законным распоряжениям правительства. Но Некрасов, как бы неудовлетворенный моим ответом, спросил, как я буду относиться к тем действиям правительства, которые оно будет вынуждено принимать и буду ли я их одобрять?..[20] На что я ответил, что рано говорить об одобрении, когда неизвестны еще самые действия, но что я, во всяком случае, не отказываюсь принимать участие в совещаниях, если в моем мнении будут нуждаться.

После Кокошкина, все члены правительства "сделали приблизительно аналогичные заявления о подаче в отставку". Большинство признавало все же необходимость предоставления Керенскому "диктаторских прав". Кадеты Юренев и Ольденбург "ничего не говорили о возможности вновь входить в состав прав-ства", а министр вероисповеданий Карташев, по особым соображениям, считал необходимым остаться в правительстве.[21] Голосования, по-видимому, проведено не было, но большинство министров согласилось на предоставление Керенскому диктаторских полномочий, которые он просил. Заседание правительства закрылось в 5 часов утра. На 11 часов было назначено следующее заседание "для оформления, как заявил Некрасов, всех принятых решений".

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

1. Ген. Деникин смирился с существованием солдатских комитетов и правительственных комиссаров, но не поддерживал с ними близких отношений и не обращался к ним за советами.
2. Б.В. Савинков. К делу Корнилова. Париж, 1918, стр. 23.
3. Это утверждает сам Львов в своих статьях в "Последних Новостях".
4. "Верховные комиссары" заменили при Временном правительстве бывших генерал-губернаторов.
5. А.Ф. Керенский. Дело Корнилова. Москва, 1918, стр. 121 – 122.
6. Там же, стр. 104 и 122.
7. Дополнительные показания Львова хранятся в Архиве Колумбийского университета среди документов, относящихся к "делу Корнилова".
8. Керенский. Дело Корнилова, стр. 104.
9. Воспоминания самого Керенского достаточно путанны. В "Деле Корнилова", он указывает, что Львов к нему пришел в 6 часов вечера 26 августа. Когда же его опрашивал чиновник по фамилии Шульц (27 августа), он сказал, что Львов к нему пришел "в начале восьмого часа вечера" (Великая Октябрьская Социалистическая Революция: документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром Корниловского мятежа. Москва, 1959, стр. 441). Этот документ – один из наиболее ясных рассказов о событиях, когда-либо сделанных Керенским. (Но и в нем есть некоторая неясность, когда речь заходит о передаче в письменном виде так называемого "ультиматума" Корнилова). Указав, что он не мог "голословно" представить правительству требования Корнилова, Керенский прибавил: "В.Н. Львов выразил готовность переданные им мне пункты требования генерала Корнилова изложить письменно и записал их собственноручно на куске бумаги, который я и передаю вам к делу".
   Это заявление Керенский сделал в Петрограде местному следователю, еще до учреждения Чрезвычайной следственной комиссии под руководством И.С. Шабловского.
10. Керенский. Дело Корнилова, стр. 106.
11. Там же. См. также: Великая Октябрьская.., Революционное движение в России в августе 1917 г., стр. 442. Следует отметить, что Львов передал условия Корнилова как предложение, а не как требование: в тексте Корнилов не "требует", а "предлагает".
12. Керенский. Дело Корнилова, стр. 106 – 107.
13. Там же, стр. 107.
14. См.: П.Н. Милюков. История второй русской революции. Т. 1, ч. 2, София, 1921, стр. 205.
15. Керенский. Дело Корнилова, стр. 108 – 109.
16. Великая Октябрьская.., Революционное движение в России в августе 1917 г., стр. 439.
17. См.: Доклад Кокошкина на заседании Московского городского комитета к.-д. партии 31 авг. 1917 г. Здесь и ниже используется копия доклада Кокошкина, хранящаяся среди документов П.Н. Милюкова в Архиве Колумбийского университета.

18. Савинков. К делу Корнилова, стр. 24–25.
19. Доклад Ф.Ф. Кокошкина (см. прим. 17), стр. 8.
20. Многоточие – в оригинале.
21. Доклад Ф.Ф. Кокошкина, стр. 8–10. П.П. Юренев был министром транспорта, С.Ф. Ольденбург – министром народного образования. А.В. Карташев, министр вероисповеданий, не хотел покидать правительства, так как это бы повредило его тогдашней работе по подготовке созыва Собора русской православной Церкви, главной из неотложных задач которого было восстановление в России патриаршества.

Глава 8

УВОЛЬНЕНИЕ КОРНИЛОВА

Утром 27 августа Корнилов получил от Керенского телеграмму с приказанием временно сдать должность ген. Лукомскому и выехать в Петроград, не дожидаясь приезда нового Верховного Главнокомандующего. Подавляя бешенство, вызванное гнусным обращением с ним Керенского, он пишет в своих показаниях Следственной комиссии:

> Зная, что в Петрограде накануне рассматривался, в заседании Временного Правительства, проект распространения закона смертной казни на внутренние округа России, что должно было сильно отразиться на боеспособности армии в благоприятную сторону и обуздать анархические выступления левых партий, я пришел к убеждению, что Правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы оздоровления армии, решило устранить меня, как главного инициатора указанных мер. Ввиду тягчайшего положения Страны [и] армии, я решил должности Верховного Главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительно обстановку.

Корнилов спросил Лукомского, согласен ли тот принять обязанности Верховного Главнокомандующего. Лукомский ответил, что при сложившихся обстоятельствах он не может заменить Корнилова, и показал ему проект телеграммы, которую он собирался послать Временному правительству, чтобы оповестить его о своем решении. Корнилов

пишет, что 27-го числа он долго разговаривал с Савинковым по прямому проводу. Два года спустя Савинков дополнил его краткий рассказ:

> Ночь с 26-го на 27-е и половину дня 27-го я провел в беседах по прямому проводу с Филоненкой и ген. Корниловым. Керенский предлагал объявить о восстании ген. Корнилова немедленно и этого же мнения держался министр финансов Некрасов, но остальные члены Временного Правительства и некоторые общественные деятели, как П.Н. Милюков и В.А. Маклаков многократно настаивали перед Керенским на необходимости ликвидировать недоразумение и сговориться с ген. Корниловым. В частности мне удалось добиться обещания не опубликовывать ничего до окончания моих бесед по прямому проводу. В этих моих беседах я приказывал Филоненке немедленно покинуть ставку и приехать в Петроград, ген. Корнилова же убеждал во имя блага родины подчиниться Временному Правительству. Хотя ген. Корнилов ответил мне отказом, но из текста переговоров было видно и этого мнения держались все, кто ознакомился с этим текстом, — что с ген. Корниловым есть возможность сговориться и этим ликвидировать инцидент. Поэтому я вернулся с прямого провода в Зимний Дворец днем 27-го с воскресшей надеждой на благополучное разрешение конфликта. Но надежда эта не оправдалась. Некрасов встретил меня словами, что он уже приказал опубликовать о выступлении, держась официального текста, об "измене" ген. Корнилова. Он сказал мне кроме того: "Покаместь вы разговариваете по проводу, ингуши подходят к Петрограду".
> Совершилось непоправимое. Инцидент не был ликвидирован в Зимнем Дворце, недоразумение разрослось до размеров вооруженного выступления и вся Россия была оповещена о том, что ген. Корнилов "мятежник". В ночь на 28 ген. Алексеев, Терещенко и я уже безнадежно обсуждали вопрос, как потушить разгорающийся пожар, а утром я спросил Керенского, понимает ли он, что армия после удара, нанесенного ей, погибнет. Керенский мне ответил, что армия не погибнет, и что, напротив, воодушевленная победой над контрреволюцией, она ринется на германцев и победит.[1]

Разговор по прямому проводу с Савинковым и с правым кадетом Маклаковым убедил Корнилова в том, что Львов не только обманул Керенского, составив так называемый "ультиматум", но и не имел

никаких полномочий, когда приезжал в Ставку, якобы по поручению Керенского. Осознав эти обстоятельства, Корнилов выразил готовность обсудить все возникшие проблемы как с Маклаковым, так и с Савинковым и с Керенским. Главным препятствием к таким разговорам был посланный ему приказ сдать должность. Он не мог с честью его выполнить, так как уже приказал ген. Крымову двинуть 3-й конный корпус на Петроград и занять столицу, как было предварительно договорено между ним и Савинковым. Уже будучи отрешенным от должности, он передал Крымову, что ему следует во что бы то ни стало действовать в соответствии с полученными ранее инструкциями. С этого времени полностью оборвалась связь между Корниловым и Конным корпусом.

Вечером 27 августа правительственный комиссар в Ставке Филоненко пришел к Корнилову и попросил, чтобы его освободили от должности, так как ему только что было приказано вернуться в Петроград. Корнилов отказался его отпустить. Тогда Филоненко попросил, чтобы его арестовали: это даст ему формальное основание для отказа подчиниться приказу Савинкова. Корнилов отказал ему и в этом, однако на следующий день передумал: Филоненко разрешили уехать и даже предоставили ему особый поезд.[2]

Дальнейших разговоров по прямому проводу не велось до 28-го августа. Корнилов тогда узнал, что в газетах появилось официальное сообщение, обвиняющее его в заговоре, мятеже и измене, где в качестве доказательств этих обвинений приводились показания Львова и приближение войск к Петрограду. В Ставке атмосфера была крайне напряженная. Дежурный офицер арестовал помощника Филоненко – Фонвизина, но эта мера была немедленно отменена Корниловым, который лично извинился перед пострадавшим.

Главнокомандующим фронтами было сообщено из Ставки, что, несмотря на увольнение, Корнилов продолжает исполнять свои обязанности. Генерал Клембовский, командующий Северным фронтом, которому после отказа Лукомского было предложено временно заменить Корнилова, также ответил отказом. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Деникин послал телеграмму Временному правительству, в которой выражал полную солидарность с Корниловым и называл его увольнение непоправимым ударом по армии. Вслед за этим комиссар Юго-Западного фронта приказал арестовать Деникина и главных его помощников. Их бросили в местную тюрьму, где они подвергались угрозам и оскорблениям "большевизанствующей" солдатни.[3]

С того времени как газеты объявили о "предательстве" Корнилова, исчезла всякая надежда рассеять возникшее недоразумение. Керенский

назначил Чрезвычайную следственную комиссию в составе государственного морского прокурора И.С.Шабловского и двух военных юристов — полк. Р.Р.Раупаха и полк. Н.П.Украинцева. Им было приказано выехать в Ставку, чтобы допросить Корнилова, который должен был быть арестован. Когда они приехали, Корнилов просто показал им текст своего соглашения с Савинковым об отправке на Петроград 3-го конного корпуса, а также ленту своего последнего разговора с Керенским по прямому проводу 26 августа. С этого момента вся симпатия членов Следственной комиссии перешла на сторону бывшего Верховного Главнокомандующего. Их последующие попытки побудить Керенского дать осмысленные показания о событиях окончились фактической ссорой с ним.[4]

В это же время миллионы солдат и офицеров, все еще являвшиеся вооруженными силами России, оставались без законного главнокомандующего, а различные штабы не знали, кому подчиняться, даже в текущих делах.

Корнилов ответил на обвинения, выдвинутые против него, почти тотчас после их публикации, хотя его заявление было передано по радио из Ставки лишь 28 августа, в 5 часов 30 утра:

> Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной Думы В.Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне, как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Государственной Думы Алексей Аладьин.
>
> Таким образом свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.
>
> Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины.
>
> Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережьи, убивает армию и потрясает страну внутри.
>
> Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога — в храмы, молите Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли.

> Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России и клянусь довести народ – путем победы над врагом до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.
> Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени и сделать русский народ рабами немцев – я не в силах.
> И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли.
> Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины![5]

Это гневное и бескомпромиссное воззвание выдает стиль Завойко – не слишком удачный.

Удивительно, как мало знал Корнилов о том, что происходило в Петрограде в этот судьбоносный день 28 августа. Он явно предполагал, что Временное правительство еще как-то функционирует. В действительности же, большинство его членов даже не знало, считаются ли они еще министрами или нет. Когда рано утром 27 августа, перед закрытием заседания, длившегося всю ночь, они заявили Керенскому о своей отставке, он просто вышел, не потрудившись сообщить, принял ли он ее. Напомним, что следующее заседание было назначено в тот же день, на 11 часов утра. В назначенное время министры собрались в Зимнем дворце, где узнали только, что заседание отложено до 3-х часов дня. Ничего не происходило. Министры (социалисты, и несоциалисты) проводили время в дружелюбных разговорах, отпускали шуточки о том, каким образом будет осуществляться будущая диктаторская власть. Время от времени до министров доходили слухи о деятельности триумвирата – Терещенко, Некрасова и Керенского: так, они узнали, что двигающиеся на Петроград войска были посланы с согласия самого Керенского, что он вызвал ген. Алексеева с целью, как говорили, предложить ему должность Верховного Главнокомандующего. Министр продовольствия убеждал своих коллег не терять времени зря и обсудить в порядке частного совещания какой-то закон о продовольствии. "Так провели мы весь день 27-го и разошлись поздно вечером без ясного представления о происходящем", – докладывал Кокошкин.[6]

На следующее утро (28-го) Кокошкин был приглашен на частное совещание:

> Приехав в Зимний дворец, я застал Керенского очень потрясенным, положение, по его словам, почти безнадежно, войска, руководимые Корниловым, быстро приближаются, миновав все

преграды. Впечатление было такое, что к вечеру Петроград будет ими занят... Гражданская война казалась неизбежной. Надо сказать, что в это время в к.-д.-ских кругах созрел некоторый план. Руководители партии главной задачей ее считали предупреждение междоусобной войны. Когда началось совещание, я предложил посредничество ген. Алексеева, чтобы уладить конфликт. Один из министров-социалистов, фамилию которого я в свое время могу огласить, предлагал составить директорию из нескольких лиц при участии ген. Алексеева. Я же стоял за то, чтобы Керенский, покинув правительство, передал власть Алексееву, что поддерживал также один из социалистов. Когда все высказались, то было ясно, что большинство стояло за Алексеева, но обсуждение наше кончилось ничем. Керенский, подчеркнув, что это частное совещание, как-то прервал его без всякого заключения.

Явная поддержка Алексеева министрами все же произвела на Керенского некоторое впечатление и он решил поговорить с генералом. Алексеев, вероятно, не доверяющий своему собственному суждению в политических делах, отказался с ним вести переговоры, если не будет Милюкова. Милюков заявил о своей готовности поехать в Ставку, если его присутствие там поможет избежать братоубийственного столкновения. Но Керенский отклонил его предложение. С этого момента второе коалиционное правительство больше не собиралось и его существование фактически прекратилось.

К этому времени, как мы увидим ниже, военное положение радикально изменилось, и не в пользу Корнилова. Движение войск на столицу остановилось. Ген. Крымов, не получая больше никаких указаний от Корнилова, оказался совершенно отрезанным от Ставки. События, разыгравшиеся в последующие дни в Зимнем дворце, могут быть восстановлены на основе рассказа о них Н.М.Кишкина.[7] Кадет Кишкин был 27 августа вызван в Петроград к Керенскому, который хотел ему предложить министерство внутренних дел в "директории" из шести министров, которую он собирался возглавить. Керенский встретился с ним 28 августа, и, как до него Кокошкин, Кишкин откровенно заявил, что Керенскому следовало бы уйти из правительства и передать власть Алексееву. "Народ не пойдет за Алексеевым", — возразил ему Керенский. Тогда Кишкин предложил образование директории, в состав которой вошел бы и Алексеев, но Керенский снова заколебался и предложил вместо Алексеева ген. Верховского, который тогда командовал Московским военным

округом.[8] Таким образом, первая встреча между Керенским и Кишкиным ни к чему не привела.

Поздно ночью 28 августа (явно после того, как большинство членов правительства уже разошлись) Керенский снова вызвал Кишкина в Зимний дворец. Когда тот приехал, Керенского во дворце не было и он застал лишь Некрасова и министра внутренних дел Авксентьева: они находились "в полной прострации". Когда Керенский, наконец, вернулся, он казался куда более уверенным в себе, из-за полученных им, как он сообщил, хороших известий. Разговор опять зашел о ген. Алексееве, и вскоре появились А.Ф. Гоц и Церетели – оба видные члены и, вероятно, посланцы ЦИК'а Петроградского Совета.[9] Керенский попросил их выйти в соседнюю комнату и, оставшись наедине с Некрасовым и Кишкиным (Авксентьев только что вышел), он обратился к Кишкину с просьбой высказать свое "окончательное мнение". Кишкин опять сказал, что полномочия министра-председателя было бы желательно передать Алексееву. Керенский возразил:

> – А если Алексеев не согласится?
> – Тогда назначить его Верхов[ным] главнокоманд[ующим] и ввести в состав Временного прав[итель]ства.
> – Нет, власть отдать я не могу.
> Затем, обращаясь к Н.В. Некрасову, как бы в изнеможении лежавшему на кушетке, Керенский спросил:
> – Каково ваше мнение по этому вопросу, Николай Виссарионович?
> – Я нахожу, что без того или иного участия ген. Алексеева в составе правительства, нельзя разрешить кризиса.
> Таков был ответ Н.В.Некрасова. Тогда Керенский, разведя руками, заявил, что: "Оставшись один, я ухожу к н и м" – жест по направлению той комнаты, где его ожидали Церетелли [так!] и Гоц. И он ушел.
> Только что М.Н. Кишкин вышел из кабинета, ему было подано письмо от П.Н. Милюкова с известием, что ген. Алексеев согласился стать во главе правительства. Н.М. Кишкин немедленно вернулся и передал это сообщение Некрасову, прося доложить об этом Керенскому.

На следующий день Кишкин не общался напрямую с Керенским, но говорил с Некрасовым, а также с его другом и братом по масонству – Н.Н. Волковым. Когда, 30 августа, он опять приехал к Керенскому, вопрос

о введении Алексеева в правительство больше не поднимался, но Керенский заявил Кишкину: "Некрасова я не беру в кабинет", указав тем самым, что у них, вероятно, произошла какая-то ссора. Некрасов был назначен финляндским генерал-губернатором, и правление "триумвирата" на этом закончилось. Новое правительство, однако, удалось создать не сразу.

Тем временем Керенский предпринял решительные шаги, чтобы найти выход из создавшегося политического положения. Посетив 29 августа ген. Алексеева, он не предложил ему должности министра-председателя, но попросил принять пост Верховного Главнокомандующего без участия в правительстве. Алексеев отказался от этого предложения, но согласился стать начальником штаба при условии, что сам Керенский станет Верховным Главнокомандующим. Причины, побудившие его сделать такое предложение, остаются загадочными. Основываясь на отрывках его воспоминаний, опубликованных в Праге (см. примечания к главе 1), мы знаем, что Алексеев был весьма невысокого мнения о характере, уме и способностях Керенского. Но гражданская война привела бы к поражению России в борьбе против Германии: эти соображения, вероятно, были для него основными. Сознавая свой большой престиж и влияние на офицеров Ставки, он имел все основания предполагать, что и Корнилов согласится признать его власть. Накануне он нашел Керенского подавленным и угнетенным и добился от него обещания, что предложения Корнилова, которые Керенский всегда стремился отложить в долгий ящик, будут приняты. Алексеев чувствовал, что в качестве начальника штаба он будет в состоянии защитить тех офицеров Ставки, которые поддержали Корнилова и могли бы из-за этого подвергнуться преследованиям со стороны Керенского и его левых сторонников.

Советником у Алексеева был П.Н. Милюков, отношение которого к революции мало изменилось со времени его отставки: относясь лично к Керенскому весьма критически, он, тем не менее, продолжал считать правительство, созданное в марте и перекроенное в конце июня 1917 года, законным. Хотя он, конечно, осуждал слабость, нерешительность и оппортунизм, которые правительство продемонстрировало в течение августа, он, тем не менее, порицал и открытое неповиновение Корнилова.[10]

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

1. Б.В. Савинков. К делу Корнилова. Париж, 1918, стр. 26–27.
2. По дороге к Петрограду Филоненко обратился к войскам 3-го конного корпуса (которые тогда следовали к столице), обвиняя Корнилова в неподчинении и призывая их не слушаться приказаний корниловских офицеров. Приехав в Петроград 28 августа, Филоненко был встречен Савинковым, который был к тому времени назначен петроградским генерал-губернатором. В присутствии полк. Я. Багратуни он сказал Савинкову, что всегда отстаивал схему, по которой Корнилов и Керенский должны были быть двумя столпами диктатуры. Это суждение было передано Керенскому, который принял Филоненко вместе с Савинковым. Филоненко признал, что он обсуждал с Корниловым проект установления диктаторской власти, во главе которой должны были стоять Корнилов, Керенский, Савинков и он сам – Филоненко. Керенский, был, по-видимому, поражен этими сведениями. Он спросил Савинкова и Филоненко, кто им дал власть вести подобные переговоры с Верховным Главнокомандующим. Они оба заявили, что Временное правительство готово было создать Совет народной обороны, на что Керенский воскликнул: "Никогда! Никогда!" – и сообщил Филоненко, что тот может считать свою политическую карьеру оконченной. Савинков, выразивший свою солидарность с Филоненко, был уволен с должности петроградского генерал-губернатора и через сутки заменен малоизвестным ген. Тепловым, помощниками его были назначены инженер П.И. Пальчинский и личный друг Керенского кап. А.И. Кузьмин. На самом же деле, с этого времени подготовка к защите столицы и "завоеваний революции" уже прочно находилась в руках Военного комитета Петроградского Совета, который призвал кронштадтских моряков включиться в уже надвигавшиеся военные операции.
3. Комиссаром, приказавшим арестовать Деникина, был Н.И. Иорданский, левый журналист, до революции публиковавший в бюллетене объединенного комитета Союза земств и городов резко антиправительственные статьи. При Временном правительстве он стал комиссаром Юго-Восточного фронта. Позже – вступил в коммунистическую партию.
4. См. на эту тему статьи Украинцева в русских эмигрантских изданиях "Новое Русское Слово" (Нью-Йорк) и "Возрождение" (Париж).
5. А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Том первый, выпуск второй: Крушение власти и армии. Февраль-Сентябрь 1917. Париж, 1922, стр. 216.
6. Доклад Ф.Ф. Кокошкина: см. прим. 17 к главе 7.
7. Доклад Кишкина, видимо неопубликованный, следует за докладом Кокошкина Московскому городскому комитету к.-д. партии 31 авг. 1917 г. Он начинается на стр. 14 этого документа, хранящегося среди бумаг Милюкова в архиве Колумбийского университета.
8. О карьере ген. Верховского см.: Библиографическое приложение.
9. Гоц возглавлял правое крыло эсеров в Петроградском Совете, Церетели – правое крыло меньшевиков.
10. См. ниже письмо В.А. Маклакова Милюкову.

Глава 9

РОЛЬ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА

К тому времени, когда Алексеев согласился стать начальником штаба при Верховном Главнокомандующем Керенском, радикально изменились положение и настроение войск, посланных Корниловым к Петрограду и остановившихся на подступах к городу. Войскам было сказано, что их посылают для того, чтобы обеспечить правительство военной поддержкой в случае ожидаемого большевистского восстания. Но 28 августа они узнали, что их Верховный Главнокомандующий – мятежник и заговорщик и что войска собираются использовать для свержения того самого правительства, которое они должны были защищать. Смятение было полным. К тому же, толпы агитаторов и пропагандистов убеждали солдат, что 29 августа в столице никакого восстания не предвидится. В конечном итоге, правительственный комиссар при Ставке Филоненко, который в этот день вернулся в Петроград, обратился с воззванием к войскам корпуса ген. Крымова, где обличал ген. Корнилова и утверждал, что они были обмануты своими офицерами. Действие всей этой пропаганды усугублялось публикацией все более яростных воззваний и обвинений, исходящих как от Керенского, так и от Корнилова.

Вследствие этой кампании войска Крымова стали ненадежными и неуправляемыми. Они послали своих представителей в Петроградский Совет, для того чтобы самим посмотреть, в каком состоянии дела, и наладить контакт с войсками петроградского гарнизона, которые были уже предупреждены Савинковым, Керенским и Советом о необходимости защищать столицу. Даже так называемая Дикая дивизия, которую Корнилов, не обращая внимания на настоятельную просьбу Савинкова, послал на Петроград с войсками Конного корпуса, грозила отбиться от

рук. Большую ее часть составляли кавказские мусульмане. В конце августа в Петрограде был созван съезд мусульманских народностей. Когда делегаты этого съезда узнали о возникшем конфликте между министром-председателем и Верховным Главнокомандующим, они решительно стали на сторону правительства. Выступление Корнилова было представлено как контрреволюционная попытка реставрации монархии, успех которой поставит под угрозу все перспективы развития национальной независимости, за которую боролись их деды и отцы. Поэтому они послали в Дикую дивизию своих представителей, чтобы уговорить войска остаться верными правительству (то есть Керенскому).

Генерал Крымов был сбит с толку. Он выступил на Петроград, убежденный в единодушии Корнилова и Керенского. Когда, 30 августа, к нему приехал его друг полк. Самарин, он сразу же согласился посетить столицу под защитой охранного документа, дабы на месте посмотреть, как можно еще спасти положение. Здесь, 31 августа, он встретился с ген. Алексеевым, который объяснил ему, по каким причинам он согласился служить в качестве начальника штаба под начальством Керенского. У него также состоялась драматичная встреча с Керенским, который позже опубликовал о ней несколько приукрашенный рассказ. Керенский сказал Крымову, что не арестует его, но просит оставаться в распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии, которую он только что назначил. Когда Крымов ему показал последние приказы, полученные им от Корнилова, он иронически заметил: "Вы, генерал, очень умны, я давно слышал, что вы умны".[1] При прощании Керенский отказался подать генералу руку. После разговора Крымов пошел на квартиру к другу, написал короткую записку для Корнилова и застрелился.

Ген. А.М. Крымов, очень храбрый офицер, – одна из наиболее загадочных фигур 1917 года. Он был высокий и плотный, хорошо образованный, но грубоватый, порывистый и склонный к депрессиям. Время, когда он руководил наступлением Конного корпуса на Петроград, совпало с кризисом в его личной жизни: расстроился его брак. После встречи с Керенским он, видимо, утратил и надежду на спасение России. Короткая записка, которую он написал перед смертью, была передана Корнилову, который ее прочел, но никому не раскрыл ее содержания. После смерти Крымова Терещенко счел возможным рассказать об его участии в заговоре против Николая II. Другой участник заговора – Гучков – это участие отрицал. Терещенко не настаивал на своих утверждениях, но, вероятно, был все-таки прав.[2]

Первой задачей ген. Алексеева в его новой должности было объяснить свое поведение Корнилову и заручиться его поддержкой. Связавшись с

Корниловым по прямому проводу, он разговаривал с ним доверительно и примирительно, совсем не как с бывшим своим подчиненным, обвиняемым в вооруженном мятеже. Он описал Корнилову ту административную неразбериху, которая воцарилась в частях русской армии на линии фронта, сказал, что Юго-Западный фронт совершенно лишился достойных начальников, что все офицеры его штаба в Бердичеве сидят под арестом. В Выборге недостаток офицеров привел к мятежу, во время которого был убит генерал. Войска Крымова остановились в своем продвижении на Петроград и стоят широким фронтом от Ямбурга до Луги и Вырицы.

Описав таким образом ситуацию, ген. Алексеев продолжил:

> В тяжкие минуты развала управления армиями нужны определенные и героические решения. Временное правительство принимает решение вручить верховное командование министру-председателю с тем, чтобы начальником штаба был назначен ген. Алексеев.[3] Подчиняясь сложившейся обстановке, повинуясь велениям любви к родине, после тяжкой внутренней борьбы, я готов подчиниться этому решению и взять на себя труд начальника штаба. Но такое решение мое требует, чтобы переход к новому управлению совершился преемственно и безболезненно. Преемственность нужна в мыслях по управлению войсками, чтобы не ломать уже сделанного, вести дело обороны по началам, вами принятым. Безболезненность нужна для того, чтобы в корне расшатанный организм армии не испытал еще лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми.

Алексеев уверял, что будет настаивать на проведении тех мер, которым положил начало сам Корнилов. Он предпочел бы приехать в Могилев "в качестве не занимающего официального положения в армии", но ему пришлось уступить желанию правительства быстро "положить предел неопределенному положению" на фронте и в тылу.[4]

В ответ Корнилов прочел Алексееву телеграмму, посланную ген. Лукомским министру-председателю, в которой описывалось хаотическое состояние управления армией, и попросил его приехать в Ставку. В телеграмме Лукомского также содержалась просьба об освобождении главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Деникина и членов его штаба и о прекращении рассылки приказов и телеграмм, порочащих Корнилова.

Алексеев обещал сейчас же предъявить правительству телеграмму Лукомского. Корнилов убеждал его как можно скорее приехать в Могилев и сообщил о своем согласии управлять армией до приезда нового начальника штаба, если правительство отменит "свои распоряжения, в силу которых прекратились намеченные [Корниловым] стратегические перевозки войск". Алексеев обещал передать также и это.

Правительство (то есть Керенский) действительно согласилось на условия, выдвинутые Корниловым, за исключением вопроса дальнейшего продвижения войск на Петроград. Создалась нелепая ситуация: правительство приказывало войскам подчиняться мятежному генералу.

Алексеев выехал в Могилев поздним утром 31 августа. Его злоключения только начинались. По пути он остановился в Витебске, чтобы навестить местный гарнизон, и воспользовался случаем, чтобы поговорить с Лукомским по прямому проводу. Разговор этот состоялся после полуночи, 1 сентября:[5]

> *Ген. Алексеев*: Здравствуйте Александр Сергеевич. Я говорю из Витебска в дополнение своих разговоров с главковерх от 14 и 20 час. 30 сент. Циркулирующие сплетни и слухи окутывают нежелательным туманом положение дел, а главное — вызывают некоторые распоряжения Петрограда, отдаваемые после моего отъезда оттуда и могущие иметь нежелательные последствия. Поэтому прошу ответить мне: 1) считаете ли, что я следую в Могилев с определенным служебным положением, или же только для переговоров. 2) Предполагается ли, что с приемом мною руководства армиями дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилев, вероятно, 2-го сент. или вечером 1-го сент. следственной комисси[ей] под председательством гл. морского прокурора Шабловского? (...) Прошу ответить мне на эти два вопроса, ибо от этого будет зависеть мое собственное решение, так как я не могу допустить себе быть простым свидетелем этих событий, которые подготовляются распоряжениями и которых безусловно нужно избежать. Потому-то я решил вас вызвать из Витебска с тем, чтобы не было каких-либо недоразумений, а главное — получить данные для сношений моих с Петроградом. Алексеев.
>
> *Ген. Лукомский*: Сегодня вечером ген. Корнилов говорил мне, что он смотрит на вас как на лицо, предназначенное на должность наштаверха и предполагал после разговоров с вами и показав вам ряд документов, которых вы, вероятно, не

> имеете, дать вам свое окончательное решение, считая, что, быть может, ознакомившись с делом, вы несколько измените тот взгляд, который, по-видимому, у вас сложился. Во всяком случае уверяю вас, что ген.Корнилов не предлагал устраивать из Могилева форт Шаброль[6] и в нем отсиживаться. Я убежден, что ради того, чтобы не прерывать оперативной деятельности и дабы в этом отношении не произошло каких-либо непоправимых несчастий, вам не будут чиниться никакие препятствия по оперативным распоряжениям. Вот все, что я знаю. Если этот ответ вас не удовлетворяет, я могу разбудить ген.Корнилова и дать вам дополнительный ответ. Нужно ли? Лукомский.

Алексеев ответил, что Корнилова разбудить необходимо, так как сказанного Лукомским "недостаточно". После перерыва, Лукомский вернулся к аппарату:

> *Ген. Лукомский*: Передаю вам ответ ген. Корнилова: ген. Корнилов сообщает, что он просит вас приехать, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с этим ген. Корнилов настаивает, чтобы вы приняли все меры к тому, чтобы никакого войска из других пунктов теперь в Могилев не вводилось и к нему не подводилось, ибо по настроению здешних войск произойдет кровопролитие, которое ген. Корнилов считает необходимым избежать. Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Ген. Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба о том, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена. Лукомский.
>
> *Ген. Алексеев*: Сделаю все. Если бы встретились затруднения, из Орши буду разговаривать по аппарату с министром-председателем и до той минуты, пока не добьюсь отмены сделанных распоряжений, не допущу движения эшелонов и не прибуду сам. Только добившись этой меры, буду продолжать путь до Могилева. Алексеев.

После этого Лукомский позвал к аппарату полк. Пронина, члена Главного комитета Союза офицеров. Он попросил Алексеева сказать ему, "как быть главному комитету и какой позиции держаться?" и прибавил:

Как вам известно, Союз офицеров до последней минуты шел по тому пути, на который вы его благословили, и главный комитет всегда поддерживал те требования, которые предъявлялись ген. Корниловым для устроения армии. Пронин.

Ген. Алексеев: В деле устроения армии все меры будут энергично поддерживаться и проводиться. Если в этом я потерплю неудачу, то сложу полномочия. Данная же минута требует особливого спокойствия и поддержания полного порядка, насколько это зависит и от деятельности главного комитета. Рассчитываю скоро прибыть в Могилев. Алексеев.

Полк. Пронин: Покорно благодарю. Смею добавить, что судьба главного комитета и всего Союза офицеров всецело находится в ваших руках. Полк. Новосильцев [председатель Союза офицеров] арестован и находится в Витебске. Пронин.

Ген. Алексеев: Поговорим в Могилеве. О полк. Новосильцеве я знаю. Алексеев.

Тут встает вопрос, на чем же, в действительности, основана вся эта суета по поводу движения правительственных войск на Могилев. Эта история настолько невероятна, что вряд ли кто решился бы утверждать ее истинность, если бы она не подкреплялась двумя совершенно независимыми источниками: книгой Г. Аронсона "Россия в эпоху революции" (см. прим. 5) и некоторыми телеграммами, сохранившимися в копиях у ген. Деникина.

Члены Витебского Совета знали о поездке Алексеева в Могилев и боялись, что он может прийти к компромиссу с Корниловым, вместо того чтобы отнестись к нему как к преступнику (каковым они его считали). Пока члены Совета ожидали на вокзале поезд Алексеева, чтобы задержать генерала, когда он приедет, ими была перехвачена телеграмма, отправленная Керенским в Оршу полк. Короткову с приказанием немедленно идти на Могилев и арестовать Корнилова с прочими заговорщиками. Когда поезд ген. Алексеева прибыл на вокзал, Григорий Аронсон, председатель Витебского Совета, и член Совета Е. В. Тарле (будущий известный советский историк) вошли в вагон к Алексееву и высказали сонному генералу свои опасения насчет его поездки в Могилев. Алексеев им ответил, что он совершенно согласен с Керенским по поводу необходимости найти мирный выход из возникшего конфликта. Поэтому вмешательство со стороны Совета не только не является необходимым, но может принести значительный урон делу. Тогда члены Совета показали Алексееву ленту телеграммы с приказанием Короткову идти на Могилев.

Алексеев был этим известием ошарашен. Он заметил, с тяжелым вздохом, что в Петрограде они с Керенским окончательно сговорились обо всем и что он согласился взять поручение в Ставке только при условии применения мирных путей выхода из ситуации. В состоянии большого возбуждения, генерал сделал попытку связаться с Керенским по прямому проводу, но линия была постоянно занята. Именно тогда он связался со Ставкой и имел длинный разговор с Лукомским, приведенный выше. По окончании разговора Алексеев выглядел даже более старым и усталым, чем раньше. Он предостерег членов Витебского Совета от каких-либо опрометчивых действий, напомнив им, что германский Генеральный штаб поддерживал подрывную деятельность в России с 1879 года... Встреча окончилась в резких тонах: Алексеев пренебрежительно отозвался о выборных солдатских комитетах и Советах, тогда как Аронсон с Тарле полагали, что это – единственные факторы, противостоящие развалу армии.

Продолжив свой путь на Могилев, Алексеев в Орше встретился с полк. Коротковым и внушил ему необходимость избежать кровопролития. Авангард отряда Короткова достиг уже тогда станции Лотва, в 20 верстах от Могилева.[7]

Как только Алексеев прибыл в Могилев, он был вызван по прямому проводу ген. Верховским, командующим Московским военным округом, который сообщил, что вскоре выезжает в Ставку "с крупным вооруженным отрядом, для того, чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место". Корнилов и ряд других офицеров Ставки должны быть немедленно арестованы, и он, Верховский, вызывая ген. Алексеева, надеялся от него услышать, что эти аресты уже проведены. В этот момент Алексеев был вызван к другому аппарату Керенским. Верховский отказался дожидаться его возвращения и просил "доложить ген. Алексееву, что он может произвести аресты, опираясь на все войска, находящиеся в Могилеве, кроме текинцев и офицеров-поляков".[8]

Последующий разговор между Керенским и Алексеевым представляет исключительный интерес для понимания всей возникшей тогда ситуации.[9] Он имел место 1 сентября, между 15 часами 30 и 17 часами 10:

> *Керенский*: Здравствуйте, генерал. Позвольте удостоверить вашу личность следующим вопросом: где вы впервые ознакомились с телеграммами из Ставки и фронтов, когда были у меня?

Ген. Алексеев: Ночью в вашем кабинете в Зимнем дворце в присутствии Вырубова и временно приходивших Терещенки и Некрасова.

Керенский: Теперь я вас слушаю.

Ген. Алексеев: В 15 час. 1 сент. прибыл в Могилев. Всю ночь с 1 до 9 час. провел в Витебске в переговорах с представителями местного совета раб. и солд. депутатов и по аппарату с ген. Корниловым через ген. Лукомского. Резюме продолжительного разговора по аппарату заключается в следующем: Корнилов ожидает моего приезда, как полномочного руководителя армиями. Но вместе с тем ген. Корнилов просит принять меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились и к нему не подводились, ибо по настроению здешних войск может произойти кровопролитие, которое повлечет за собою неисчислимые последствия. Корнилов считает необходимым этого избежать. Со своей стороны он принимает меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Необходимость длительных переговоров с Могилевым вытекала из следующего серьезного обстоятельства: при отъезде я принял на себя перед вами обязательство путем одних переговоров окончить дело, не сомневаясь нисколько, что задача эта должна быть достигнута во что бы то ни стало. Мне не было сделано даже намеков на то, что уже собираются войска для решительных действий против Могилева. Между тем уже в Витебске я получил безусловные сведения от организаций, что такой отряд собирается в Орше под начальством полк. Короткова, что Витебский и Смоленский комитеты сделали распоряжение о сборе войск и отправлении их в Оршу. В Орше имел разговор с полк. Коротковым и комиссаром Зап. фронта. Полк. Коротков предъявил мне вашу телеграмму, кажется за № 525, предписывающую начать решительные действия против Могилева... (прервано).

Керенский: Нами был получен за эти сутки целый ряд сообщений, устных и письменных, что Ставка имеет большой гарнизон из всех родов оружия, что она объявлена на осадном положении, что на 10 верст от окружности выставлено сторожевое охранение, произведены фортификационные работы с размещением пулеметов и орудий. Так как вместе с тем продолжали поступать телеграммы требовательного характера, на одной из станций был задержан бежавший

Завойко,[10] по прямому проводу в Москву генерал-квартирмейстер говорил тоном совершенно недопустимым, так как ген. Крымов перед самоубийством предъявил приказ, им изданный и не оставляющий сомнений в намерениях Ставки, так как попытки Каледина, связанного со Ставкой не прекращаются, я, принимая всю обстановку во внимание, не считал возможным подвергать вас и следственную комиссию возможному риску и предложил Короткову двигаться. Никаких других распоряжений каким бы то ни было другим частям от меня не исходило. Я предлагаю вам передать ген. Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдав себя в распоряжение властей, демобилизовать свои войсковые части немедленно, причем ответственность на эти части не упадет, если это будет сделано немедленно. С другой стороны предлагаю вам объявить о вступлении в должность и предложить всем вновь пришедшим в Могилев войсковым частям заявить о своей верности временному правительству и об их полном подчинении мне, верховному главнокомандующему, и вам, как начальнику штаба. Все это должно быть выполнено ген.Корниловым и нарушившими свой долг частями в 2-х часовой срок с момента окончания нашего с вами разговора. Дальше медлить нельзя, так как повсюду начинают образовываться добровольческие отряды для движения на Ставку. Дальнейшее промедление может и уже начинает отражаться в армии, так как дисциплина колеблется небывалым до сих пор примером Корнилова. Если через два часа не получу от вас ответа, я буду считать, что вы захвачены ген.Корниловым и лишены свободы действия. Повторяю, я жду добровольного подчинения восставших, что сможет облегчить многим из них участь. Прошу к аппарату помощника начальника штаба Вырубова. Керенский.

Ген. Алексеев: Прежде прошу вас выслушать мой доклад, ибо я по существу не успел еще ничего изложить. 1-ое) Безопасность и свобода действий моя и Следственной комиссии вполне обеспечены. В Могилеве никакой артиллерии нет, никаких фортификационных сооружений не возводилось, войска вполне спокойны и только при наступлении полковника Короткова столкновение неизбежно. Головные части полк. Короткова находятся на ст.Лотва в 20 верстах от Могилева. Я предложил полк. Короткову, до моего указания, далее войск не продвигать. В минуту приезда в штаб я был вызван к аппарату

ген. Верховским. Вот содержание, а главное — вот тон, которым генерал нашел возможным говорить со мною: "Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом для того, чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место. Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющевский-Плющик, Пронин, Сахаров должны быть немедленно арестованы и препровождены. Это является целью моей поездки, которую считаю совершенно необходимой. Вызвал вас к аппарату, надеясь услышать, что эти аресты уже произведены. Верховский". Продолжаю. Если я принял на себя обязательство окончить это дело совершенно спокойно, без кровопролития, то я исполню...

Керенский: Это и моя задача. Телеграмма Верховского вызывается тем нарождающимся возбуждением, якобы от слабости власти, которая будто бы не может третий день добиться подчинения. Поэтому-то я и предлагаю вам в кратчайший срок, чтобы избежать бесцельных дальнейших волнений и самочинных действий, отряд Короткова посла[ть] в ваше и Вырубова распоряжение. Москва же не может выступить без моего приказа. Очень рад, что сообщение об артиллерии не подтвердилось. Если вы уже вступили в должность, а ген. Корнилов и другие уже подчинились Вр. Правительству, то тогда и напряжение прекратится. Только об этом нужно армию и флот оповестить.

Ген. Алексеев: Войска Короткова могут быть подчинены только мне и никоим образом не могут быть подчинены или поступить в распоряжение В.В. Вырубова. Только я являюсь ответственным перед законом и родиной за ход событий в Могилеве, куда я прибыл менее 1 1/2 часа тому назад и пока еще не могу отойти от аппарата. Убедительно прошу раз и навсегда избавить меня от подобных вмешательств ген. Верховского и от его повелительного тона, ибо нести мои тяжелые обязанности при таких условиях будет трудно и мне придется беспокоить вас просьбою отчислить меня от должности.

Керенский: Вызывающий в отношении вас тон понимаю, как и вызывающий тон в отношении меня. Прошу выполнить вашу миссию в кратчайший срок. Могу ли считать, что вы уже приняли должность, об этом объявить и прочесть вам приказ, который я полагал бы издать от вашего и моего имени сегодня.

Ген. Алексеев: Сейчас отдам приказ о вступлении в должность и оповещу о том начальствующих лиц; теперь же приступлю к

выполнению ваших приказаний. Но, быть может, в течение двух часов не успею собрать всех начальников частей, расположенных в Могилеве. Если через 2 часа донесение мое не будет получено, то это не будет означать еще, что я встретил какие-либо затруднения в выполнении моей обязанности.

Через несколько минут после окончания разговора между Алексеевым и Керенским Керенского опять вызвали к прямому проводу.[11] На сей раз его вызывал из Могилева Вырубов:

Вырубов: Здравствуйте, Александр Федорович. Я не слышал вашего разговора с ген. Алексеевым, но могу свидетельствовать вам, что можно вполне рассчитывать, что все здесь будет спокойно. По дороге, встречавшие нас войсковые начальники и члены Советов, обещали всеми мерами поддерживать спокойствие. Не имеете ли дать мне указания?
Керенский: Необходимо сегодня же арестовать 5-6 человек, о чем широко известить ввиду быстро распространяющегося слуха о нашем бездействии и даже некоторой сознательной мягкости. Слух этот вызывает разложение в войсках и массе. Скоро приедет Чрезвычайная комиссия. Убедительно прошу вас, чтобы нужное существо не вкладывалось бы в неприемлемые для демоса формы.[12] Жду от ген. Алексеева скорейших известий.
Вырубов: Постараюсь все исполнить.

Четыре часа спустя полк. Барановский вызвал к прямому проводу Вырубова из Петрограда. Ответил ему ген. Алексеев:

Полк. Барановский: Здравствуйте, Василий Васильевич. А.Ф.Керенский поставил ген. Алексееву срок в два часа, каковой истек в 19 час. 10 мин.; до сих пор ответа нет. Верховный главнокомандующий (требует), чтобы ген. Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована свыше меры и все грозит разразиться колоссальным взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления Советов и большевизма ожидается не только здесь, в Петрограде, но и в Москве и других городах. В Омске арестован командующий войсками, власть перешла к Совету. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или

промедление и гибель всего дела спасения родины, или немедленные и решительные действия, арест указанных вам лиц[13] и тогда возможна еще борьба. А.Ф. Керенский считает, что государственный разум подскажет ген. Алексееву решение и он примет его немедленно: арестует Корнилова и его соучастников. Я жду у аппарата вполне определенного ответа и ответа единственно возможного, что лица, участвующие в восстании, будут арестованы. Сегодня, сейчас, необходимо дать это в газеты, чтобы завтра утром об аресте узнала вся организованная демократия. Для вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Советы бушуют и разрядить атмосферу можно только проявлением власти и арестом Корнилова и других. Повторяю, дальнейшее промедление невозможно. Нельзя дальше только разговаривать, надо решаться и действовать...

Ген. Алексеев: Говорит ген. Алексеев. Около 19 1/2 час. Главковерху отправлена мною телеграмма, что войска, находящиеся в Могилеве верны Врем. Правит. и подчиняются безусловно Главковерху. Около 22 час. генералы Корнилов, Лукомский, Романовский, полк. Плющевский-Плющик арестованы. Приняты меры путем моего личного разъяснения Совету солдатских депутатов установления полного спокойствия и порядка в Могилеве; послан приказ полк. Короткову не двигать войска его отряда далее ст. Лотва, так как надобности в этом никакой нет. Таким образом за семь часов времени пребывания моего в Могилеве были исполнены только дела и были исключены разговоры. Около 24 час. прибывает следственная комиссия, в руки которой будут переданы чины, уже арестованные, и будут арестованы по требованию этой комиссии другие лица, если в этом встретится надобность. С глубоким сожалением вижу, что мои опасения, что мы окончательно попали в настоящее время в цепкие лапы советов, является неоспоримым фактом. Алексеев.

Полк. Барановский: Слушаю. Все немедленно доложу Главковерху. Бог даст, из цепких лап советов, в которые пока не попали, мы уйдем. Полк. Барановский.

Мы не располагаем сведениями о том, каким образом Алексееву удалось убедить Корнилова и его сторонников согласиться на то, чтобы

их арестовали, но это явно обошлось без резких выражений. Когда члены Чрезвычайной следственной комиссии (так ее назвал Керенский) приехали в Могилев, они нашли Корнилова спокойным и готовым к сотрудничеству. Он показал им находящиеся у него документы, включая ленты с текстом его переговоров с Савинковым, Керенским и другими. Как мы видели, члены комиссии тогда впервые узнали, что якобы мятежные войска, которые наступали на Петроград, были вызваны в столицу по приказу Временного правительства. Тогда же они узнали о фиглярствах В.Н. Львова (которого Корнилов, к своему несчастью, принял всерьез и который был использован Керенским, чтобы создать легенду о "корниловском мятеже").

Комиссия быстро составила свое мнение по поводу обвинений в мятеже. Ей в этом помогли показания Корнилова, выдержки из которых нами уже неоднократно приводились: они являются, вероятно, наиболее достоверным свидетельством о всей этой истории. Комиссия оставила под арестом задержанных генералов и некоторых других офицеров, в том числе Пронина и Аладьина. Они сперва были переведены из-под домашнего ареста в могилевскую гостиницу "Метрополь", а позже в заброшенный католический монастырь в городе Быхове, где оставались до начала октябрьских событий. Условия их заключения были сносными. Сперва в "Метрополе", а потом и в Быхове, текинцы, полностью преданные своему "великому бояру", составляли внутреннюю охрану, которая при надобности могла защитить заключенных от любой попытки бродячей банды солдат или дезертиров расправиться с ними. За пределами тюрьмы охрану нес полк, составленный из георгиевских кавалеров.[14] Большинство из них остались верными Временному правительству, хотя многие разделяли взгляды так называемой "революционной демократии".

Следственная комиссия чувствовала себя ответственной за жизнь и безопасность заключенных. Завершив дела в Ставке, она переключила свое внимание на штаб Юго-Западного фронта в Бердичеве. Главнокомандующий фронтом ген. Деникин высказал Временному правительству свою полную поддержку Корнилова, хотя он не предпринял никаких практических шагов для помощи ему в попытке наступления на Петроград, в чем его однако обвиняли. Несмотря на это, Бердичевский Совет обвинил его в мятеже против Временного правительства и попытке вернуть на престол Николая II. Правительственный комиссар Юго-Западного фронта Н.И. Иорданский, оказавшийся в это время в Житомире, отказывался вернуться в Бердичев, опасаясь быть захваченным войсками Деникина. Деникин же и несколько других офицеров, включая

друга главнокомандующего ген. Маркова, были арестованы и заключены в военную тюрьму на Лысой горе.

Условия заключения были очень тяжелыми, здание окружала толпа, испускавшая возмущенные крики: Деникин оставил нам красочное описание этого эпизода.[15] Иорданский собирался организовать процесс задержанных начальников в местном народном суде. Исход такого процесса в атмосфере демагогии и жажды крови, царящей в то время, был предрешен, и жизнь заключенных явно находилась под угрозой. Когда члены Следственной комиссии приехали в Бердичев, они сразу осознали серьезность положения. Шабловский твердо встал на позицию защиты законности и утверждал, что обвинения, предъявленные Деникину и его подчиненным, связаны с действиями ген. Корнилова и поэтому не могут рассматриваться судом, пока не будет закончено следствие по делу главного обвиняемого.

Хотя Шабловский понимал позицию Деникина и даже относился к ней с некоторым сочувствием, он был поражен страстностью показаний генерала и его яростными нападками на политику правительства. Он объяснил Деникину, что главная цель комиссии в Бердичеве – вырвать заключенных из рук местного Совета и солдатских комитетов и перевести их в Быховскую тюрьму, в условия относительной безопасности. Иорданский продолжал настаивать на том, чтобы арестованные военачальники были преданы суду на месте, и Керенский, поддерживающий его точку зрения, был также против перевода заключенных, но ему пришлось уступить законным требованиям Шабловского: любой открытый разрыв со Следственной комиссией грозил раскрыть роль Керенского, как одного из главных инициаторов "дела Корнилова". В конечном счете, было решено вывезти заключенных из Бердичева 26 сентября. Приказ об их переводе был подписан самим Керенским.

Ген. Духонин, который тогда уже заменил вконец разочарованного Алексеева на должности начальника штаба в Ставке Верховного, предложил выслать надежную охрану. Но Керенский решил, что охрана должна быть обеспечена Бердичевским Советом и комиссаром Иорданским. Он прислал комиссару телеграмму: "Уверен в благоразумии гарнизона, который может из среды своей выбрать двух представителей для сопровождения".[16] Самой опасной частью путешествия было провести пленных из военной тюрьмы на вокзал по улицам Бердичева. Толпа потребовала, чтобы до вокзала заключенные шли пешком, и не позволила, чтобы их повели кратчайшим путем. Таким образом, их провели по главным улицам города ("верст пять", пишет Деникин), среди взбесившейся солдатни, под ее проклятия и плевки.

Бросали в арестованных и камни: некоторым из них, включая Деникина, были нанесены ушибы. Деникин пишет (и на его свидетельство целиком можно полагаться), что толпа, вероятно, с ними бы расправилась, если бы их не спас начальник Житомирской школы прапорщиков, выславший юнкеров для их сопровождения. После длинного путешествия Деникин и его спутники были привезены в Быховский монастырь. А Керенский позже благодарил Бердичевский Совет и гарнизон за самообладание, проявленное во время этой операции...

Мы упомянули выше об уходе Алексеева и замене его малоизвестным ген. Духониным. Это произошло 9 сентября: Алексеев пробыл начальником штаба у Керенского лишь одну неделю. В Вестнике Временного правительства было по этому поводу опубликовано напыщенное официальное сообщение:

> В грозный для армии час, когда, благодаря открытому отказу от повиновения бывшего верховного главнокомандующего, генерала Корнилова, армия русская подверглась великим испытаниям, генерал Алексеев самоотверженно принял на себя должность начальника штаба верховного главнокомандующего и своим мудрым вмешательством быстро и бескровно восстановил порядок и деловую работу в самом жизненном центре армии – в Ставке верховного главнокомандующего.
>
> Ныне, исполнив эту исключительную по своей важности задачу, генерал Алексеев обратился ко мне с просьбой об освобождении его от должности начальника штаба верховного главнокомандующего.
>
> Уступая желанию генерала Алексеева, я просил Временное Правительство об освобождении его от должности начальника штаба верховного главнокомандующего и о назначении его в распоряжение Временного Правительства, дабы его опыт в военных делах и его знания могли быть использованы и впредь на благо Родины.
>
> Верховный главнокомандующий А. Керенский.
>
> 9-го сентября 1917 года.[17]

Совсем иначе обосновал свой уход сам же Алексеев в интервью, опубликованном 13 сентября. Он указал три причины, первая из которых – выступление Корнилова. Оно произошло, по его мнению, не вследствие заговора, а из-за народного движения, возникшего в поддержку Корнилова, и его безоговорочного патриотизма:

Его дело, как народно-идейное, требует широкого политического освещения, а его хотят судить военно-революционным судом, который состоит из трех случайных офицеров и трех случайных солдат, людей без юридических знаний и без широкого общественного горизонта. (...) С этим моя совесть согласиться не может. Я не могу спокойно видеть это и ухожу.[18]

Вторая причина отставки Алексеева – развал армии. Германцы, по имеющимся у него сведениям, собирали войска для решительного удара, которому русская армия была не в состоянии оказать какое-либо сопротивление. Ее состояние было безнадежным. Корнилов предложил меры, которые могли бы спасти положение, но когда Алексеев попытался действовать в направлении, указанном Корниловым, он встретил сопротивление, фактически вынудившее его подать в отставку. Третьей причиной была невозможность помочь своим братьям-офицерам, которых он рассматривал как мучеников, молча умирающих под пулями неприятеля или под пыткой собственных солдат. Несмотря на эмоциональную окраску этих слов, Алексеев был явно искренен. Но остается непонятным, почему, зная эти факты заранее, он согласился на свое назначение в Ставку и оказался в столь двусмысленном положении.[19]

Благородные высказывания Алексеева не могли рассеять горьких чувств Корнилова к арестовавшему его генералу. Возникшая тогда между ними неприязнь с тех пор никогда не ослабевала, даже во время их совместной борьбы в рядах возглавляемой ими Добровольческой армии.

Работа комиссии Шабловского продолжалась два месяца. В ее состав вошли два члена Петроградского Совета М.И.Либер и В.Н.Крохмал, но они не добыли сведений, существенно отличающихся от тех, которые уже выявили их коллеги. Три первых члена Следственной комиссии позже эмигрировали в Западную Европу. Раупах уехал в Финляндию, а затем перебрался в Германию. Незадолго до Второй мировой войны он опубликовал на немецком языке свои воспоминания о революции и о своей деятельности в это время, с характерным подзаголовком: "Facies Hippocratica".[20] Он рассказывает, как в октябрьские дни способствовал бегству заключенных из Быховской тюрьмы и как, еще до этого, он передал в печать некоторые документы, доступные ему по должности. Они были опубликованы известным "революционным сыщиком" В.Л. Бурцевым в его газете "Общее Дело".[21] Эта публикация показалась Керенскому

столь неблагоприятной для его теории о контрреволюционном заговоре, что он закрыл газету Бурцева.

Другой член Следственной комиссии – Украинцев – жил также в Германии до Второй мировой войны, был "освобожден" советскими войсками и провел 10 лет в советском концлагере. По возвращении на Запад он опубликовал серию статей в нью-йоркском "Новом Русском Слове" и в парижском "Возрождении", описав взаимоотношения комиссии с Керенским, которого он характеризует, как придирчивого и ненадежного свидетеля. Председатель же комиссии Шабловский никогда ничего не раскрывал из того, что мог узнать о "деле Корнилова" по своему служебному положению.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 9

1. Е.И. Мартынов. Корнилов, попытка военного переворота. Ленинград, 1927, стр. 150.
2. В связи с этим следует указать, что эта заговорщическая деятельность черпала свое вдохновение в масонском движении, к которому принадлежали Керенский и Терещенко. Весьма вероятно, что сам Крымов был членом одной из многочисленных лож, которые существовали в армии. О Крымове известно, как о человеке критически относящемся к работе Ставки и к роли, которую в ней играл царь. На приеме у председателя Государственной Думы Родзянко он был столь откровенен, что Родзянко нашел необходимым попросить его прекратить крамольные высказывания, так как он (Родзянко) связан присягой государю.
3. Как мы видели, Временное правительство такого решения не принимало. Керенский действовал сам, возможно при поддержке своих близких друзей в правительстве.
4. Н.Н. Головин. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Часть 1. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Книга 2-я. Приложение к "Иллюстрированной России". Рига, 1937, стр. 97–98.
5. Этот разговор был отчасти опубликован ген. Головиным: Головин. Российская контрреволюция. Часть 1, книга 2-я, стр. 102–105. Здесь приводится его текст, присланный нам Ксенией Васильевной Деникиной и заверенный начальником отдела Русского общевоинского союза в Аргентине. Его подлинность косвенно подтверждается воспоминаниями Григория Аронсона, который во время описываемых событий был председателем Витебского Совета. Мы используем в настоящей главе эти два совершенно независимые друг от друга документа. См.: Г. Аронсон. Россия в эпоху революции. Нью-Йорк, 1966, стр. 53–57. Корнилов был в постели и не подходил к аппарату Юза, таким образом, весь разговор происходил через посредство Лукомского.
6. Здесь имеется в виду событие, происшедшее в Париже в 1899 году, когда полиция окружила дом, где находилась группа правых, антисемитски настроенных политических деятелей, и вынудила их, после некоторого сопротивления, сдаться.
7. См. документ, приведенный на стр. 1602 книги: Browder R.P. and Kerensky A.F. The Provisional Government. Vol. 3, Stanford, 1961: в отряде Короткова были "три рода оружия".
8. Цитируется по документу, предоставленному К.В. Деникиной: см. прим. 5. Офицеры польской национальности были исключены, так как после провозглашения Временным правительством независимости Польши началось формирование отдельной польской армии. Ее офицеры страстно желали начать военные операции против немцев, сокрушались развалом русской армии и вполне могли поддержать Корнилова.
9. Текст разговора был переписан в 1966 году, заверен начальником отдела РОВС в Аргентине и предоставлен автору К.В. Деникиной.
10. Завойко не бежал: он был послан с поручением к ген. Каледину.
11. Тот же документ, предоставленный автору К.В. Деникиной.

12. Эта просьба Керенского к его близкому другу Вырубову интересна с двух точек зрения. Керенский, будучи по профессии адвокатом, не пытался вмешиваться в работу Следственной комиссии. Он не хотел, чтобы она извращала факты, но предупреждал, что при составлении отчетов ей следует учитывать и общественное мнение. Более удивительно употребление им слова "демос", которое в данном контексте не могло не звучать несколько высокомерно. Как многие демагоги, в глубине души Керенский испытывал определенное презрение к умственному и нравственному состоянию тех масс, к которым он обращался. Все же он надеялся их воспитать и превратить в то, что тогда иронически называлось "сознательными гражданами".
13. Очевидно,до отъезда Алексеева и Вырубова из Петрограда.
14. Этот полк, в который были набраны георгиевские кавалеры после излечения от ран или болезней, находился при Ставке.
15. А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Т. 1-й, выпуск 2-й. Крушение власти и армии. Февраль-Сентябрь 1917. Париж, 1922, стр.212 и далее.
16. Там же, стр.229.
17. "Вестник Временного правительства", 13 сентября 1917.
18. "Речь", 13 сентября 1917.
19. Решение Алексеева согласиться на службу под начальством Керенского могло быть обосновано его желанием избежать гражданской войны, возможность которой тогда очень остро ощущалась.
20. Так называется изменение человеческого лица, которое наблюдается в минуты, предшествующие смерти. См.: Russische Schatten. Leipzig, 1939.
21. См. в настоящем издании: вступление и приложение.

Глава 10

ПОСЛЕДСТВИЯ "ДЕЛА КОРНИЛОВА"

События последних дней августа 1917 г. немедленно и гибельно отразились на армии. Хотя личная популярность Керенского в вооруженных силах значительно поблекла, особенно у рядовых (главным образом, благодаря пропаганде большевиков), но все же оставалась достаточно высокой. Популярность Корнилова быстро росла среди офицеров, патриотически настроенных солдат и, в еще большей степени, в образованных слоях населения, которые продолжали претендовать на руководящую роль в политической жизни. Корнилов был в какой-то мере приемлем даже для крестьянства: бытовало мнение, что он сторонник далеко идущей земельной реформы. В публичных выступлениях Корнилов, пожалуй, чересчур акцентировал свое скромное происхождение: это, скорее, может вызвать подозрения в том, действительно ли он "из народа".

Трудно найти лучшего, беспристрастного и одновременно глубоко сочувствующего, свидетеля событий на передовой в те "корниловские дни", чем Флоренс Фармборо.[1] Эта англичанка служила сестрой милосердия в полевом госпитале в течение всей войны. Она записала в своем дневнике:

> Сегодня произошло нечто, что внесло смятение и тревогу в нашу часть. Две официальные телеграммы пришли в нашу врачебную команду с указаниями, очень нас озадачившими. Одна была от Александра Керенского, министра-председателя коалиционного правительства, другая – от генерала Корнилова, Верховного Главнокомандующего русских армий. Между этими двумя

замечательными людьми вероятно водворилось разногласие, так как, грустно об этом писать, каждый обвинил другого в измене. Это кажется невероятным, но, увы, телеграммы лежат перед нами, написанные черным по белому. (...)

Когда новость о падении Корнилова распространилась, многие солдаты были сбиты с толку и клялись, что они были бы готовы вернуться в окопы, если бы был кто-то, кому они могли бы доверять. "Кому нам верить?" – спрашивали они. И неопределенность благоприятствовала отчаянию. Они вызвали начальника дивизии. Он вышел к ним и отвечал на их вопросы как можно лучше. После большого колебания, запинаясь, он им в конечном счете сказал, что держит сторону Керенского. Таким образом, была написана телеграмма и послана от имени нашей дивизии министру-председателю: она указывала, что солдаты готовы к поддержке Временного правительства. Уверяли нас, что так надо было поступить. Все же нам было очень неловко, что мы предали нашего доблестного генерала.

Взаимные обвинения Керенского и Корнилова в измене смущали и деморализовали войска, придавая вес беспрерывным заявлениям большевиков о том, что гидра контрреволюции поднимает свою уродливую голову. Главными виновниками этого назывались офицеры, помещики и капиталисты, притворяющиеся сочувствующими революционной демократии, но в действительности выжидающие время, когда они опять смогут утвердиться в роли правящего класса России. Тайные подозрения "солдат" и "матросов" относительно командующих ими офицеров превратились в уверенность, и во многих местах рядовые стали считать себя вправе применять закон по своему усмотрению.

Для расправы с офицером, которого не любили или которому не доверяли, мог быть выдвинут любой предлог. Во многих частях Советы и солдатские комитеты требовали от офицеров подписать заявление, в котором они осуждали Корнилова и утверждали свою приверженность революционным идеалам, поддержку революционному правительству и солидарность с выборными представителями рядовых. На военном корабле Балтийского флота четыре молодых гардемарина отказались подписать подобное заявление, заявив, что они не вправе, пока не закончится процесс обвиняемых генералов, их осуждать. Матросский комитет снял этих молодых офицеров с корабля, дав командующему гарантию, что им ничего не угрожает, отвез на берег и застрелил за первым углом. В другой раз вооруженная толпа ворвалась в православный собор

города Хельсинки во время отпевания трех офицеров, убитых солдатами. Духовенство было разогнано, собор осквернен и тела офицеров выброшены из гробов. Такого рода происшествия стали обычным явлением. Керенский выпускал одно за другим воззвания к войскам с требованием прекратить самовольные аресты и акты насилия. Но в то же время он продолжал клеймить так называемых "корниловцев", как контрреволюционеров. Тот суд, которому он собирался их предать, был не многим лучше, как указал Алексеев, типичного самосуда.

Эти обстоятельства привели к поляризации всего русского общества, что являлось главным предварительным условием для той классовой войны, которой Ленин так страстно желал. Большинство офицеров стремились освободиться от ответственности: они уходили в отпуск "по болезни" или полностью подчинялись комитетам своих частей. Но солдатские комитеты, особенно на уровне роты и полка, в то время сами теряли свою власть над войсками. Правительственные комиссары армии были в полном замешательстве, так как в практических вопросах Временное правительство фактически прекратило свое существование. Дезертирство достигло небывалых размеров. Власти и субординации больше не было, и то состояние войск, которое преобладало на Юго-Западном фронте во время июльской катастрофы, распространилось на весь германский и австрийский фронт. Такое положение сохранялось до конца октября, когда Временное правительство было в конечном итоге свергнуто большевиками.

Прямым следствием резкого ухудшения состояния армии стало увеличение беспорядков в сельской местности. Многие из крестьян поверили, что имущие и образованные классы поддерживали "контрреволюционный мятеж". Под влиянием дезертиров, которые, с оружием в руках, скитались по стране, крестьяне захватывали имения, грабили усадьбы, расхищали скот и сельскохозяйственный инвентарь. Сельские органы самоуправления, задачей которых должен был быть надзор над сельским хозяйством в своей местности, часто были вынуждены допускать нарушение закона под давлением крестьян, нетерпеливо стремящихся захватить земли своих бывших помещиков.

В городах наблюдался стремительный рост бандитизма и всех прочих уголовных преступлений. Местная милиция, которая заменила дореволюционную полицию, никогда не блистала эффективностью, но теперь, когда события вышли из-под контроля, она больше не смела прибегать к помощи вооруженных сил, как это делала раньше. Во многих провинциальных центрах местные авантюристы захватывали власть и провозглашали себя главами независимых республик, обвиняя

правительство в бессилии и соглашательстве с мятежником Корниловым. Связь между центральной властью и ее представителями на местах часто прерывалась, особенно в отдаленных областях. Во многих местах почта и телеграф были захвачены самозванными комитетами, представляющими "революционную демократию". Печати рекомендовалось не слишком раздувать подобные происшествия. Но везде и всюду можно было прочесть в газетах короткие сообщения, в которых говорилось, например, что в таком-то госпитале сестрам выдали пилюли цианистого калия, чтобы они могли, в случае необходимости, покончить с собой, если "больные" решат подвергнуть их коллективному изнасилованию. Несмотря ни на что, правительство оптимистически продолжало публиковать призывы к соблюдению порядка и умеренности в требованиях и выражать надежды на мудрое и пристойное поведение революционных масс.

Одной из жертв "дела Корнилова" было само Временное правительство. Напомним, что все его члены подали в отставку 27 августа. С этого времени государственными делами управлял исключительно Керенский. Ему надо было решить два главных вопроса. С одной стороны, он должен был сбросить с себя подозрения в том, что он участвовал в заговоре Корнилова, который сам же и создал. С другой стороны, он твердо решил не превращаться в покорного слугу Петроградского Совета. Поэтому он создал нечто вроде директории, составленной из нескольких кадетов и умеренных социалистов. Этот орган редко собирался в качестве комитета; на самом деле его состав менялся со дня на день, так же как и состав людей, ответственных за поддержание законности и порядка в столице. В конечном итоге образовалась другая директория, под председательством Керенского, в которую вошли Терещенко, умеренный социалист А.М.Никитин и только что назначенные военный министр Верховский и морской министр адмирал Д.Н.Вердеревский. Но в действительности на советах министров собирались только три первых лица, а все политические решения принимал один Керенский, настоящий диктатор, разве что не носивший этого имени и неспособный проводить в жизнь свои намерения.

Текущую работу административных органов, или вернее ту ее часть, которой еще можно было управлять в условиях растущей анархии, выполняли чиновники и заместители министров. Своеобразная атмосфера, царящая в центральных органах управления, была хорошо описана министром юстиции, А.С. Зарудным, подавшим в отставку 2 сентября. Вот как газеты передавали его прощальное слово служащим министерства:

В краткой речи А.С. Зарудный сказал, между прочим, что в настоящее трудное время министры в своих ведомствах только гости, приходят на короткое время и вне зависимости от работ в ведомстве, благодаря различного рода влияниям и давлениям, должны уходить. – Настоящие работники, – закончил речь А.С.Зарудный, – это вы, я же у вас был только гостем.[2]

1 сентября 1917 г. Керенский принял символическое решение провозгласить Россию республикой. Никакой конституции или даже проекта конституции опубликовано не было. Короткое заявление, написанное в обычном напыщенном стиле Керенского, сообщало, что Временное правительство (которого в действительности больше не существовало) передало пяти своим членам во главе с министром-председателем "всю полноту власти". В заявлении повторялось намерение правительства восстановить законность и порядок, а также боевую мощь вооруженных сил. Но при таких обстоятельствах Сенат, исключительным правом которого было оценивать законность решений правительства и публиковать их, отказался дать свою санкцию на заявление Керенского, так как 2 марта было обещано, что конституционное устройство России будет определяться будущим Учредительным собранием: а его Керенский даже не упомянул в своем декрете.

Сознавая, что теряет власть над революционным процессом, Керенский решил созвать в Петрограде совещание, которое должно было открыться 14 сентября. На него были в первую очередь приглашены те деятели, которые на московском Государственном совещании 13–15 августа сидели в левых рядах. Это мероприятие, названное "Демократическим совещанием", обернулось печальным провалом.

Керенский открыл совещание длинной речью, в которой он заявил, что спас российскую демократию от натиска большевиков в июле и от заговора Корнилова в августе. В обоих случаях, провозгласил он, "я не только предупреждал, но я сделал, я был на посту". Когда его прервали замечанием: "А смертная казнь, Марат?", Керенский, который, казалось, оправдывал ее введение, свалил ответственность на тех, кто "несмотря на все предупреждения, убеждения и просьбы, развращал и довел темных людей до этих страшных картин, когда малолетние дети и сестры милосердия были десятками изнасилованы". Единым духом он заявил: "Подождите сначала, когда хотя бы один смертный приговор был подписан мною, верховным главнокомандующим, и тогда я позволю вам проклинать меня". Теперь смертная казнь больше не понадобится, так как "мрачные дни" (корниловского

выступления) позади. В то же время, однако, Керенский предупредил тех, кто использует "корниловщину", чтобы вносить раздоры в войсках и возбуждать ненависть против верных правительству офицеров. "Да будь он проклят армией!", – воскликнул он, – вызывая те "бурные рукоплескания", о которых столь часто упоминалось тогда в русских газетах. И опять, с тем же пафосом, как и в конце Государственного совещания, он заключил свою речь словами:

> Когда я прихожу сюда, я забываю условности положения, то место, которое я занимаю, и говорю с вами как человек. Но человека не все здесь понимают, и я скажу теперь языком власти: каждый, кто теперь осмелится покуситься на свободную республику, кто осмелится занести нож в спину русской армии, узнает власть революционного правительства, которое правит верой и доверием всей страны.
>
> Керенский возглашает: "Товарищи! Да здравствует бессмертная революция и свободная республика".
>
> С верхнего яруса раздается голос: "Да здравствует верховный главнокомандующий Керенский".
>
> Керенский отвечает: "Да здравствует революционная армия, солдаты и офицеры, которые все-таки спасут нас от гибели".

В газетах передавалось, что последующие аплодисменты были всеобщими...[3]

После неумеренного потока слов министра-председателя, речь представителя большевиков, Каменева, могла показаться уравновешенной и убедительной. Он сказал, что не питает недоверия лично к министру-председателю и не преследует цели разрушения государства, но что он противник создания коалиционного правительства. Он стоит за выбор нового правительства, ответственного перед комитетом, который должно назначить Совещание. (Следует указать, что точка зрения Каменева значительно отличается от той линии, которую тогда рекомендовал из своего финляндского укрытия Ленин Центральному Комитету большевистской партии).[4] Умеренность высказываний Каменева и выраженная им готовность согласиться на нечто вроде парламентской ответственности вызвали удивление. Совещание, первоначально проголосовавшее резолюцию об образовании коалиционного правительства, включающего кадетов, затем, в поправке к резолюции, исключило из правительства тех кадетов, которые показали себя сторонниками Корнилова в дни его выступления, и, наконец, отклонило резолюцию совершенно.

Керенский тогда вернулся к своей излюбленной мысли: созданию своеобразного псевдо-парламента. Прибавив к участникам Демократического совещания около 100 человек, среди которых были члены кадетской партии, представители университетских, промышленных, научных и технических кругов, он созвал 20 сентября Временный совет Российской республики, более известный под названием Предпарламент.[5]

Предпарламент оказался чисто совещательным органом, хотя было заявлено, что он будет содействовать принятию решений будущим коалиционным правительством и убеждать различные социальные слои, представленные его членами, оказывать поддержку правительству и следовать его указаниям. На протяжении всего своего призрачного существования Предпарламент фактически ничего не сделал, чтобы помешать процессу развала государственного аппарата. Министры нового, третьего коалиционного правительства произносили искусно составленные речи. Между левыми и правыми происходили ядовитые перепалки. Но все конкретные решения принимались одним Керенским.

Когда стало известно (в значительной степени через Каменева и Зиновьева), что большевики готовят восстание, Керенский решил попросить предоставления ему чрезвычайных полномочий, которые позволили бы подавить мятеж при помощи Петроградского гарнизона. Незадолго до "Октябрьских дней" некоторые казачьи части, расквартированные в городе и состоящие, главным образом, из антибольшевистски настроенных сторонников правительства, попросили разрешения отслужить торжественный молебен, с последующим крестным ходом. Молебен должен был быть отслужен за спасение Родины, а крестный ход показать наличие внушительной силы, готовой к участию в событиях, если большевики сделают попытку переворота, что подействовало бы успокоительно на население столицы. Керенский запретил все эти действия и тем самым вызвал раздражение казачьих частей. Другие полки Петрограда, поддавшиеся уговорам большевиков, были также в возбужденном состоянии из-за заявления правительства о намерении отобрать для отправки на фронт некоторые из их рот. Они грозились при проведениии этой меры оказать вооруженное сопротивление. Эти части совершенно вышли из повиновения командования Петроградским округом, которое оставалось верным правительству. Приказания они теперь получали непосредственно от Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

Орган этот оказался побочным продуктом "дела Корнилова". Когда Савинков 28 августа сообщил Керенскому, что его разговоры с Корниловым по прямому проводу не привели ни к какому положительному результату, но, тем не менее, следует продолжать попытки достичь

примирения, Керенский отклонил это предложение и назначил Савинкова петроградским генерал-губернатором с тем, чтобы он организовал защиту столицы от наступающих частей ген. Крымова. Но Петроградский Совет не доверял Савинкову. Решив сохранить в собственных руках контроль над защитой города, он избрал Комитет защиты революции под председательством молодого социалиста-революционера П.Е.Лазимира. Прочие члены комитета были в основном большевики, а сторонник Ленина В.И.Невский исполнял в нем функцию главного организатора. Комитет сперва обратился к кронштадтским матросам, которые очень обрадовались предложению вернуться в Петроград (где они потерпели в июле унизительное поражение) в роли спасителей столицы. В распоряжении Совета было безусловно больше войск, чем у недавно назначенного генерал-губернатора. 1 сентября Савинков был освобожден от должности и ему было указано "находиться в распоряжении" Следственной комиссии Шабловского. Вскоре после этого от него потребовали объяснений его роли в "деле Корнилова" перед ЦК партии эсеров, но он согласился выступить лишь перед партийным съездом. В результате Савинкова исключили из эсеровской партии.

Как мы знаем, во время "корниловского мятежа" между войсками Петроградского гарнизона и 3-м конным корпусом не произошло никакого столкновения. Остатки войск корпуса были расположены широким полукругом за наиболее отдаленными пригородами Петрограда. Хотя формально они подчинялись ген. П.Н.Краснову, но никакой активности не проявляли и использовали все доступные средства, чтобы оказывать давление на своего командира и побудить его отправить их домой на Дон или в иные их родные места.

Под угрозой мятежа и насилия со стороны Совета и Военно-революционного комитета (заменившего Комитет защиты революции), Керенский выпустил на поруки всех большевиков, арестованных после июльских событий, среди них и Троцкого, который с этого момента стал главным организатором подготовки большевистского переворота.

Керенский обратился к Предпарламенту с сообщением о новой угрозе революции – его революции – слева и попросил, как мы указывали выше, чрезвычайных полномочий для борьбы с мятежниками. После короткого выступления Керенского Предпарламент обсудил его просьбу и послал двух делегатов – Гоца и Либера – сказать, что он получит полную поддержку, если немедленно провозгласит национализацию всей земли и примет существенные меры, чтобы покончить с войной. Керенский ожидал безоговорочной поддержки. Он сильно рассердился и без обиняков выдворил делегатов, заявив им, что может обойтись без

сотрудничества с Предпарламентом и что безопасность столицы будет обеспечена верными ему войсками. Керенский заверил в этом и послов союзных держав, затем поехал в штаб Петроградского военного округа, чтобы лично приступить к командованию столичными войсками. Но здесь он узнал, что местные войска совершенно ненадежны и поэтому маловероятно, что они окажут сопротивление натиску вооруженных рабочих, Красной гвардии, кронштадтских моряков или тех частей, которые перейдут на сторону большевиков. Керенскому сказали также, что те части, на чей нейтралитет можно было бы рассчитывать, вероятно, останутся в казармах. Всем казачьим войскам, расквартированным в столице, было тогда приказано немедленно выступить на улицы в полном вооружении. В ответ казаки заявили, что уже седлают коней и готовятся к выступлению. Однако сведения из штаба давали совсем иную картину: казачьи кони спокойно стоят, расседланные, в своих конюшнях и уныло жуют оскудевший фураж.

24 октября в Зимнем дворце был созван Совет министров. Решив заседать без перерыва, министры поручили Керенскому выехать на фронт и вернуться в столицу с надежными войсками. Он отправился утром 25 октября на автомобиле, одолженном Американским посольством, пробиваясь с риском для жизни через большевистские заставы. По пути он остановился в Пскове. За этим последовал ряд весьма запутанных событий. Хотя они не представляют большого значения для "дела Корнилова", их описание, как увидит читатель, не лишено интереса.

Как только в Ставке были получены сведения о вооруженном восстании в Петрограде, начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген. Духонин приказал главнокомандующему Северным фронтом ген. Черемисову немедленно выслать войска в столицу для защиты Временного правительства. Черемисов начал тянуть с отправкой, под предлогом, что уход надежных войск сильно ослабит фронт, а какие-либо другие части, попав в Петроград, немедленно станут жертвой большевистской пропаганды. Духонин продолжал настаивать. Тогда Черемисов намекнул, что может подать в отставку. Такой оборот дела был вполне приемлем для Духонина, который подозревал Черемисова в сознательном неповиновении, однако увольнять главнокомандующего фронтом и назначать нового было не в его компетенции: это мог сделать только Керенский.

Когда Керенский приехал в Псков, он не поехал в штаб Черемисова, якобы из опасения за свою жизнь. Вместо этого Черемисов поехал к нему, на квартиру его зятя Барановского, и изложил причины, согласно

которым, по его мнению, не следует посылать в Петроград войска с Северного фронта. Согласно записи на ленте отчета Барановского Духонину в Ставку, Керенский, хотя и неохотно,[6] уступил аргументам Черемисова и согласился, что войска посылать не стоит.[7] Барановский, посетив штаб Черемисова, обнаружил во время разговора с другими офицерами, что Черемисов ввел Керенского в заблуждение относительно полной невозможности отправки своих войск в столицу. Узнав об этом, Керенский отменил свое решение отказаться от экспедиции на Петроград и отправил Черемисову несколько телеграмм, на которые последний просто не отреагировал. Пока Керенский находился еще в Пскове, Духонин связался с Черемисовым и узнал от него, что Керенский отказался от намерения послать войска на Петроград. Духонин, не вполне доверяя полученному ответу, захотел поговорить с самим Керенским, но ему было отвечено, что такой разговор не в интересах Верховного Главнокомандующего. Духонину и в дальнейшем не удалось войти в прямой контакт с Керенским, так как вскоре линии были перерезаны военно-революционными комитетами, выраставшими, как грибы, на всем протяжении Северного фронта.

Утром 27 октября Барановский и Керенский готовы были отправиться на автомобилях в Остров, около Петрограда, где должны были встретиться с ген. Красновым. Но к этому времени Краснов сам приехал в Псков, не поверив утверждениям Черемисова, что Керенский отменил план взять обратно Петроград. Без дальнейшего промедления Краснов и Керенский выехали в Остров, где 600 казаков с двумя полевыми пушками были готовы двинуться на Петроград под командованием Краснова. Керенский заверил Краснова, что принял меры для усиления этого отряда войсками с Северного фронта. (Он действительно отказался от своего первоначального договора с Черемисовым: об этом свидетельствуют его телеграммы, приказывающие генералу выслать войска).

Отряд Краснова встретил на пути к столице сильное сопротивление со стороны моряков, сторонников Совета, и ему пришлось отступить к Гатчине, куда приехал и Керенский. Тем временем от Петроградского Совета к казакам прибыли посланцы с предложением соглашения, на основе обмена заложниками: предлагалось обменять Ленина на Керенского. Когда Керенский услышал, что началось братание казаков с посланцами Совета, он подумал, что Краснов его предал, и бежал из Гатчины, переодевшись в кронштадтского моряка. Этот эпизод в сущности и ознаменовал конец его политической карьеры.[8]

* *
*

В течение сентября и октября офицеры, заключенные в Быховской тюрьме, пребывали в гнетущей неизвестности. Хотя они и знали, что Следственная комиссия скорее на их стороне, у них были основательные причины к беспокойству: большевики упорно требовали казни Корнилова и прочих участников "заговора". Даже Филоненко занял близкую позицию. 29 августа Керенский потребовал объяснений относительно его поведения в Ставке во время кризиса. В присутствии свидетелей Филоненко сказал, что он думал, что между Керенским и Корниловым существовало соглашение, что они собирались работать сообща: Корнилов должен был реорганизовать армию, а Керенский – объединить вокруг себя патриотически настроенные элементы революционной демократии. Филоненко объяснил, что стремился только помочь претворить этот план в жизнь. Керенский прервал его восклицанием: "Никогда, никогда!" и затем заявил, что на этом его политическая карьера окончена.[9] Чтобы оправдать себя в глазах левой общественности, Филоненко опубликовал в газетах письмо, где высказывал мысль, что раз Корнилов настаивал на применении смертной казни в случае мятежа, то он должен быть предан военному суду и подвергнут той мере наказания, которую сам требовал:

> Я [ген. Корнилова] люблю и сейчас, но чтобы не было пролито потоков офицерской крови, его нужно расстрелять, и я сниму шляпу перед его могилой. Генерал Корнилов должен понести ту кару, которую понес бы любой солдат за то же преступление.[10]

Эти признания Филоненко не обрадовали, разумеется, узников Быховской тюрьмы. Эти офицеры всегда считали его человеком неискренним и подозревали, что он шпионит за Корниловым и за ними. Филоненко, со своей стороны, с опаской относился к некоторым из них, особенно к ген. Лукомскому. Но самому Корнилову Филоненко нравился, и он до конца не сомневался в его лояльности. В своих показаниях Следственной комиссии он лестно отзывается о его способностях в деле посредничества с солдатскими комитетами и храбрости в бою. Тем не менее Корнилов не соглашался с суждениями Филоненко об офицерах штаба и чувствовал необходимость защищать их от его нападок. Правда, Корнилов написал свои показания до того, как узнал о воззвании Филоненко к войскам Крымова, где офицеры Конного корпуса несправедливо обвинялись в обмане солдат.

Быховские узники проводили время в тюрьме наподобие любых других заключенных. Они бесконечно обсуждали корниловскую политическую

программу и размышляли, какой она должна стать теперь. (Записей текста выработанной тогда программы, видимо, не сохранилось. Позже она была опубликована в переработанном виде: см. ниже). Еще они занимались с Аладьиным английским языком...

Сразу же после большевистского переворота в Быхове были получены инструкции от Следственной комиссии немедленно выпустить из тюрьмы всех заключенных. Это решение было самолично принято Р.Р.Раупахом, без ведома его коллег. Его маневр удался, и быховские сидельцы разъехались, пробиваясь на юг, в область Войска Донского, которой тогда управлял выбранный казаками Войсковой круг, под руководством атамана – ген.Каледина. Корнилов начал с попытки пройти на Дон во главе вооруженного отряда, составленного из верных ему текинцев. Но по пути отряд наткнулся на сильное сопротивление хорошо вооруженных банд дезертиров, руководимых большевиками. В конечном итоге текинцы обратились к генералу с просьбой расформировать отряд и позволить им поодиночке пробиваться в родные места. Переодетый в обычную солдатскую шинель, без знаков отличия, Корнилов сел в поезд, переполненный дезертирами, и благополучно пробрался на Дон.

Здесь ген.Алексеев был уже занят организацией Добровольческой армии и записывал офицеров для службы в вооруженных силах, которые, надеялся он, при помощи союзников свергнут правительство Ленина и Троцкого, еще только делающее первые шаги. Корнилов присоединился к Алексееву и Деникину и стал во главе небольшой добровольческой армии, прикрывающей подступы к Ростову. Но под давлением значительно превосходящих сил большевиков он был вынужден, в феврале 1918 г., отступить по зимним донским степям на Кубань. 31 марта 1918 г., за день до планируемого штурма Екатеринодара, штаб-квартира Корнилова попала под тяжелый артиллерийский обстрел. Разрыв снаряда снес крышу дома, где Корнилов работал над планом решающего штурма города, и он был почти мгновенно убит. Смерть его оказалась невосполнимой потерей для антибольшевистских сил. Каким бы узким ни был политический кругозор Корнилова, он оставался человеком, на которого вся патриотическая Россия возлагала надежды спасения от крайних социалистических и большевистских экспериментов.

Главными качествами Корнилова были его бесспорная физическая храбрость, а также прямота и честность в отношениях с подчиненными. Эти качества помогли ему стать популярным вождем. Но и политические вопросы продолжали требовать его внимания, когда он встал во главе белых сил. Алексеев, в то время уже очень больной человек, взял на себя дела, обычно связанные с работой военного министра, включая

деликатную задачу ведения переговоров с союзниками. Фактическое командование маленькой Добровольческой армией было в руках Корнилова. Оба генерала по ряду вопросов расходились во взглядах, и следует поставить в заслугу Корнилову, что он согласился сотрудничать с человеком, который, как он имел все основания полагать, не поддержал его в критический час.[11] Алексеев скончался 25 сентября 1918 г. после продолжительной болезни. Кончина Корнилова и Алексеева положила конец конфликту, который мог бы значительно затруднить формирование Добровольческой армии, призванной сыграть столь важную роль в гражданской войне в 1918–1920 годах.

* *
*

Корнилов, сосредотачивая свою деятельность на организации и снабжении Добровольческой армии (состоящей главным образом из офицеров и учащейся молодежи), ни на минуту не отказывался от своих политических целей. Он, как правило, избегал предавать бумаге свои политические идеи, но один документ такого типа случайно сохранился – проект программы, на основе которой Корнилов надеялся объединить все антибольшевистские силы. Эта так называемая "Политическая программа генерала Корнилова" считалась секретным документом, но свободно ходила среди его сторонников. После длинного предисловия, в котором звучала скорбь русского патриота при виде своей родины, попавшей под власть инспирированного Германией большевизма, Корнилов заявил, что, "вступая снова на арену политической борьбы", он "ставит своей ближайшей задачей сокрушение большевизма" и создание в России "образа правления", обеспечивающего порядок, соблюдение гражданских прав и закрепление "целесообразных завоеваний революции". Этого можно достичь, лишь если будет подписан "прочный и почетный мир". Далее следуют 14 пунктов, в которых находит свое выражение программа Корнилова как таковая:

1. Восстановление прав гражданина: все граждане России равны перед законом, без различия пола и национальности; уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и пр.
2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.
3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.
5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольных началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.
6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, то есть с правом на самоопределение порабощенных народов.
7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.
8. Сорванное большевиками Учредительное собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное собрание должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программе ген. Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным собранием, коему оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное собрание, как единственный хозяин земли русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.
10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.
11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, – всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.
12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тягчайших государственных преступлений.
13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной национализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественную промышленность.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украйна и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов.[12]

2 февраля 1918 г. этот документ был по просьбе Корнилова передан ген. Алексееву, с письмом, уведомляющим, что этот документ еще не опубликован и автор его считает, что публикацию следует отложить до того времени, когда она станет желательной и необходимой. Алексеев переправил документ своему политическому советнику П.Н.Милюкову. Милюков в ответ выразил свое несогласие с позицией Корнилова, самонадеянно диктующего свою программу без консультации с политическими партиями, которых она могла касаться. Он также отклонял попытку Корнилова единолично создать правительство и вспоминал, что предыдущие вмешательства генерала в политические дела всегда кончались неудачей из-за его склонности попадать под влияние авантюристов. Он не доверял ни политической прозорливости Корнилова, ни его общему знанию ситуации и указывал, что даже если Корнилов решится опубликовать программу как свою собственную, ее содержание надо будет пересмотреть в свете того положения, которое будет существовать в момент ее публикации. При нынешних обстоятельствах, публикация этой программы лишит добровольческое движение поддержки широких слоев населения, которой оно сейчас пользуется.[13] Отклонение Милюковым программы Корнилова основывалось на его убеждении, что только правительство, составленное из либералов и умеренных социалистов, может довести страну до выборов в Учредительное собрание. Он, видимо, не понимал, что Корнилов хочет учредить военную диктатуру именно потому, что стремится избежать создания правительства, сходного с тем, которое в 1917 году доказало свою очевидную неспособность справиться с теми задачами, которое оно само перед собой поставило. Алексеев в отношении этого фундаментального вопроса почти наверняка предпочитал подход Корнилова подходу Милюкова. Но сама личность Корнилова, очевидные дефекты проекта и ощущение Алексеева, что это ему по праву надлежит стать диктатором, скорее чем кому-нибудь другому, побудили его и далее обращаться к Милюкову за советом.

Из текста программы очевидно, что по ряду вопросов Корнилов не располагал достаточной информацией и неправильно ощущал народные чаяния. Он, например, как будто мало понимал действительное состояние земельного вопроса, особенно в областях Европейской России, населенных великороссами. Он был казаком, семья которого владела собственной землей, и мало разбирался в тех громадных юридических проблемах, которые вытекали из системы общинного владения, доминирующей в дореволюционной России. Он также, вероятно, мало себе представлял то ощущение катастрофы, которое испытывали крестьянские семьи, когда их мужчины призывались в армию. Казаки, так же как и многие мусульманские племена Центральной Азии, испокон веков были одновременно крестьянами и воинами: Корнилов, проведший детство среди них, смотрел на вещи их глазами.

Но осенью 1917 года большинство крестьян уже захватили земли крупных землевладельцев. Они не могли не опасаться перспективы возврата земли взамен неопределенных обещаний разрешения земельного вопроса еще не избранным Учредительным собранием. Этот вопрос волновал многих и в белых армиях, немало офицеров считали, что земля должна быть возвращена бывшим хозяевам. Сопротивление крестьян близорукой земельной политике белых во многом объясняет ту поддержку, которую от них получили красные. Эта ситуация была максимально использована в пропаганде большевиков, нацеленной на крестьян. В ней задавался риторический вопрос о том, что предпочитали бы крестьяне: возвращение земель их бывшим владельцам или установление диктатуры пролетариата, которая позволила им разделить между собой крупные имения. Корнилову безусловно удалось построить в лице Добровольческой армии эффективную и верную вооруженную силу, в отношении же земельного вопроса его неподготовленность и непонимание послужили причиной роковой слабости программы белых сил, которая в сочетании с другими факторами привела к их поражению.[14] К счастью для него, он не дожил до того, чтобы стать свидетелем последствий своих ошибок. Только после поражения белых армий крестьяне сообразили, что они не только ничего не выиграли от победы правительства, которое должно было установить в стране диктатуру пролетариата, но и потеряли даже ту малую степень экономической независимости, которой пользовались до революции. В последующие десятилетия конфликт между властью и крестьянством принимал различные формы. Он не решен и по сей день.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 10

1. См.: Florence Farmborough. Nurse at the Russian Front. London, 1974, pp. 312, 313 ff.
2. "Речь", 3 сентября 1917.
3. "День", 15 сентября 1917.
4. См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 34, Москва, 1962, стр. 120. Также: H. Shukman. Lenin and the Russian Revolution. London, 1917.
5. Делегация от большевистской партии приняла участие в Демократическом совещании. Она покинула зал заседаний во главе с Троцким, после того как последний прочитал резкое заявление, в котором он обличал правительство Керенского как контрреволюционное (5 октября).
6. Великая Октябрьская Социалистическая Революция: документы и материалы. Т. 8: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. 1 сентября – 1 ноября 1917 г. Москва, 1957, стр. 605.
7. Когда автор в упор спросил у Керенского, правильно ли Барановский отчитывался в Ставке, он ответил, что "он наверно меня плохо понял". В третьем томе (по сей день не опубликованном) своих воспоминаний Войтинский, который был свидетелем этих событий, подтверждает, что Керенский уступил, когда Черемисов отказался послать пехотный полк в Петроград. В связи с этим нетрудно понять, почему он мог решить не исполнять приказа выслать войска, полученного им позже по телеграфу. Этот приказ приводится в издании: Великая Октябрьская Социалистическая Революция, Октябрьское вооруженное восстание, стр. 595. Он датирован 26 октября, но чисто предположительно.
8. Другой, совсем иной рассказ о бегстве Керенского из Гатчины был опубликован Красновым: "Архив Русской Революциии". Т. 1, стр. 172 и далее. Еще иначе освещает это событие граф В. П. Зубов в книге: Страдные годы России. Мюнхен, 1968, стр. 15–33 (особенно стр. 26). Автор был хранителем сокровищ дворца в Гатчине.
9. Рассказ свидетеля разговора В. И. Лебедева: "Воля Народа", 15 октября 1917.
10. "Русское Слово", 10 сентября 1917.
11. То есть 1 сентября 1917 г.
12. Публикуется по изданию документа в книге: Н. Н. Головин. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Часть 2. Развитие общероссийского противобольшевистского движения. Книга 5-я. Приложение к "Иллюстрированной России", Рига, 1937, стр. 100–103.
13. Переписка Алексеева и Милюкова частично опубликована в газетах "Новое Время" (Белград) в апреле/июне 1921 г. и "Последние Новости" (Париж) в апреле 1924 г., а также в журнале "Грани" (Франкфурт-на-Майне) № 125 (1982 г.). Она хранится, в оригиналах и копиях, среди бумаг П.Н. Милюкова в архиве Колумбийского университета.
14. Последний главнокомандующий белых армий на юге России, ген. П. Н. Врангель, в 1920 году признал ошибки своих предшественников. Он опубликовал

и начал проводить в жизнь земельный закон, который мог бы стать основой примирения белого движения с крестьянством. Но было уже поздно: Троцкому удалось создать дисциплинированную армию, упразднив солдатские комитеты, установив строгое послушание начальникам и поставив каждого солдата в случае неповиновения перед угрозой строгих наказаний, включая смертную казнь. Эта армия обеспечила победу Ленина и большевиков.

Глава 11

ПОЗДНЕЙШИЕ ПОСТРОЕНИЯ, ЛЕГЕНДЫ И СЛУХИ

Настоящая попытка воссоздать так называемое "дело Корнилова", конец которого был описан в главе 10, в значительной степени основывается на свидетельствах, содержащихся в документах, либо современных событиям, либо составленных не более года спустя. Мы сознательно стремились не основываться на значительно более поздних полемических высказываниях и интерпретациях Керенского и других. Керенский прожил в эмиграции долгую жизнь, но никогда более не выдвигался на исторической сцене. Сам он рассматривал период, когда был номинальным правителем России и мог стать первым президентом Российской республики, как вершину своей жизни.[1] Россия 1917 года была "его" Россией, самой свободной страной в мире, преданной патриотическим и гражданским идеалам, законной наследницей Французской революции. Он любил сопоставлять "свою" Россию с темными веками царской тирании, которые ей предшествовали, и с ужасами коммунистической диктатуры, которые ее разрушили. Один из основных принципов этой новой России заключался в том, что ее правители не должны были стремиться основывать свою власть на голом насилии или на страхе граждан за свою жизнь.

То состояние анархии, разгула жестокостей и взаимной ненависти, которое воцарилось после внезапного исчезновения давно устоявшейся исторической традиции, Керенский расценивал как острую, но легко излечимую детскую болезнь. Как и некоторые его последователи в то время, он был убежден, что русский характер содержит в себе гуманные начала, которые могли бы привести русские демократические силы к установлению более справедливого общественного порядка, уникального

для человечества. Правда, Керенский не был лично знаком с деятельностью демократических сил на Западе и так и не смог до конца освоить ни одного иностранного языка. Удивительно, как его убеждения 1917 года, которые он без устали, устно и письменно, защищал всю свою жизнь, могли устоять на фоне растущего разочарования в них его друзей и политических единомышленников в эмиграции. Керенский постепенно превратился в одинокого пророка, вопиющего в пустыне. К тому же он подвергался непрерывным, часто злобным, нападкам своих бывших противников. Полковник Пронин и другие уцелевшие участники "дела Корнилова", поселившиеся за границей, клеймили бывшего "кумира народных масс" как провокатора, который предпочел идти по пути удовлетворения своего личного честолюбия и не оказал поддержки тем, кто, как Корнилов, остановил бы развал страны, когда это было еще возможно.

Наиболее болезненно переживал Керенский нападки по одному вопросу: он с особым возмущением относился к каждому, кто отрицал существование заговора Корнилова, и к тем участникам событий или историкам, которые описывали его конфликт с генералом как трагическое недоразумение. Только наличие реального заговора, возглавляемого Корниловым, могло оправдать поведение министра-председателя в течение последних десяти дней августа 1917 г. А авторы, критиковавшие Керенского, обвиняли его в предательстве, двурушничестве и провокационных действиях против людей, которые согласны были бы придти к соглашению и сотрудничать с ним, если бы только он принял меры для предотвращения захвата России большевиками.

С течением времени росло убеждение Керенского в том, что ему не удалось установить в России демократический строй из-за соглашения (возможно – несознательного) между реакционерами, борющимися за свои привилегии (генералы, промышленники и пр.) и последователями Ленина, которые сообразили, что им никогда не придти к власти на основе свободного волеизъявления народа. Керенский завидовал растущей популярности Корнилова, презрительно относился к его политической наивности, и его раздражали приемы, которыми генерал вынуждал его принять методы управления государством, противоречащие его политическим и моральным убеждениям. В течение пятидесяти лет, которые он провел вне России, Керенский выуживал каждый мало-мальски возможный аргумент и каждое свидетельство, которые могли бы обосновать и оправдать его поведение в дни "корниловского мятежа". Если бы он отказался от этих попыток самооправдания и перестал бы отчаянно тратить силы, чтобы доказать наличие заговора, ему пришлось бы стать на покаянную позицию, подобно князю Г.Е. Львову (см. главу 2). Но

для Керенского это означало перебороть основную черту его характера – тщеславие вечного подростка.

Полемика о "деле Корнилова" расцветала в эмиграции трижды. Впервые она вспыхнула в 1923–1924 годах, в связи с публикацией второго тома воспоминаний ген. Деникина. Тогда появилось много рецензий на эту книгу, и сам Керенский принял участие в ее обсуждении. Историк русской революции П.Н. Милюков кое-что рассказал тогда из того, что знал о событиях лета 1917 года. Ниже мы приведем выдержки из интересного письма, написанного ему бывшим послом Временного правительства во Франции В.А. Маклаковым, в котором выявляется критическое отношение к недомолвкам Милюкова.

В 1937г. "дело Корнилова" вновь широко обсуждалось в русской зарубежной печати. Журналист по фамилии Вакар взял тогда интервью для парижских "Последних новостей" у ряда пожилых эмигрантов – бывших промышленников и финансовых деятелей. Среди них был известный владелец металлургических заводов А.И. Путилов, инженер П.Н. Финисов и другие. Вакар собрал свидетельства о финансовой помощи, которую они тем или иным образом оказывали корниловскому движению. Хотя эти интервью были зачастую путанными и противоречивыми, они побудили ряд участников событий также опубликовать в печати свои письма, так поступил и Керенский, который думал, что, наконец, нашел неоспоримые доказательства своей теории о заговоре.[2]

Третья волна статей на корниловскую тему появилась в эмигрантской печати уже после Второй мировой войны, когда Керенский, без особого энтузиазма, пытался играть политическую роль в кругах недавних эмигрантов – бывших советских граждан, которым тем или иным способом удалось избежать насильственной репатриации.

Последняя версия Керенского относительно "дела Корнилова" содержится в его книге "Russia and History's Turning Point". В ней Керенский утверждает, что существовало три группы заговорщиков, более или менее тесно связанных между собой: финансовые деятели, "Республиканский центр" и кадеты. Первая группа состояла из финансистов и промышленников, которые в мае 1917 года создали "Общество экономического возрождения России". Члены этого общества собрали крупную сумму денег, предназначенную для финансирования избирательной кампании отдельных кандидатов в Учредительное собрание. Но Учредительное собрание казалось далекой мечтой, тогда как экономическое разложение страны развивалось с головокружительной скоростью. Когда Корнилов был назначен Верховным Главнокомандующим, на нем сосредоточились все надежды на прекращение анархии, и руководители Общества решили

безоговорочно передать в его распоряжение собранную ими сумму. Некоторые из них посетили Корнилова в его поезде в Москве, как только он покинул Государственное совещание и собирался выезжать в Ставку. Согласно Путилову, который был одним из членов делегации, Корнилов им сказал:

> Господа, вы были на Государственном совещании, видели и слышали, что происходило там. О политических ваших убеждениях я не спрашиваю. Вы – русские люди. Армия разваливается. Все идет прахом. Пока большевики сидят в Смольном, ничего сделать нельзя... я никому своих взглядов не навязываю. Как только представится возможность, мы созовем учредительное собрание. Что оно решит, тому беспрекословно подчиняюсь. Монархия или республика, мне все равно. Мне нужны только порядок и твердая власть в стране и в армии.[3]

В своем интервью Вакару Путилов подчеркнул, что он не может с совершенной точностью вспомнить слова Корнилова и только приблизительно передает их смысл. Корнилов объяснил, что руководимое им движение не нуждается в широкой финансовой поддержке, но, видимо, согласился, чтобы в распоряжение одного из его офицеров была передана небольшая сумма на покупку билетов для отправки в Петроград 200 офицеров перед приходом туда 3-го конного корпуса. Из статей Вакара выяснилось, что полковники Сидорин, Дюсиметьер и Клерже, которые должны были подготовить прибытие 3-го конного корпуса, действительно получили некоторые суммы.

Керенский немедленно набросился на далеко не ясные воспоминания Путилова и заключил, что "финансовая группа" была в сговоре с заговорщиками из Ставки уже с июля и что его держали в неведении относительно всех этих интриг. Основывая свою аргументацию на интервью Вакара с П.Н.Финисовым, он далее заявлял, что полк.Сидорин был в контакте и с другой петроградской организацией – "Республиканским центром". Эта организация объединяла вокруг себя различные патриотические и антибольшевистские группы, такие как Союз офицеров, Союз казачьих войск под руководством полк.Дутова, Союз военного долга полк.Винберга и пр. Финисов смог даже назвать адрес Республиканского центра – Невский проспект, д.104 (дом, в котором также помещался ряд банков, страховых обществ и т.д.). Генерал Корнилов лично присутствовал при создании Республиканского центра, 17 мая 1917г., утверждал Финисов. (Здесь,

должно быть, какая-то путаница: Корнилов в это время командовал 8-й армией на Юго-Западном фронте и был полностью поглощен военными делами, а сколько бы денег ни получил полк. Сидорин от Путилова и его друзей, он их получил прямо, без какого-либо участия Республиканского центра). Керенский, разумеется, придавал огромное значение разрастанию всех этих патриотических организаций и координации их деятельности Республиканским центром. Такие "факты" укрепляли убеждение Керенского в существовании против него широкого заговора правых сил.

Распространился слух, что на 28–29 августа большевики готовят восстание – ровно через полгода после Февральской революции. Независимо от того, верил ли этому Корнилов или нет, у него были все основания предполагать, что, как только он пошлет Савинкову заранее подготовленную телеграмму с известием о стягивании 3-го конного корпуса к подступам столицы, законопроект о смертной казни будет принят. Содержание этого закона уже просочилось в печать и тем самым стало известным Центральному Комитету большевистской партии. Корнилов справедливо предполагал, что большевики будут против принятия этого закона, так как он должен был положить конец их пропагандной деятельности. Они не могли спокойно согласиться на введение по всей стране смертной казни за подрывную деятельность и призывы к восстанию, когда им только что (17 августа) удалось убедить Петроградский Совет потребовать ее отмены и на фронте. Так как большевики не могли согласиться на введение этого закона, можно было ожидать, что они организуют демонстрации и будут агитировать за отставку правительства.

28 августа закон все еще не был обнародован, но правительство официально объявило о "мятеже" Корнилова, и офицеры, посланные в Петроград для подготовки прихода войск Крымова, оказались в трудном положении. Известно, что некоторые из них во время совещаний, происходивших в тайных штабах, обсуждали возможность спровоцировать или даже симулировать большевистское восстание путем привлечения преступных элементов столицы к разграблению лавок, в первую очередь в районе Сенной площади. Согласно утверждениям В.Н.Львова, которые, однако, не подтверждаются другими источниками, во главе этой операции должен был стоять полк. Дутов. Одно обстоятельство, вероятно, имеет определенное значение: полк. Сидорин, озадаченный происходящим, обратился за советом к ген. Алексееву и рассказал ему об отчаянном замысле офицеров. Алексеев пришел в ужас и сказал Сидорину, что если будут совершены подобные провокационные

действия, особенно теперь, когда он узнал о всем замысле из-за непрошенных откровений полковника, ему придется покончить с собой.[4] Тогда Сидорин отменил всю операцию, разработанную петроградскими офицерами, и бежал в Финляндию с той "небольшой" суммой денег, которую он получил от финансистов для покрытия своих расходов. Позже с оставшимися деньгами он вернулся в Россию.

Весь этот эпизод не имеет большого значения в отношении деятельности самого Корнилова. Петроградские офицеры – заговорщики, ожидающие дальнейшего развития событий в шикарных ресторанах столицы, не имели с ним прямых контактов. И он, конечно, никогда не одобрил бы их безрассудного плана. Керенский, тем не менее, отнесся к этому случаю как к дополнительному доказательству существования широкомасштабного заговора, возглавляемого Корниловым.

Поведение Сидорина имело значительные политические последствия. Оно объясняет нежелание Алексеева принять должность Верховного Главнокомандующего и его отказ от политической роли. Алексеев знал, что ему необходимо заручиться поддержкой Союза офицеров, и хотя он и дал ему свое благословение в мае, теперь, после разговора с Сидориным, генерал чувствовал неловкость в своих отношениях с Союзом. Как мы видели, те офицеры, которые готовы были закусить удила, остались лояльными Алексееву и продолжали считать его своим начальником, отцом и другом.[5]

Третья группа людей, поддерживающих, по мнению Керенского, "заговор" Корнилова, состояла из кадетов. Лидер кадетской партии, П.Н.Милюков, организовал коалицию правых политических деятелей, почти как в 1916 году, когда он пытался политическим маневрированием в Государственной Думе оказать давление на Николая II и его правительство. Керенский назвал это детище Милюкова "новым прогрессивным блоком". Следует напомнить, что до Государственного совещания в Москве состоялось "совещание общественных деятелей", которое составляли, в основном, кадеты, а также некоторые более правые деятели вроде Родзянко и Шульгина. Впоследствии Керенский обвинял кадетов, и в особенности Милюкова, в том, что они поддерживали безумное предприятие Корнилова. Он особенно негодовал на то, что кадеты – члены его правительства, зная о готовящемся мятеже, не предупредили его заранее. Именно поэтому, объяснял он, приход В.Н.Львова с "ультиматумом" Корнилова застал его врасплох. Милюков опровергал обвинения Керенского, утверждая, что ни он, ни какой-либо другой кадетский деятель не были сторонниками идеи государственного переворота, завершающегося военной диктатурой. Он оправдывал

скрытность своих коллег, указывая, что сам Керенский держал министров в неведении относительно своей политики и правил страной при участии лишь двух министров (бывших кадетов Некрасова и Терещенко). Он признавал, что на тайном совещании общественных деятелей, собравшихся на квартире у видного кадета Кишкина, действительно состоялась встреча с офицерами, посланными Корниловым, и был выслушан доклад одного из них – кап. Роженко. Участники совещания, заявил Милюков, убеждали офицеров не пускаться на сомнительное политическое мероприятие.

Очевидно, однако, что кадеты должны были сочувственно относиться к безотлагательным намерениям Корнилова: прекратить распадение структуры государственного аппарата и вооруженных сил и использовать все средства убеждения, чтобы правительство приняло его программу. Согласно ген. Деникину, один из посланцев Корнилова, полк. Новосильцев, после совещания беседовал с его участником В. А. Маклаковым, который сказал:

> Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, а особенно М-ъ. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...[6]

Милюков категорически отрицал оба обвинения в адрес кадетов – что они оказали всю возможную поддержку приехавшим от Корнилова офицерам и что их поведение было трусливым и двуличным. Его столкновение с Керенским было вызвано публикацией воспоминаний Деникина (за 15 лет до интервью Вакара с финансовыми деятелями).

Автору удалось получить доступ к письму Маклакова, написанному Милюкову в ответ на его попытки самооправдания. Этот документ нигде не публиковался, и Милюков никогда на него не ссылался. Он содержит осторожное и умное объяснение того, что произошло на квартире у Кишкина во время совещания общественных деятелей. Ниже приводятся наиболее существенные отрывки этого письма:

> Я помню свой горячий разговор, а вернее разговоры с Новосильцевым после того заседания у Н. М. Кишкина во время Государственного совещания, когда приехавшие от Корнилова офицеры имели беседу с рядом общественных деятелей (не партийных, ибо там был[и] и М. В. Родзянко, и В. Шульгин) о возможном и даже неизбежном выступлении Корнилова; я неотчетливо помню, был ли вместе с ними и Новосильцев; но, если его там и не было, то все делалось с его ведома и при его

участии; поэтому немедленно после этого заседания у меня был с ним разговор о том, что там происходило; повторяю, что не помню только, судил ли он об этом заседании по своим *личным* впечатлениям, или по рассказам своих товарищей офицеров. Я был поражен и испуган тем общим впечатлением, которое посланцы Корнилова вынесли из этого собрания; это впечатление было, что "общественные деятели" им сочувствуют и их поддерживают. Помню, что я очень резко упрекнул Новосильцева в том, что эти посланцы, сознательно или бессознательно, ведут двойную игру: говорят нам, что дело уже *решено*, что выбора нет, в то время, когда еще ничего не решено, а затем сообщают Корнилову наше отношение к *свершившемуся факту*, под видом отношения к самому *проекту*. Я говорил Новосильцеву, что такой политикой они одинаково обманывают и ту и другую сторону. Но вместе с тем я не могу не признать, и это мое впечатление осталось у меня и поныне, что самые общественные деятели поддались на эту удочку и не отнеслись к зондированию почвы Корниловым с тем резким осуждением, которое было необходимо, если бы мы *хотели* во что бы то ни стало *ему помешать*; продолжаю думать, что если бы тогда на этом совещании мы сказали, что предприятие безнадежно и погубит армию, то и Корнилов с ним может быть не поторопился бы и выход из тупика был бы еще возможен. Эту позицию "общественных деятелей",[7] которая укрепила посланцев в том, что они встретят сочувствие и даже содействие,[8] я в то время очень резко называл Новосильцеву провокацией, конечно бессознательной, чем она и отличалась от позиции Савинкова и других активных деятелей переворота. Эти мои слова Новосильцеву и могли дойти до Деникина, может быть раньше дошли и до Корнилова; в них я нисколько не раскаиваюсь, потому что в это время я считал своим долгом рассеивать те иллюзии, которые наше, т.е. общественных деятелей, поведение могло поселить в голове Корнилова. Говорил ли я Новосильцеву "особенно Милюков", не помню; но, если бы такая фраза была когда-либо мною сказана, то могла бы относиться исключительно к тем словам, которые вы говорили на этом заседании у Кишкина. (. . .)

Но, что я очень отчетливо помню, это то, что Вашу позицию на этом заседании Новосильцев и его друзья противополагали моей. Противоположение было нисколько не в оценке цели

Корнилова, а только во взгляде на осуществимость его плана. И я слишком хорошо помню это заседание, чтобы этому противоположению не удивляться. Я относился к плану Корнилова как к *плану* и доказывал, что из него ничего хорошего не выйдет; Вы же с первых слов отвели такой способ обсуждения, сказав, что нам приходится считаться не с *планом*, который можно было бы оставить, а с свершившимся фактом, которого избежать нельзя и к которому нужно установить только правильное отношение. Более того, Вы, в отличие от меня, допускали, что этот план *может* увенчаться успехом; в последних двух строчках страницы 40-ой книги Деникина я прочел тот самый аргумент, который лично Вы изложили тогда на заседании. Ваши суждения на этом заседании были для меня типичным образчиком тех последствий, к которым приводила двойная политика офицеров. Ваши суждения были предрешены тем, что Вы считали выступление Корнилова делом уже решенным; раз это было так, то Вы считали своим долгом относиться к нему сочувственно, потому что допускали его успех. Но высказанные с такими оговорками суждения передавались Корнилову, как самостоятельные и свободные суждения и воскрыляли его надежды. Я не отрицаю того, что впоследствии Вы *другими* путями могли влиять на Корнилова в другом направлении; но в тот момент, и на этом заседании, поведение *всех нас*, общественных деятелей, а в том числе и Ваше, и Ваше особенно, так как в глазах офицеров за Вами, конечно, стояла партия, могло провоцировать Корнилова на то решение, которое было принято им гораздо позже. После самого переворота я не имел случая уже видеть Новосильцева; не знаю, когда и в какой форме были доведены до сведения его или Деникина мои слова; когда они передаются через пять лет, переходя через многие инстанции, в них трудно искать полной точности. Но повторяю, мне достаточно вспомнить это время, чтобы сказать наверное, чего я *не* говорил и знать, что в той или иной форме я сказать, особенно Новосильцеву, как человеку одинаково близкому мне и Вам, я имел право.[9]

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 11

1. Автор помнит, что когда он пригласил Керенского в одну из известных европейских гостиниц и администратор принес книгу посетителей, Керенский в графе "профессия" – не без самодовольства – написал "бывший премьер-министр России". Бедный администратор засомневался, в здравом ли уме этот пожилой господин, посетивший гостиницу.
2. "Последние Новости" (Париж), 20–24 января, 27 февраля 1937 и др.
3. "Последние Новости ", 20 января 1937.
4. Керенский ссылался на интервью Вакара с Финисовым в своей статье в "Новом Русском Слове" (Нью-Йорк), 12 августа 1956. В письме, опубликованном в печати, Сидорин признавался в том, что посетил Алексеева.
5. См. главу 9.
6. А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Т.2: Борьба Генерала Корнилова. Август 1917г. – Апрель 1918г. Париж, 1922, стр.31. Каждому читателю было ясно, что под сокращением "М-ъ" кроется Милюков.
7. Подстрочное примечание Маклакова: "а вовсе не кадетской партии, о которой не было речи".
8. Подстрочное примечание Маклакова: "ожидание, которое питалось и телеграммами Корнилова и его встречей в Москве и т.д.".
9. Публикуется с фотокопии письма на 5 страницах от 24 января 1923г. Письмо напечатано на машинке, с пометками от руки и подписью Маклакова. Первая страница – бланк "Российского Посольства в Париже".

Глава 12

ПОСЛЕДНИЙ ОГЛЯД

Факты или псевдофакты, которые были приведены в предыдущих главах, должны помочь нам ответить на основной вопрос: действительно ли существовал заговор, целью которого было свержение Времённого правительства? Чтобы ответить на этот вопрос, следует учитывать совершенно особое положение, в котором тогда находилась Россия. Для начала следует решить, в какой мере была законной власть, сосредоточенная в руках Временного правительства. Приступая к исполнению своих обязанностей, оно официально отклонило предложения последнего русского императора принять власть от него. Хотя Временное правительство признавало законным отречение Николая II, оно утверждало, что возникло в результате развития революционного движения в столице и во всей стране, а не из-за назначения кн. Львова министром-председателем. В заявлении вел. кн. Михаила Александровича об условном отказе от престола указывалось, что Временное правительство было создано по инициативе Государственной Думы. Но перерыв в работе Государственной Думы наступил как раз перед тем, как разразилась революция, таким образом, официального заседания, на котором могло было быть принято решение о создании Временного правительства, никогда не было.

Члены первого Временного правительства, за исключением одного Керенского, были либеральными политиками, вполне готовыми управлять страной в рамках подлинной конституционной монархии и работать в правительстве, ответственном перед парламентом, выбранном более или менее общим голосованием. Они должны были чувствовать, что являются, по их же собственным критериям, не более, чем горсточкой

узурпаторов. Единственным оправданием их нахождения у власти могло служить лишь сознание временного характера их правления. Пока не созвано Учредительное собрание, им нужно управлять страной, учитывая, по мере возможности, надежды и чаяния революционных масс, почти единодушной поддержкой которых они пользовались в первые дни революции. Народный энтузиазм, выразившийся в распущенном и обманчивом революционном жаргоне, довольно быстро иссяк, и братание различных сословий быстро сменилось первыми раскатами классовой войны. Петроградский Совет, состоящий из делегатов, выбранных рабочими заводов столицы и частями местного гарнизона, претендовал на право контроля над политическими решениями Временного правительства. Он потребовал денежного ассигнования из государственных средств[1] и пригрозил революционными действиями, если правительство не будет соблюдать тех свобод, которые оно провозгласило в своих первых заявлениях.

Члены Временного правительства были вполне готовы удовлетворить требования Совета, за исключением одного лишь пункта: они желали, чтобы военные усилия страны, в сотрудничестве с союзниками, продолжались до победы. Совет же, многие из ведущих членов которого открыто или тайно соглашались с пораженческими резолюциями Циммервальдской и Кинтальской конференций,[2] стремился к тому, чтобы мир был подписан при первой возможности, и побуждал народные массы оказывать давление на правительство, дабы заставить его отказаться от экспансионистских целей войны. 13 марта Совет опубликовал воззвание "к народам всего мира" (см. гл. 1) и потребовал, чтобы правительство под ним подписалось. Из-за того, что это предложение было встречено без энтузиазма, а ноты министра иностранных дел Милюкова союзникам расценивались Советом слишком "дипломатическими" (то есть, двуличными), и произошли первые столкновения между Временным правительством и Петроградским Советом. Конфликт был улажен лишь после отставки Милюкова и военного министра Гучкова и введения в правительство некоторых умеренных членов Совета, например, Церетели. Первое коалиционное правительство оказалось особенно слабым, так как его министры отвечали за принятые ими решения перед политическими группировками, которые поддержали их назначение. Таким образом, министры-социалисты должны были отчитываться перед Советом, другие перед различными фракциями Государственной Думы — практически отмирающего государственного института. Совместное принятие решений стало поэтому чрезвычайно затруднительным.

"Апрельский кризис", как обычно называют беспорядки, приведшие к образованию первой коалиции, имел другие важные последствия. Министерство внутренних дел, под временным руководством самого кн. Львова, упразднило Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов, вызвав тем самым разлив анархии по всей стране. Когда рабочие, под влиянием уже хорошо налаженной машины большевистской пропаганды, двинулись к центру города, Исполнительный Комитет Петроградского Совета послал на заводы и к толпам демонстрантов своих делегатов, убеждавших прекратить предпринятые действия. В то же время Временное правительство попросило командующего Петроградским военным округом ген. Корнилова принять меры для защиты столицы. Корнилов вывел на улицы полевую артиллерию и применил различные приемы, традиционно используемые в России для запугивания мятежных толп. Представители гарнизона в Совете, и весь Совет целиком, отнеслись к этим мерам, как к нарушению одного из "завоеваний революции" – права на демонстрации. Совет потребовал, чтобы без предварительной консультации с ним не выводить войск на улицы. Он также потребовал, чтобы при штабе Петроградского округа состояли его представители. Временное правительство, которое видело свое спасение в том, что в составе первой коалиции есть представители Совета, ничего не сделало для укрепления авторитета Корнилова и послало его, по его собственной просьбе, командовать 8-й армией на Юго-Западном фронте.

Служба в Петрограде в течение двух месяцев на должности командующего военным округом раскрыла Корнилову глаза на некоторые аспекты жизни в России, о которых он до того времени знал мало. Он сделал попытку создать себе репутацию сторонника революции: он, например, согласился поехать по просьбе Временного правительства в Царское Село и передать императрице, что она находится под домашним арестом. Не считая себя оратором, он оставил Керенскому роль русского Мирабо. Он вполне сознавал, что петроградские войска, которые приняли участие в февральском перевороте, не представляли собой всей русской армии. Хотя о его отношениях с военным министром Гучковым известно не много, можно предположить, что они не были особенно дружескими, если учесть их очень различные характеры. Когда Временное правительство, чтобы успокоить Совет, в решающий момент избавилось от Корнилова, он испытал, конечно, определенную горечь, но почувствовал и облегчение от того, что бросает политику и возвращается к своим военным обязанностям.

Но возвращение Корнилова на фронт принесло ему сплошные разочарования. Наплыв бесчисленных пропагандистов, посланных Петроградским Советом, возникновение в каждой части солдатских комитетов и создание

в каждом городе за линией фронта местных советов солдатских и рабочих депутатов, – все это привело к радикальным изменениям в отношениях между солдатами и офицерами. Создание солдатских комитетов, ответственных за снабжение различных военных частей, было разрешено правительством и проведено по приказанию Ставки. Но эти комитеты очень быстро превратились в пустые словопрения и стали вмешиваться в приказания офицеров и обсуждать распоряжения, принимаемые командирами. Резко участились случаи дезертирства. Солдаты знали, что их присяга Государю была отменена его отречением. Но так как правительство не смогло договориться со Ставкой об окончательном тексте, многие части вообще не присягали Временному правительству. На повестке дня было братание с врагом, и к нему призывали большевистские органы печати, как "Солдатская правда" или "Окопная правда", широко распространяемые среди фронтовых войск. Этой пропагандой руководил "Иногородний отдел" Петроградского Совета, где влияние большевиков было преобладающим. К общей неразберихе надо прибавить агитацию украинцев за объединение их в части, могущие стать ядром будущей украинской армии. Не один Корнилов был возмущен правительством, не принимающим никаких мер, чтобы остановить быстрый развал армии. Некоторые офицеры, правда, стремились увеличить свою популярность у солдат, играя активную роль в революционных комитетах и пытаясь ввести форму дисциплины, основанную на добровольном сотрудничестве, а не на слепом послушании. Но большинство из них вошло в Союз офицеров армии и флота, основанный под покровительством ген. Алексеева, главной целью которого было восстановление дисциплины в армии.

Когда Керенский наконец решил, что настало время перейти в наступление и показать миру, что русские войска еще способны воевать, многие начальники стали посылать в Ставку телеграммы с предупреждением, что при нынешнем состоянии армии предполагаемое наступление окончится катастрофой. Хотя Корнилов явно разделял эти опасения, он, по мере сил, исполнял данные ему приказания. Назначенный главнокомандующим Юго-Западного фронта, после германского прорыва у Тарнополя он под свою ответственность приказал расстреливать или вешать дезертиров и мародеров, одновременно настаивая на том, что правительство должно учредить военно-полевые суды и смертную казнь за неповиновение во фронтовой полосе. С его стороны это не было ни жаждой крови, ни жаждой мести. В записке, хранящейся в архиве ген. Врангеля,[3] Корнилов указывает, что для него жизнь русского солдата – священна и что он прибегает к суровым мерам только из-за крайней необходимости; к тому же наиболее тяжкие наказания, в том числе и смертная казнь, должны

выноситься лишь военно-полевыми судами, учрежденными по всем правилам. По этому вопросу тон обращений Корнилова был более чем решительный, и если позже его обвиняли в предъявлении ультиматумов несправедливо, в данном случае его просьбы носили именно ультимативный характер. Корнилова полностью поддержал новый Верховный Главнокомандующий, заменивший Алексеева ген. Брусилов, а также недавно назначенный товарищ военного министра – Керенского – Савинков.

Увольнение Брусилова и назначение Корнилова оказались полным сюрпризом для обоих генералов. Впервые у Корнилова появилась не только возможность, но и обязанность высказаться о разложении армии и принять меры для борьбы с ним. Он сформулировал три условия (см. главу 3), необходимые для восстановления власти верховного главнокомандования, так сильно пострадавшей при его предшественниках Алексееве и Брусилове. Принятие выдвинутых им требований он поставил условием своего соглашения на предложенную ему должность. Керенский был в бешенстве. Надо признать, что требования Корнилова ("ответственность перед собственной совестью и всем народом") шли так далеко, что их принятие создало бы конституционную аномалию: Верховный Главнокомандующий тогда бы не подчинялся правительству. Этот конфликт, как мы видели, был разрешен искусным юристом Филоненко, но за ним последовал новый, когда правительство назначило взамен Корнилова на Юго-Западном фронте ген. Черемисова, тогда как сам Корнилов выбрал для этой должности ген. Балуева. Этот эпизод показал, или должен был бы показать Керенскому, что в Корнилове он имеет не слепого исполнителя своих политических планов, а соперника в нахождении методов для восстановления боеспособности армии и порядка в стране.

Корнилов пользовался одобрением и поддержкой не только со стороны наиболее правых министров правительства Керенского, но также и товарища военного министра Савинкова. Сразу же по приезде в Ставку Корнилов с помощью небольших офицерских комитетов приступил к разработке ряда законопроектов, которые должны были отразиться на фактическом положении армии и, вследствие этого, на экономическом и политическом устройстве всей страны. Такая деятельность не могла строиться как конспиративная. С самого начала Корнилов совершенно ясно указал правительству, что собирался выдвинуть некоторые предложения, которые, если они будут проведены в жизнь, позволят довести войну до победного конца. Среди этих мер было введение суровых наказаний, включая смертную казнь, за мятеж и неповиновение или побуждение к ним путем агитации и пропаганды. Корнилов и правительство

понимали, что большевики и наиболее левые члены Совета будут всеми силами сопротивляться этим мерам, особенно в столице, где одновременно находились первый – Петроградский – революционный совет и ВЦИК, представляющий все советы страны. В связи с этим было вполне естественно, что Корнилов, приказывая войскам, которые он считал надежными, идти на Петроград, принимал необходимые меры, чтобы защитить правительство от враждебных действий большевиков (и, возможно, Совета) в случае принятия политических и экономических мер, которые он собирался предложить Керенскому. Керенский же, в своих многочисленных самооправданиях, указывал на совершенно секретное движение войск на столицу как на подтверждение заговора, зародившегося еще в июле 1917 года. Как мы видели, его выводы совершенно неоправданы. Каким бы тайным ни было движение войск, Филоненко, правительственный комиссар в Ставке, очевидно, должен был о нем знать и думал, что оно отвечает интересам правительства.

Отозванный в Петроград ген. Черемисов находился "в распоряжении правительства". Он начал агитацию против Корнилова в кругах советов, предупреждая, что генерал стремится отменить некоторые свободы и права ("завоевания революции"), как например, свобода слова и собраний или право на забастовку железнодорожников и рабочих военной промышленности. 3 августа Корнилов был готов представить правительству проект программы широких реформ, который он приготовил. В главе 4 мы изложили обстоятельства его первой встречи с Керенским и видели, что этот проект не обсуждался на последующем заседании правительства, но был передан Савинкову для дальнейшей разработки. Керенский начал с Корниловым игру в кошки-мышки. Хотя он сказал, что не цепляется за власть любой ценой, он упрекнул Корнилова за повелительный тон некоторых его заявлений правительству, приравнивая их к ультиматумам. Корнилов ответил, что эти так называемые ультиматумы были обоснованы не личными соображениями, но тем чрезвычайно тяжелым положением, в котором находилась страна. Корнилова предупредили о том, что не следует посвящать в свои намерения все правительство в целом. Ему сказали, что некоторым министрам нельзя доверять военные тайны и даже раскрывать перед ними в общих чертах ситуацию на фронте, опасаясь возможной утечки информации к немцам. Его отношения с Керенским оставались прохладными и он не получил гарантии в том, что предлагаемые им меры будут быстро проведены. Корнилов покинул столицу в тот же день, глубоко неудовлетворенный.

Филоненко, который ездил с Корниловым в Петроград, не вернулся в Ставку, а остался в столице, чтобы помочь Савинкову выработать закон о смертной казни. Его заместитель – Фонвизин – временно исполнял обязанности правительственного комиссара в Могилеве. Роль его, по имеющимся источникам, не вполне ясна, но, вероятно, он передал Корнилову слухи о том, что правительством (или, вернее, Керенским, действующим тогда фактически как диктатор при поддержке Терещенко и Некрасова) уже решено освободить его от должности Верховного Главнокомандующего и что Совет решительно выступает против него. 9 августа Савинков и Филоненко попросили Корнилова срочно приехать к ним в Петроград, чтобы обратиться к правительству. Когда пришла телеграмма Керенского, отменяющая этот приезд, Корнилов был уже в пути.

Вторая встреча Корнилова с Керенским еще менее удовлетворила генерала, чем первая. По причинам, которые ему не были сообщены, не было созвано заседания правительства. Вместо него Корнилову была устроена встреча с "триумвиратом", на которой ему было очень вежливо дано понять, что такие меры как милитаризация железных дорог и военной промышленности должны оставаться в ведении компетентных государственных служб и что введение смертной казни будет должным образом рассматриваться всем правительством. Так как Савинков не был приглашен на эти переговоры с Керенским, Некрасовым и Терешенко, Корнилов с ним встретился позже, в частном порядке. Теперь его худшие подозрения оправдывались: ему сознательно не дали встретиться с большинством министров и ничего не было сделано, чтобы ускорить принятие его предложений. К тому же Савинков сказал, что его собственные отношения с Керенским испортились до такой степени, что ему, возможно, придется уйти. Сведения о том, что он действительно подал в отставку, были получены Корниловым на обратном пути в Могилев. Приехав в Ставку, Корнилов послал Керенскому телеграмму, в которой сообщал о нежелательности ухода Савинкова.

Примерно день спустя министр транспорта – кадет П.П.Юренев – приехал в Ставку с приглашением для Корнилова на всероссийское Государственное совещание в Москве, организованное Керенским в надежде демонстрированием народного единства получить поддержку для правительства. Несмотря на критическое положение на фронте, Корнилов решил поехать. В Москве на вокзале его приветствовал ряд патриотических организаций и в порыве энтузиазма понесли к машине на руках. Сперва он поехал помолиться у Иверской иконы Божьей Матери, как до него в течение веков поступали бесчисленные посетители

первопрестольной, от русских царей до простых крестьян. Москва приняла его как национального героя, спасителя отечества. Дамы с букетами цветов становились перед ним на колени. Одни лишь служащие московских трамваев не участвовали в ликовании: большевики их убедили объявить забастовку. Вернувшись в свой вагон и собираясь выехать на совещание в Большой театр, Корнилов был оповещен представителем правительства, что, в конечном счете, ему не надо выступать с речью, так как военное положение было уже исчерпывающе обрисовано министрами. Он попросил, чтобы его соединили по телефону с Керенским, и сказал ему, что помешать ему обратиться с речью к собранию, на котором присутствовали представители всей страны, не удастся. Корнилов позже не мог вспомнить, дал ли ему на это Керенский определенный ответ. Подробное описание событий в Большом театре дано в главе 4. Корнилов покинул совещание сразу же после произнесения своей речи и, таким образом, не слышал истерических заключительных разглагольствований Керенского. С Керенским он встретился лишь в шумных кулуарах театра и не имел с ним настоящего разговора.

Корнилов приезжал в Москву не один. До него приехал ряд его ближайших сотрудников. Они имели продолжительные разговоры с общественными деятелями правого направления и объясняли им необходимость перемен в составе правительства, так же как и в его политическом направлении. Они намекали, что, если потребуется, эти перемены могут принять форму переворота, поддержанного военной силой, просили у общественных деятелей безоговорочной поддержки, объявляя себя вполне готовыми к борьбе с большевиками и советами, когда настанет в этом необходимость. Некоторые политики, и среди них Милюков, встречались с Корниловым в частном порядке после его выступления на совещании, встречались с ним также представители промышленных и финансовых кругов. Позже Милюков приписывал себе предостережение Корнилову против попытки военного переворота и против доверчивого отношения к таким авантюристам как Аладьин (русский эмигрант в британской форме, патриотизм которого и знание мировой политической обстановки произвели на генерала сильное впечатление). Но высказываниям Милюкова решительно противоречит письмо, которое ему написал Маклаков 24 января 1923 г. Оно содержит рассказ о том, что действительно произошло во время тайных переговоров. Посланцы Корнилова, пишет Маклаков, говорили с общественными деятелями так, как будто уже был готов план действий и они хотели получить от них заверения, что Корнилову будет обеспечена поддержка широких общественных кругов. Их выслушали вполне доброжелательно и у них

осталось впечатление, что, когда переворот начнется, они смогут рассчитывать на поддержку со стороны общественных и финансовых деятелей. Маклаков пишет, что он, лично, совсем не хотел оставлять подобного впечатления.

Отношение Корнилова к революционным преобразованиям в России было гораздо менее отрицательным, чем отношение многих его более молодых сторонников в Ставке. Но нерешительность Керенского, его уклончивость и откровенная неучтивость в высшей степени раздражали Корнилова. Из письма Маклакова Милюкову ясно, что после московского Государственного совещания влияние Союза офицеров на решения, принимаемые Корниловым чрезвычайно возросло. Но генерал был сторонником строгого соблюдения дисциплины и никоим образом не согласился бы предоставить своим подчиненным право принимать ответственные решения. Таким образом, как правильно указывает Маклаков, план свержения правительства, вероятно, существовал, но Верховный Главнокомандующий не давал на него своего согласия.

Вернувшись в Ставку 16 августа, Корнилов снова телеграфировал Керенскому, умоляя его ускорить утверждение законопроектов, выработанных при его участии, тем более, что теперь их содержание было подробно известно каждому, кто читал его речь на Государственном совещании или видел отчеты о ней в печати. Если бы Корнилов уже решился на прямые действия, на что очевидно надеялись некоторые его подчиненные, эта телеграмма была бы не только бесполезной, но и определенно вредной для его планов. Как бы то ни было, ясно, что он рассматривал Временное правительство с колеблющимся министром-председателем Керенским, подозрительным министром земледелия Черновым и совершенно несостоятельным министром внутренних дел Авксентьевым, как гибельное для России и считал, что оно требует радикальной реорганизации. Это Корнилов и высказал Савинкову, который, взяв свою отставку назад, 22 августа приехал в Ставку.

Как же произошло это последнее, судьбоносное посещение Савинковым Ставки? Керенский вернулся в Петроград с московского Государственного совещания в угнетенном душевном состоянии и с разрушенными надеждами. Он принял Савинкова (который не участвовал в совещании) 17 августа и осыпал его упреками, обвиняя в саботировании этого мероприятия. Он весь кипел от гнева из-за речи Корнилова, столь очевидно расходящейся с политической линией, которой он решил следовать. Савинков ему сообщил, что если бы его попросили написать речь Корнилова, он бы ее составил ровно в тех же выражениях. Он считал совершенно реальной возможность достижения компромисса между Корниловым и Керенским,

если последний подпишет законопроект о смертной казни. После некоторых колебаний Керенский согласился поставить свою подпись, при условии, что Савинков сам обратится к Корнилову, чтобы достичь примирения между ним и генералом. Под предлогом посещения совещания, созванного в Ставке для определения функций солдатских комитетов и правительственных комиссаров, Савинков выехал в Могилев 22 августа. Трудно не поддаться впечатлению, что разговоры Савинкова в Ставке были чем-то вроде зеркального отражения его разговоров с Керенским 17 августа. Подобно тому, как тогда Керенский начал разговор резкими нападками на Корнилова, а в конечном счете дал Савинкову указание вести с ним дальнейшие переговоры и принял законопроект о смертной казни, теперь Корнилов начал разговор с нападок на Керенского и его правительство, а закончил соображением, что трудно себе представить правительство без Керенского.

Правда, причины примирительного отношения Корнилова легче понять, чем причины подобного отношения Керенского. Введение смертной казни должно было искоренить наиболее пагубные явления, связанные с революционной ситуацией в России. Другими словами, оно должно было положить конец подрывной и пораженческой пропаганде большевиков. К тому же Корнилов понимал, что участие Керенского обеспечит новому правительству широкую народную поддержку, так как он представлял собой естественное связующее звено между умеренными "буржуазными" политиками и правыми социалистами. Когда Савинков и Барановский согласились с тем, что любая мятежная деятельность в столице должна быть безжалостно пресечена действиями 3-го конного корпуса, Корнилов почувствовал, что выиграл первый раунд. Следует добавить, что Савинков уверил его, что Керенский может стать первым президентом Российской республики и что он, Савинков, будет это приветствовать. Корнилов не обсуждал с Савинковым возможные изменения в составе правительства, но затронул вопрос о личности Керенского. Он сообщил Савинкову, что каким бы ни было его личное мнение о характере Керенского, что бы он ни думал о его политической деятельности, он обещает ему помощь и сотрудничество.

Описания этой встречи, данные Савинковым и Корниловым, расходятся по двум довольно второстепенным вопросам. Первый касается просьбы Савинкова Корнилову не поручать руководство военными операциями в Петрограде Крымову; на эту просьбу, согласно Савинкову, генерал дал свое согласие. А когда Савинков заговорил с Корниловым о другом возможном кандидате, тот ответил, что хотя Керенский имеет право возражать против назначения им того или иного начальника, он не может

его заставить назначить своего собственного кандидата. Савинков примирительно ответил, что речь не идет об оказании Керенским давления, а о простой просьбе. Согласно же Корнилову, он вообще не ответил на возражения Савинкова против назначения Крымова и весь вопрос остался нерешенным. Другая неясность в их рассказах касается использования Дикой дивизии в помощь 3-му конному корпусу. Здесь и Савинков и Корнилов отмечают, что генерал обещал посмотреть, что он может сделать. На самом деле, Корнилов здесь был не совсем искренен. Он прекрасно знал, из каких сил составлены войска Крымова, и вполне сознавал, что такую ценную по ее решимости часть, как Дикая дивизия, нельзя в последнюю минуту устранить без ущерба для всей задуманной операции. Они договорились, что Корнилов пошлет Савинкову телеграмму, что только 3-й конный корпус развернется на подступах к Петрограду. Филоненко, который 22-го выехал в Ставку вместе с Савинковым, остался в Могилеве, чтобы осуществлять связь между Ставкой и военным министерством в столице.

Переговоры с Савинковым, Барановским и другими привели, таким образом, к более или менее удовлетворительному соглашению относительно военной операции, которая должна была последовать за провозглашением Керенским закона о смертной казни. Вопрос о перекройке правительства (которая казалась вероятной, даже неизбежной, после провозглашения новых законов и окончания петроградской военной операции) даже не обсуждался во время этих переговоров. Савинков, человек, стоявший в стороне от русского политического мира, мог показаться Корнилову некомпетентным в вопросе о создании нового правительства. Но Корнилов считал необходимым приступить к переговорам на эти темы и ожидал их начала в любое время. Это время вскоре наступило.

Едва Савинков уехал, как в кабинет к Корнилову явился В.Н.Львов с известием, что он приехал прямо от министра-председателя с делом первостепенной важности. Так как было уже поздно, Корнилов отложил его прием до следующего утра. Выше мы рассматривали путаные и противоречивые описания Львовым встречи с Корниловым. Учитывая несколько переменчивый характер этого бывшего обер-прокурора Святейшего Синода, посвятившего при большевиках свои таланты делу антирелигиозной пропаганды, мы должны считать большинство его утверждений не заслуживающими особого доверия, если их не подтверждают независимые и надежные источники. Рассказ самого Корнилова об их разговоре – простой и откровенный и, что еще важнее, он был записан до того, как генерал узнал о невероятных излияниях Львова

во время встречи с Керенским 26 августа. Предложения, которые привез с собой в Ставку Львов, были фактическим результатом его пустых разговоров с некоторыми московскими друзьями и, возможно, с его братом, членом Государственной Думы Н.Н. Львовым. Вместо того чтобы представить Корнилову простой и ясный план, Львов предложил ему три отдельные возможности: новое правительство, составленное Керенским, установление директории из четырех человек, включающей Корнилова, или военная диктатура, возглавляемая Верховным Главнокомандующим. Корнилов предпочел последний вариант, но сказал, что Керенский и Савинков должны участвовать в правительстве. Позже, когда Львов ушел, Корнилов как будто скорее склонился к установлению директории,[5] которая включила бы и некоторых социалистов. Лукомский, начальник штаба Корнилова, которому он рассказал о своих переговорах с Львовым, высказал сомнение относительно психической уравновешенности бывшего обер-прокурора. Но Корнилов, по своей обычной доверчивости и из уважения к политикам с хорошими манерами, отклонил доводы Лукомского как преувеличенные. Львов вернулся в Петроград 26 августа и в тот же вечер встретился с Керенским. Последовал знаменитый разговор по прямому проводу между Керенским и Корниловым. Этот разговор, хотя и был чреват самыми различными недоразумениями, окончился вполне дружелюбно, и Керенский заверил генерала, что он с Савинковым приедет в Ставку 28 августа для дальнейших переговоров. Все, видимо, было улажено. Но в действительности трагические события только начинались.

Корнилов уже пригласил ряд видных деятелей приехать 28 августа в Могилев, чтобы обсудить положение. Некоторые из них (как Маклаков, Родзянко и Терещенко) были уже в пути. Большевистское восстание не ожидалось ранее 1 или 2 сентября, и к этому времени новое правительство Керенского–Корнилова должно было бы быть составлено. Львов, в своих статьях 1920 года, писал, что в обсуждение состава нового правительства были также вовлечены и некоторые офицеры из окружения Корнилова. Он называл Родионова, Пронина, Аладьина (с которым Корнилов был едва знаком) и других членов Союза офицеров. От некоторых из них Львов выяснил, до какой степени они ненавидят Керенского. Один ему даже сказал, что они собираются повесить Керенского на ближайшем фонарном столбе. На министерские должности, заявляет Львов, офицеры выдвигали совершенно неподходящих кандидатов. Трудно судить, в какой пропорции подобная пустая и злобная болтовня перемешалась в беспорядочном уме Львова с вещами, о которых он действительно говорил с Корниловым. Он, вероятно, пересказал значительное количество

подобного вздора Керенскому, особенно упирая на опасность, которая грозит министру-председателю, если он лично появится в Могилев. Но Львов не советовал ему сопротивляться и спасать Россию от заговора, якобы готовящегося в Ставке, а рекомендовал спрятаться на время где-нибудь в глуши и таким образом предоставить место своему мнимому врагу – Корнилову.

Такого рода высказывания (не говоря уже о неоднократных попытках Львова запугать Керенского) наводят на подозрение, что вся "интрига Львова", рожденная в мутной воде деятельности третьеразрядных московских политиков, была основана на желании личной мести. Психически неуравновешенный Львов не мог простить Керенскому своего увольнения с должности обер-прокурора Святейшего Синода. Эти соображения, разумеется, чисто предположительные, и нам затруднительно объяснить, почему Керенский вошел до такой степени в игру Львова, что принял его всерьез. Он даже не побеспокоился проверить заявления Львова на предмет возможных противоречий и несостоятельных утверждений. Наоборот, он подстрекал его все более развивать свои россказни и зафиксировать их в письменном виде. Сам же Львов, как только давление на него немного уменьшилось, почувствовал необходимость сбавить тон по отношению к ранее им сказанному. Он заявил, что не передавал ультиматума и не мог бы таковой передать. Он только передал Керенскому ряд предложений для совместных действий всех ответственных политических деятелей, не исключая социалистов (им были названы Плеханов, Аргунов и Пешехонов), с целью установления твердой, авторитетной власти. (Почему же передача его собственных соображений на этот счет была сочтена изменническим поступком со стороны главнокомандующего российскими вооруженными силами? Почему не имел он права выслать военную часть в распоряжение Временного правительства на случай, если его предложения относительно состава правительства будут приняты?).

Маловероятно, что Львов пришел слишком поздно, чтобы присутствовать при разговоре по прямому проводу между Керенским и Корниловым, лишь из-за своей непунктуальности. Нет. Он, должно быть, боялся, что во время их разговора бесстыдные выдумки, которые он состряпал этим вечером в Зимнем дворце (не без некоторого участия Керенского) всплывут на поверхность и приведут его в замешательство. Трудно также увидеть смысл в утверждении Керенского, что в его разговоре с генералом применялся своеобразный код, о котором не было предварительной договоренности, но который оба легко понимали! К разговору по прямому проводу Корнилова вызвал Керенский, не

проверив предварительно ни одного из утверждений Львова. У Корнилова же не было никакой особой причины пускаться в объяснения, раскрывающие тайну того сообщения, которое он, с наивной чистосердечностью, поручил Львову передать Керенскому. Совершенно дружелюбный тон Керенского не мог не утвердить Корнилова в мысли, что он пользуется расположением министра-председателя.

Для Керенского приход к нему Львова, вечером 26 августа, был, должно быть, огромным моральным облегчением. Он никогда не собирался подписывать законопроекта о смертной казни, так как в противном случае ему пришлось бы решительно противостоять негодованию его коллег-социалистов и Совета. К тому же его не покидала мысль о том, что его могут убить. В связи с этим, например, он требовал частой смены охраны помещения, которое он занимал в Зимнем дворце. С появлением Львова возникла совершенно новая ситуация, избавившая его от необходимости объяснять, почему он не будет поддерживать Корнилова и его попытку создать сильную власть. За исключением Филоненко, у Корнилова не было надежных политических советников. Сам он, конечно, политиком не был. Из-за непосредственного вмешательства Керенского он не смог, во время двух посещений Петрограда и короткого пребывания в Москве, установить тесный контакт с другими министрами. Сам Керенский приложил все усилия, чтобы не слишком часто встречаться с генералом, и предоставлял вести переговоры Савинкову, в преданности которого ему лично он справедливо не сомневался. Телеграмма Керенского об увольнении Корнилова оказалась оскорбительной во многих отношениях и может служить хотя бы частичным оправданием резкой реакции генерала.

Но худшее было еще впереди. Керенский убедил Алексеева, что нужно уговорить Корнилова подчиниться правительству мирным путем и избежать таким образом очевидной опасности гражданской войны, и в то же время он благословил поход на Могилев отряда полковника Короткова (хотя впоследствии это систематически отрицал). Об этом отряде Алексеев узнал совершенно случайно, по пути к Могилеву. Он распорядился остановить его движение, к великому прискорбию Керенского, так как вооруженное столкновение в Могилеве укрепило бы правдоподобие фантастической теории о мятеже Корнилова.

На самом деле, один-единственный акт открытого неповиновения Корнилова заключался в его отказе (зная, что другие генералы отклонили предложение принять от него дела) уступить частной просьбе Керенского сдать полномочия. Само по себе это не может рассматриваться не только как мятеж, но даже как доказательство его конспиративной деятельности.

Малопоучительные оскорбления, которыми обменялись обе стороны, исходили вначале от Керенского и Некрасова, а Корнилов только отвечал на них, потому что, не зная о самоубийстве генерала Крымова и дезертирстве его войска, он все еще надеялся оказать давление на правительство.

Другой эпизод, не делающий чести Керенскому, это его вмешательство в работу Следственной комиссии, которую он сам и назначил. Совершенно ясно, что с самого начала симпатии комиссии были на стороне Корнилова и что один из ее членов – Раупах – относился с одобрением не только к общим целям Корнилова, но и к его тактике. Создать кровавый конфликт для подкрепления своей теории о заговоре Керенскому не удалось, главным образом, из-за довольно извилистой дипломатии ген. Алексеева. С самого начала Алексеев уверил Корнилова, что хотя он и принимает верховное командование армией в качестве начальника штаба Керенского, он будет настаивать на проведении реформ, предложенных Корниловым, так как это единственный разумный способ справиться с создавшейся ситуацией. Несмотря на свой страстный характер и честолюбие, Корнилов всегда утверждал, что не настаивает на том, чтобы лично проводить предложенные им реформы. Он безропотно подчинился Алексееву, который его посадил под домашний арест. Корнилов был гораздо более обеспокоен судьбой поддержавших его офицеров, в том числе ген. Деникина, чем своей собственной безопасностью. Он никогда не отказывался от переговоров с политическими деятелями, даже с Керенским, при условии, что последний возьмет обратно оскорбительные выражения, которые он употребил при увольнении Верховного Главнокомандующего. Неудивительно, что Корнилов остался героем в глазах всей патриотической России, тогда как Керенский потерял всю поддержку, которой он еще пользовался со стороны правых, нисколько не увеличив свою популярность среди левых.

С самого начала "февральских дней" поведение Алексеева оставалось загадочным, противоречивым и, в какой-то степени, двойственным. Ему понадобилось не больше недели, чтобы укрепиться в убеждении, что он попал в "цепкие лапы" советов. Осознав это, он сдал должность и вернулся к частной жизни. Но перед этим он написал и раздал различным общественным деятелям длинное письмо, в котором объяснял, что семьи офицеров, убитых или заключенных вследствие выступления Корнилова, находятся в стесненных обстоятельствах и нуждаются в денежной поддержке. Он довольно необдуманно прибавил, что если этого не будет сделано, Корнилову в течение предстоящего процесса придется раскрыть все, что он знает о финансовой поддержке, которая ему была обещана с разных сторон.

Письмо Алексеева просочилось в печать и Керенский немедленно набросился на это дополнительное "доказательство" наличия широкого заговора. С этого дня начались его долгие поиски фактов, подтверждающих существование заговора (сама идея о заговоре внезапно озарила Керенского во время второй его встречи с Львовым). Он начал выдвигать против Корнилова одно за другим самые различные обвинения, обличая его в двуличии, злоупотреблении доверием правительства и так далее. Ничто, даже показания таких свидетелей, которые пользовались его доверием, например, Савинкова, Филоненко или Алексеева, не могло поколебать его обвинений против Корнилова. Но в разговорах на эти темы Керенский не казался собеседникам особенно убежденным в своей правоте. (Автор вспоминает, что однажды он разговаривал с ним приблизительно в течение трех часов. Все аспекты дела были обсуждены в дружеской беседе. Но ни разу Керенский не назвал фамилии Корнилова. Нервно перебирая пальцами, он, казалось, забыл даже, как звали генерала, или был не в состоянии произнести его имя. Иногда он выговаривал "Каледин", но сразу же поправлял себя: "Нет, не Каледин, вы знаете, кого я имею в виду"). Тем не менее, в одной из своих последних статей Керенский вспомнил, что писал еще в предисловии к своей ранней книге "Дело Корнилова":[6]

> Еще хочу сказать о самом ген. Корнилове. Много отрицательного мне пришлось написать о нем. Но я не хочу, чтобы в словах моих увидели больше, чем я хотел сказать, и поэтому считаю долгом своим подчеркнуть, что никогда не сомневался в любви его к Родине.
>
> Я видел, что не в злой воле, а в *малом знании* и в великой политической неопытности причина его поступков, грозивших государству немалыми потрясениями; видел и неоднократно пытался остановить его, подстрекаемого хитроумными ненавистниками свободы и просто политическими проходимцами.
>
> Мне это не удалось... Кем-то было суждено, чтобы человек горячо, по-своему любящий Родину, своими руками подготовил торжество тех, кто ненавидел и презирал ее!

Хотелось бы и нам иметь возможность выразить такие же великодушные чувства по отношению к Керенскому, но сделать это было бы с нашей стороны лицемерием.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 12

1. См.: "Протоколы Заседаний Временного Правительства", 16 марта 1917 (Петроград, 1917), стр. 15.
2. Манифесты этих конференций были хорошо известны русским социалистическим партиям и одобрялись ими. Общий смысл заключался в том, что сами народы воюющих стран должны побудить свои правительства найти способ прекратить военные действия.
3. Архив ген. Врангеля хранится в Гуверовском институте Стенфордского университета (Калифорния).
4. А. Лукомский. Из воспоминаний. "Архив Русской Революции", т. V, Берлин, 1922, стр. 114–115.
5. Там же, стр. 116.
6. А. Ф. Керенский. Дело Корнилова. Москва, 1918, стр. 159–160.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале настоящего труда мы согласились с мнением о том, что выступление Корнилова послужило основанием для победы большевизма в России. Несомненно, что путаница, созданная Керенским и его помощниками, окончившаяся публичным обвинением ген. Корнилова в контрреволюционных действиях и его увольнением, в значительной мере способствовала дезорганизации армии и потере авторитета ее начальников. Эта ситуация также полностью сбила с толку тех умеренных социалистических и либеральных политических деятелей, которые поддерживали Временное правительство. Мы надеемся, что, благодаря нашей попытке распутать клубок противоречивых утверждений о "деле Корнилова", для читателя стало ясно, на ком лежит ответственность за создавшееся положение.

Неоспоримый рост анархии и беспорядка в России не обязательно должен был привести к захвату власти большевиками. В официальную точку зрения советских историков на события 1917 года входит мнение, что так называемый "корниловский мятеж" послужил причиной объединения солдат и пролетарских слоев, обладающих классовым сознанием, в мощную стихийную силу, преданную защите "завоеваний революции". Еще до того как Следственная комиссия и другие учреждения начали распутывать сложные политические нити конфликта, большевистская партия заклеймила попытку Корнилова обновить правительство и восстановить боевую способность армии как контрреволюционные меры, направленные на реставрацию монархии, и как очередную попытку имущих классов закабалить рабочий класс и крестьянство. Такое освещение ситуации было заманчиво даже для относительно умеренных членов Петроградского Совета: по мере того как распространялись слухи о том, что смертная казнь за подрывную деятельность будет применяться по всей стране, они стали поддерживать

большевиков, требовавших ее отмены даже на фронте. Защита революции, как начали считать уже не только одни большевики, но и многие социалисты-революционеры и меньшевики, не могла более оставаться в руках Временного правительства, глава которого подозревался в заключении соглашения с Корниловым. Петроградским Советом был создан особый Комитет защиты революции, который скоро превратился в Военно-революционный комитет, под руководством Троцкого. Он сыграл ключевую роль в захвате власти большевиками в октябре 1917 года.

Среди руководителей большевистской партии не было, однако, полного единства в отношении целей революции. В своей известной статье "Мы требуем", опубликованной 28 августа 1917 года, Сталин, от имени большевистской партии, требовал:

1. Немедленного удаления контрреволюционных генералов в тылу и на фронте, замены их выборными от солдат и офицеров и проведения, вообще, снизу доверху полной демократизации армии.
2. Восстановления революционных солдатских организаций, единственно способных установить демократическую дисциплину в армии.
3. Отмены всех и всяких репрессий, и в первую очередь смертной казни.
4. Немедленной передачи всех помещичьих земель в распоряжение крестьянских Комитетов с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.
5. Законодательного установления 8-часового рабочего дня и организации демократического контроля над фабриками, заводами, банками с преобладанием представителей от рабочих.
6. Полной демократизации финансового хозяйства, в первую голову — беспощадного обложения капиталов и капиталистических имуществ и конфискации скандальных военных барышей.
7. Организации правильного обмена между городом и деревней, с тем, чтобы город получал нужные припасы, а деревня — необходимые товары.
8. Немедленного провозглашения права народов России на самоопределение.
9. Восстановления свобод, декретирования демократической республики и немедленного созыва Учредительного собрания.

10. Отмены тайных договоров с союзниками и предложения условий всеобщего демократического мира.[1]

Напыщенная статья Сталина была бесспорно радикальной, но гораздо менее экстремистской, чем первоочередные задачи, которые выдвигал для большевиков из своего финляндского укрытия Ленин. Он требовал немедленной подготовки вооруженного восстания для свержения Временного правительства и настаивал на установлении "диктатуры пролетариата", то есть социалистической власти в России, как первого этапа на пути к действительному коммунизму. Статьи Ленина, присланные им в Петроград в ЦК партии, казались большевистским руководителям неоправданно резкими и подвергались правке, редактированию, а отчасти и замалчивались. Ленин гневно реагировал на это, грозил выйти из партии и непосредственно обратиться к пролетарским массам столицы. Он соглашался с тем, что большевики должны бороться против Корнилова, но в то же время думал, что они должны четко показать, что не сражаются за Керенского. В действительности же воинские части, находящиеся под влиянием различных комитетов и организаций, возглавляемых большевиками, так и не имели случая сразиться с "корниловскими" войсками. Тем не менее, официальная большевистская версия, беспрестанно повторяемая советскими историками революции, никогда не упускает отметить, что мятеж Корнилова был разгромлен вооруженным пролетариатом. Это, разумеется, лишь один из примеров фальсификации событий 1917 года в советской исторической науке, но, как и в большинстве случаев, он содержит определенную долю истины.

Безусловно, лживое утверждение Керенского о раскрытии им мощного заговора, который опирался на наступающие на Петроград воинские части, с целью восстановления царской власти в России, вызвало сильный отклик. В Петрограде и в штабе Юго-Западного фронта в Бердичеве этот отклик выразился в полном разрыве нормальных отношений между командованием и войсками. Революционные военные организации, возникшие тогда для борьбы против войск Корнилова, продолжали существовать еще долго после увольнения и ареста Корнилова и были позже использованы для совершения государственного переворота, приведшего Ленина к власти.

Победа Ленина в октябрьские дни помогла объединению возглавляемой им партии, многие из членов которой ранее были решительными противниками захвата власти путем военного переворота. Некоторые из ближайших друзей Ленина, такие как Каменев и Зиновьев, были им самим объявлены штрейкбрехерами, а новый народный комиссар

просвещения Луначарский подал в отставку в знак протеста против разрушений в Кремле во время московских боев.[2]

После "корниловского мятежа" Ленин стал убеждать своих сторонников приложить все усилия, чтобы отколоть левое крыло социалистов-революционеров от эсеровской партии, претендующей на выражение интересов российского крестьянства.[3] Ленину не удалось убедить левых эсеров войти в его правительство в ноябре 1917 года, и тогда же от него отошли некоторые из его бывших сторонников, которые ясно понимали, что его мечта о диктатуре пролетариата неосуществима без установления неограниченного террора.

Политическое положение России было таково, что единственной альтернативой, для крайне левых деятелей, настроенных против ленинской программы, было примкнуть к либералам и правым эсерам, но на такой шаг они готовы не были. В декабре левые эсеры вошли в состав Совета народных комиссаров. Каменев, Зиновьев, Луначарский и другие оппозиционно настроенные большевики подчинились человеку, победившему российскую буржуазию, и приняли его тактику со всей ее суровостью и бессмысленной жестокостью. Действительные противники Ленина создали временные правительства на окраинах страны и приступили к формированию "белых" армий, которые должны были наступать на Петроград и Москву.

История Гражданской войны – вне рамок настоящего труда, но следует иметь в виду, что легенда о "корниловском мятеже" стала одним из основных факторов объединения различных политических сил вокруг большевистской власти.

---

1. "Рабочий", 28 августа 1917 г.
2. Луначарскому не позволили покинуть правительство, но другие члены партии, например Лозовский, были временно устранены.
3. См.: L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1950, pp. 330 ff и, его же, Origin of the Communist Autocracy. New York/Washington, 1955.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПОКАЗАНИЕ КОРНИЛОВА

Публикуемый ниже текст был почти целиком составлен Корниловым вскоре после его возвращения в Ставку для Чрезвычайной следственной комиссии, заседавшей в Могилеве 1 и 2 сентября 1917 г. Он написан в сжатом и четком стиле, характерном для военных рапортов. У нас есть основания предполагать, что с его помощью Корнилов надеялся изменить отношение ген. Алексеева к событиям, и, продолжая оказывать на него давление, повлиять таким образом на составление нового временного правительства.

В основе нашей публикации лежит отпечатанная на ротаторе копия показания Корнилова, которая ранее принадлежала Следственной комиссии, а ныне хранится в Русском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк). Часть этого документа была опубликована В.Л. Бурцевым в газете "Общее Дело" в сентябре 1917 г., что привело к закрытию газеты по распоряжению Керенского. В ряде мест публикация Бурцева отличается от оригинала. Среди наиболее существенных различий следует назвать отсутствие в тексте Бурцева упоминания об участии, наряду с Савинковым, на совещании в Ставке 24–25 августа военного советника и зятя Керенского полк. Барановского. В публикуемом ниже тексте восстановлены все опущенные Бурцевым места и сделана разбивка на абзацы.

Дополнительное показание Корнилова публикуется по книге Мартынова "Корниловский мятеж", на которую мы неоднократно ссылались выше. У нас не было возможности проверить, подвергался ли этот документ редактированию или сокращениям.

* *
*

ПОКАЗАНИЕ

генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилова, данное Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 г.

Тотчас после государственного переворота 27 февраля, я был назначен Временным правительством на пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и, прибыв из действующей армии, 5-го марта вступил в должность. С первых же шагов своей деятельности я убедился в крайне вредном влиянии на войска Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, который, вовлекая войска гарнизона в борьбу политических партий, проводя в жизнь начала, разрушающие дисциплину и подрывающие авторитет начальников, постепенно дезорганизовал войска гарнизона и без того не представляющие из себя хорошо сплоченные войсковые части. Совет неоднократно пытался принять непосредственное участие в деле командования войсками, с целью иметь в них оружие для достижения своих политических целей.

Не считая возможным для себя быть невольным свидетелем и участником разрушения армии, я предпочел просить освободить меня от поста главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и получил, в начале мая, назначение на должность командующего VIII армией.

Принял армию в состоянии почти полного разложения. Благодаря войсковым комитетам высший командный состав был лишен влияния на войска. Многие генералы и значительная часть командиров полков под давлением комитетов были удалены от занимаемых ими должностей. За исключением немногих частей, братание процветало. Были случаи братания с участием хоров немецкой музыки, выставлявшихся между нашими и немецкими проволочными заграждениями. В течение двух месяцев мне почти ежедневно пришлось бывать в войсковых частях, лично разъяснять солдатам необходимость дисциплины, ободрять офицеров и внушать войскам необходимость войны, необходимость активных действий; словом, подготовлять войска к намеченному уже наступлению.

В отношении комитетов я занял твердую позицию: отклоняя их вмешательство в дело перемен в командном составе, я постепенно вводил комитеты в рамки их законной деятельности, внушая им убеждение, что главнейшей задачей их является содействие командному составу в деле подъема духа в войсках.

[25-го] июня армия перешла в наступление и имела блестящий успех, выразившийся в прорыве позиции противника на фронте 30 верст, с захватом гор. Галича и Калуша, свыше 10 тысяч пленных и более ста орудий. Тут же я убедился, что твердое слово начальника и определенные действия необходимы, чтобы остановить развал нашей армии. Я понял, что этого твердого слова ожидают и офицеры и солдаты, сознательная часть которых уже утомилась от полной анархии.

В ночь с 7-го на 8-е июля я принял должность главнокомандующего армиями Юго-западного фронта. Прорыв фронта XI армии, начавшийся утром 6-го июля, уже был на полном разгаре. XI армия отступала в беспорядке. Прорыв расширялся все далее и далее, захватывая правый фланг VII армии, находившейся южнее. По донесениям с фронта, многие части не исполнили приказаний, бросали свои позиции, другие не шли на поддержку. Каждое боевое приказание обсуждалось на митингах. По всем дорогам брели толпы солдат, дезертировавших из своих частей, производя грабежи и насилия в попутных селениях. Я немедленно потребовал от начальников решительных действий против предателей и изменников, предупредив, что всю ответственность я беру на себя. Я приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя трупы расстрелянных на дорогах, на видных местах, с соответствующими надписями.

Вместе с тем я послал 8-го июля верховному главнокомандующему телеграмму за № 3733, с копиями председателю Совета министров, военному министру и комиссару Юго-западного фронта, в которой в первый раз указал на необходимость применения исключительных мер, до введения смертной казни на театре военных действий, добавляя, что "иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думает править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия". Копия телеграммы за №3733 прилагается.[1] На эту телеграмму я получил телеграмму от верховного главнокомандующего, который сообщил, что он вполне разделяет мой взгляд, а от военного министра, что в моем распоряжении пункт 14 декларации прав солдата. Ввиду все усиливающегося развала в армии Юго-западного фронта и продолжавшегося наступления, я вынужден был усилить строгость уже принятых мер, приказав сформировать особые ударные отряды из юнкерских батальонов для борьбы с дезертирством, мародерством и насилиями. Я приказал запретить в районе действующей армии митинги, объявив их незаконными сборищами, подлежащими разгону силой оружия.

11 июля я обратился к председателю Совета министров, с копией верховному главнокомандующему, с телеграммой за № 3911, которая начиналась словами: "Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся

властью от систематического развращения и [разложения], потерявших чувство человеческого достоинства бежит...". В телеграмме я указал на необходимость немедленного восстановления закона смертной казни на театре военных действий. Телеграмму закончил словами: "Сообщаю Вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещеваний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимо государственно-революционная власть. Я заявляю, что занимая высокоответственный пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели родины. Довольно. Я заявляю, что если Правительство не утвердит предлагаемых мной мер, и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному ее назначению защиты родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего. 3911. Генерал Корнилов. С своей стороны разделяю мнение генерала Корнилова и поддерживаю высказанное им от слова до слова. Комиссар Савинков". Утром 12 июля я получил телеграмму от министра-председателя, что принципиально закон о смертной казни принят и вечером мне будет сообщена окончательная редакция этого закона. Объявление этого закона в армиях фронта произвело сразу отрезвляющее впечатление на массы.

16-го июля в Ставке собиралось совещание, с участием министра-председателя и всех главнокомандующих фронтами, для обсуждения мер для поднятия боеспособности армии. Я получил телеграмму верховного главнокомандующего за № 5067, что, в виду положения на Юго-западном фронте, мой приезд в Ставку не признается возможным, и что мне предлагается представить свои соображения по вопросу, который будет рассматриваться на совещании. Мой ответ изложен в телеграмме № 4254. В этой телеграмме я указал на необходимость распространения закона о смертной казни и военно-революционных судов на внутренние округа, исходя из мысли, что никакие меры по восстановлению боеспособности армии не дадут желаемого результата, пока армия будет получать из тыла укомплектования в виде банд распущенных, не обученных, распропагандированных солдат, которые способны разложить даже самые крепкие войсковые части. В той же телеграмме я указывал на необходимость восстановления дисциплинарной власти начальников, ограничение круга деятельности войсковых комитетов, установление их ответственности за превышение власти, запрещение митингов законом, запрещение ввоза в район армии газет с крайними учениями и, наконец, воспрещение въезда всякого рода депутаций, делегаций и агитаторов. В этой же телеграмме я впервые

заявил о необходимых мерах для поднятия в армии престижа офицера, приниженного, лишенного своего авторитета целым рядом мероприятий, проведенных правительством.

Совещание в Ставке ни к какому практическому результату не привело вследствие того, что у всех участников этого совещания, за исключением генерала Деникина, не хватило гражданского мужества поставить вопрос о мерах поднятия боеспособности армии вполне точно и определенно.

19-го июля постановлением Временного правительства (телеграмма № 5807), я был назначен на пост верховного главнокомандующего. В ответ на эту телеграмму я обратился к председателю Совета министров с телеграммой № 4424, адресованной также к военному министру (копия прилагается), изложив им те условия, при которых я считаю возможным принять пост верховного главнокомандующего. Одним из таких условий являлось полное невмешательство Временного правительства в мои оперативные распоряжения, а потому и в назначения высшего командного состава. В ответ на эту телеграмму я получил телеграмму от военного министра, что за мной признается право назначения моих помощников, а на следующий день из агентских телеграмм узнал, что без моего представления и без моего ведома главнокомандующим Юго-западного фронта назначен генерал-лейтенант Черемисов. Я вынужден был обратиться к военному министру с телеграммой № 4431, с просьбой отменить сделанное назначение генерала Черемисова, предупредив, что иначе я не признаю возможным принять на себя верховное главнокомандование армиями. 20-го же июля я послал в Кабинет военного министра, г. Савинкову, телеграмму № 4459 (копия прилагается) о том, что, до получения категорического ответа на телеграммы №№ 4424 и 4431, я в Могилев не выеду.

Из Петрограда мне было сообщено, что для переговоров со мной в Бердичев командирован комиссар Юго-западного фронта Филоненко. 23 июля он прибыл в Бердичев и доложил от имени Временного правительства, что все мои пожелания, изложенные в телеграммах №№ 4254 и 4424, правительством принципиально принимаются; ген. Черемисов назначается в распоряжение Временного правительства. Выслушав этот доклад Временного правительства, я немедленно выехал в Могилев и 24-го июля вступил в исполнение обязанностей верховного главнокомандующего.

30 июля в Ставке было совещание с участием министра путей сообщения г. Юренева, министра продовольствия г. Пешехонова, начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала Лукомского, товарища

министра путей сообщения на театре военных действий генерала Кислякова и начальников отделов Штаба. Обсуждался вопрос о мерах по обеспечению армии провиантом и фуражом и упорядочению железнодорожного транспорта. Доклад этот о состоянии нашей железнодорожной сети, сделанный инженером Э.П.Шуберским, раскрыл участникам совещания вопиющую картину полной дезорганизации железнодорожной службы и всю ее грозную опасность для армии и для страны. В своем заключительном слове я высказал, что для достижения целей войны и для благополучного ее окончания миром почетным, достойным великой свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах непосредственно ведущую бой, армию в тылу в мастерских и заводах, приготовляющую армии на фронте все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту. Я заявил, что я не касаюсь вопроса, какие меры необходимы для оздоровления рабочей и железнодорожной армий, предоставляя разобраться в этом вопросе специалистам, но я считаю, что для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта.

Немедленно по вступлении на должность верховного главнокомандующего я приказал начальнику штаба разработать, по данным мной указаниям, в соответствующих отделах Штаба, ряд докладов относительно мер по приведению армии в необходимый порядок. Из этих докладов, после предварительного обсуждения с начальниками отделов, был составлен общий доклад, с которым я 3 августа отправился в Петроград, с целью лично доложить его Временному правительству.

По прибытии в Петроград, я с вокзала поехал в Зимний дворец представиться министру-председателю. В разговоре со мной А.Ф.Керенский коснулся вопроса, между прочим, о том, что со времени моего назначения верховным главнокомандующим мои представления правительству носят слишком ультимативный характер. Я заявил, что эти требования диктуются не мной, а обстановкой, так как боеспособность армии слишком понижена, а противник, видимо, намерен использовать такое состояние армии и разруху в стране. Я заявил, что только в твердых мерах, проводимых без всяких колебаний, можно видеть спасение армии и страны от разрухи. Здесь впервые А.Ф.Керенский поинтересовался моим мнением, что следует ли ему оставаться далее руководителем государства. Смысл моего ответа заключался в том, что, по моему мнению, влияние его в значительной мере понизилось но, тем не менее, я полагаю, что он, как признанный вождь демократических партий, должен оставаться во главе Временного правительства, и что другого положения я не представляю.

В 4 часа дня, в тот же день, было назначено заседание Временного правительства и мне было предложено выступить с докладом о положении на фронте и состоянии армии. Узнав до начала совещания от управляющего Военным министерством г. Савинкова, что в Военном министерстве по его указанию разрабатывается ряд проектов по вопросу о восстановлении боеспособности армии и оздоровления тыла я, по соглашению с управляющим Военным министерством, решил отложить мой доклад Временному правительству по этому вопросу, с целью представить в свой следующий приезд в Петроград общий доклад с управляющим Военным министерством. Об этом решении я сделал заявление Временному правительству в начале заседания. Ввиду изложенного доклад мой Временному правительству 3-го августа ограничился изложением общей обстановки на всех фронтах, численности армий, их состояния, состояния запасов довольствия артиллерийского, интендантского, санитарного и проч., и общей обрисовкой тех вероятных перемен в стратегической обстановке, которые могут произойти в зависимости от наметившихся уже намерений противника перейти в наступление на Рижском участке, я указал, что удар, по всей вероятности, будет нанесен в районе Икскюля, указал, что меры противодействия приняты но, ввиду малой устойчивости наших войск вообще, а армий Северного фронта в особенности, нам по всей вероятности не удастся удержать Ригу.

Я считаю необходимым отметить, что когда я коснулся соотношений наших сил и противника на различных участках фронта и на каком из них возможно было бы перейти, при наличии некоторых условий, в наступление, министр-председатель, сидевший со мной рядом, наклонившись ко мне, шепотом предупредил, что в этом вопросе нужно быть осторожным. Немного спустя мне была передана записка г. Савинкова с таким же предупреждением. Я был страшно поражен и возмущен тем, что в Совете министров Российского государства верховный главнокомандующий не может без опаски касаться таких вопросов, о которых он в интересах обороны страны считает необходимым поставить правительство в известность. По окончании заседания, из некоторых слов Б.В. Савинкова мне стало ясным, что предупреждение имело в виду министра земледелия Чернова.

В ночь на 4-е августа я выехал из Петрограда в Ставку. Комиссар Филоненко остался в Петрограде с целью заняться, по указаниям г. Савинкова, разработкой общего доклада моего и управляющего Военным министерством, причем основой этого общего доклада должен был явиться мой уже готовый доклад, переданный мной А.Ф. Керенскому. После 3-го августа левая пресса повела против меня кампанию. 7-го

августа помощник комиссара Временного правительства при верховном главнокомандующем Фонвизин предупредил меня, что, по сведениям из Петрограда, вопрос о моей отставке в Петрограде решен окончательно. Я заявил, что лично меня вопрос о пребывании на посту верховного главнокомандующего мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения. Я сослался на настроения офицеров, казачьих частей и многих общественных кругов, отношение которых к вопросу о моей отставке мне известно. В промежуток между 7 и 9-го августа я получил от Военной лиги, Исполнительного комитета Союза офицеров, Совета Союза казачьих войск, Конференции Союза Георгиевских кавалеров, от Совещаний общественных деятелей ряд резолюций с протестом против моей отставки и, кроме того, много телеграмм и писем от частных лиц со всех концов России.

Получив сведение, что 12 августа в Москве предположено открытие Государственного совещания, и имея в виду положение дел на фронте, я, 8 августа вечером, приказал передать в Петроград, что 10 августа в Петрограде быть не могу, а прошу Б.В. Савинкова взять на себя представление моего доклада Временному правительству, с теми изменениями, которые желательно в нем сделать по мнению управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова и комиссара Временного правительства при верховном главнокомандующем. Филоненко по прямому проводу стал доказывать мне необходимость моего приезда в Петроград для личного участия в обсуждении доклада и из их [так!] слов я предположил, что он действует с ведома министра-председателя и что участие мое в обсуждении доклада представляется желательным самому Временному правительству. 9 августа я выехал в Петроград.

10 августа утром, прибыв уже в Петроград, я получил телеграмму министра-председателя, полученную в Ставке после моего отъезда и переданную мне вслед, что мое участие в обсуждении доклада не представляется необходимым и что Временное правительство снимает с себя ответственность за последствия моего отсутствия с фронта. По прибытии в Петроград я представился министру-председателю, по словам которого доклад, разработанный комиссаром Филоненко по указанию Савинкова, ему неизвестен, что внесение этого доклада в Совет министров он, А.Ф. Керенский, как военный министр, не считает возможным, и что он не уполномочивал г.Савинкова приглашать меня в Петроград для участия в заседании. [так!] Ввиду сего я пожелал предварительно объясниться с управляющим Военным министерством Б.В. Савинковым, который объяснил мне, что доклад действительно не был представлен

А.Ф. Керенскому в законченном виде, но что он докладывался ему г.Савинковым по частям по мере его изготовления и, во всяком случае, содержание доклада министру-председателю известно, что приглашение мое в Петроград сделано с ведома Временного правительства, а об отправке вышеупомянутой телеграммы ему, Савинкову, не было известно.

В 6 часов вечера я, подписав общий доклад о мерах оздоровления армии и тыла уже подписанный г.г. Савинковым и Филоненко, доложил его частному совещанию Временного правительства, в составе Керенского, Некрасова и Терещенко.

По рассмотрении доклада мне было заявлено, что правительство соглашается на все предложенные мной меры, вопрос же об их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий. Что же касается вопроса о милитаризации железных дорог и заводов и фабрик, работающих на оборону, то до обсуждения этого вопроса, ввиду его сложности и слишком резкой постановки его в докладе, он подвергнется предварительному обсуждению в подлежащих специальных ведомствах. Относительно отсрочки последних двух вопросов я согласился, тем более, что в моем первоначальном докладе они детально совсем не затрагивались. В конце заседания мне был задан вопрос: можно ли рассчитывать на то, что Рига не будет захвачена противником до Московского совещания? Я заявил, что, в зависимости от того, как немцы ведут свои операции, я рассчитываю, что Рига может продержаться неделю, но больше вряд ли. Из разговора с А.Ф.Керенским я убедился, что он был против моего приезда в Петроград и не желал допустить обсуждения моего доклада в пленарном заседании членов Временного правительства.

Ввиду того, что в силу обстановки на фронте я должен был спешить отъездом из Петрограда, я не стал добиваться участия в общем заседании. Оставив А.Ф.Керенскому свой первоначальный доклад и послав ему с вокзала общий доклад, я выехал в ту же ночь в Могилев.

Перед отъездом меня посетил Б.В. Савинков, из слов которого я заключил, что отношения его с А.Ф.Керенским за последние дни ухудшились. Министр-председатель не принимает его с личным докладом, и в тот же день вечером, когда я сидел с докладом у министра-председателя, последний отказался принять управляющего Военным министерством, прибывшего с докладом по тому же вопросу, о котором докладывал и я. В этот же приезд мой в Петроград А.Ф.Керенский снова задал мне вопрос, представляется ли, по моему мнению, уход его, Керенского, из состава правительства. [так!] Я ответил то же, что сказано было мной при свидании 3-го августа. 10-го августа, во время доклада

моего в частном совещании членов Временного правительства было решено, что я, как верховный главнокомандующий, приму участие в Государственном совещании в гор. Москве, но программа моего выступления точно установлена не была.

По дороге из Петрограда в Ставку я, по просьбе комиссара Филоненко, послал телеграмму А. Керенскому с заявлением, что ввиду необходимости довести до конца программу, предложенную мной в докладе, я считаю крайне нежелательной отставку управляющего Военным министерством Б.В. Савинкова, об уходе которого с поста по личным разногласиям с Керенским сообщил мне Филоненко.

11 августа я получил телеграмму министра почт и телеграфов с приглашением принять участие в Совещании. 13-го августа я приехал в Москву и тотчас же командировал генерального штаба подполковника Пронина к министру почт и телеграфов выяснить, когда назначено время моего выступления в Совещании. По докладу подполковника Пронина, г. Никитин заявил, что речи представителей правительства уже закончились, 14 августа будут говорить только представители Дум и общественных организаций, выступления же моего не предвиделось, о дальнейшем же мне было предложено переговорить с министром-председателем.

Вечером 13 августа ко мне приехал министр путей сообщения, г. Юренев, с заявлением, что, по постановлению Временного правительства, я могу выступать в Совещании 14-го августа, но могу касаться только стратегического положения на фронтах. Вечером я переговорил по телефону с министром-председателем, который заявил, что члены правительства уже коснулись в своих речах всех вопросов, касающихся жизни армии, поэтому выступление мое по тем же вопросам не признается желательным; в особенности не признается желательным расхождение по этим вопросам со взглядами Временного правительства. Я доложил, что я не считаю возможным, выступая перед представителями всей страны, ограничиться изложением только сведений о стратегическом положении на фронте, и нахожу безусловно необходимым ознакомить страну с истинным состоянием ее вооруженных сил и указать, что необходимо, чтобы поднять их боеспособность. Я доложил, что не позволю себе никаких резкостей и нападок, поэтому прошу предоставить мне свободу выбора тем речи. Определенного ответа Керенский мне не дал.

14 августа я выступил на Совещании с речью, из которой воспроизвожу здесь конец: "...Для действительного воплощения воли народа и великому будущему Свободной Страны, необходимо немедленное проведение в жизнь всей совокупности тех мер, которые перечислены в моем докладе. Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что все эти

меры рано или поздно будут осуществлены, но невозможно допустить, чтобы решимость этих мер каждый раз совершалась бы под давлением поражений и уступок отечественной территории. Если решительные меры по поднятию дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского погрома и утраты Галиции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери Риги; порядок же на железных дорогах – следствием уступки противнику Молдавии и Бессарабии. Я верю в гений Русского Народа и в спасение Страны. Я верю в светлое будущее России и полное восстановление боевой мощи нашей армии. Нельзя только терять времени. Нужно решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер".

18-го августа началось наступление на фронте XII армии и утром 20-го августа пала Рига. Несмотря на то, что место вероятной переправы нам было заранее известно и распоряжениями главнокомандующего армиями Северного фронта и командующего XII армией к месту прорыва были сосредоточены значительные резервы, войска наши без упорного сопротивления отдали врагу сильные укрепленные позиции, прикрытые прекрасной оборонительной линией – рекой Двиной. Немцы переправились в районе Икскюльского предмостного укрепления. Вопрос об оставлении предмостного укрепления у Икскюля, расположенного на левом берегу реки Двины, был возбужден еще в конце июня и окончательно разрешен 6-го июля. К 14-му июля эти укрепления были очищены нами, т.е. за неделю до моего назначения на пост верховного главнокомандующего. На Рижском фронте повторилась приблизительно история Тарнопольского прорыва: за исключением кавалерии, артиллерии, пулеметных команд, партизанских отрядов и очень немногих пехотных частей, исполнивших свой долг перед Родиной, остальные части пехоты почти не проявили устойчивости, отходили в беспорядке, бросая свою артиллерию и отдавая значительное число пленных. Обратив внимание на резкую разницу донесений о поведении войск в бою командующего XII армией генерала Парского и комиссара той же армии г.Войтинского с донесениями командиров корпусов той же армии, я приказал главнокомандующему армиями Северного фронта генералу Клембовскому назначить по этому делу следствие и привлечь генерала Парского и г.Войтинского к суду по обвинению в неправильных донесениях.

Благодаря Рижскому прорыву мы потеряли сильные оборонительные линии, потеряли крепость Усть-Двинск, богатый город Ригу, много артиллерии, разного рода запасы и, кроме того, наше положение на побережьи Рижского залива в значительной мере поколебалось. XII армия

с большими потерями и в большом расстройстве отошла на Венденские позиции. В Ставку стали поступать сведения о подготовке немцами десантной операции; получались сведения о подготовке транспортных средств в Либаве и Данциге, о появлении в Балтийском море немецких судов и немецких тральщиков, производивших вылавливание мин в Ирбенском проливе. Стали получаться сведения о том, что немецкие аэропланы производят усиленную рекогносцировку у берегов Даго и Эзеля, а немецкие подводные лодки стали устанавливать минные заграждения в проливах, ведущих с севера в Рижский залив. Все указывало, что немцы готовятся к производству десантной операции в сторону Ревеля и далее, быть может на Петроград. В это время я получил телеграмму о наших потерях при взрыве пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани. Пожаром было уничтожено до миллиона артиллерийских снарядов и двенадцати тысяч пулеметов, предназначавшихся для отправления в армию. Были получены сведения о покушении на уничтожение наших заводов в Одессе и готовящемся покушении на другие наши заводы и фабрики, работающие на оборону. С других фронтов получались также весьма неутешительные сведения. В Особой армии солдатами был зверски убит командующий III пехотной дивизией генерал Гиршфельд, и комиссар той же армии Линде. Из внутри страны я получал со всех сторон письма о насилиях, творимых над помещиками и о полной разрухе во всех отраслях народной жизни.

24-го августа, по моему приглашению, в Ставку съехались комиссары и представители со всех фронтов для ознакомления с проектом нового положения о комиссарах и комитетах. 24-го августа, когда было назначено открытие съезда, в Ставку прибыл управляющий Военным министерством Б.В.Савинков. С поезда он проехал ко мне. С ним вместе прибыли, встречающие его на вокзале начальник штаба генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при верховном главнокомандующем Филоненко.

Г. Савинков сказал, что Керенский, признанный вождь левых партий, и я, на ком, по его мнению зиждутся все надежды правых политических партий России, должны идти рука об руку и что несогласия между нами могли бы вызвать крайнее обострение в положении. Поэтому он считает своей важнейшей задачей подготовить почву соглашения между Керенским и мной, с целью на нашей согласованной работе основать формирование сильной, крепкой власти. Я заявил, что не считаю себя вождем правых партий, но не отрицаю и того, что несогласия между г.Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия. Я заявил, что хотя и не претендую на то, чтобы иметь влияние на тот или другой состав правительства, но раз интересуются моим именем, то я считаю

возможным заявить и открыто сказать, что нахожу Керенского человеком слабохарактерным, легко поддающимся чужим влияниям и, конечно, не знающим того дела, во главе которого он стоял. Лично я против него ничего не имею; думаю, что другой состав правительства, без участия г.Керенского, мог бы тоже справиться с делом. После долгого обсуждения вопроса, в связи с положением страны, я, в конце концов, согласился, что при современном соотношении политических партий участие г.Керенского в составе правительства я признаю безусловно желательным. Затем я добавил, что я готов всемерно поддерживать А.Ф.Керенского, если это нужно для блага Отечества. В ответ Б.В.Савинков заявил мне, что он счастлив слышать от меня эти слова. Все это подтверждено самим г.Савинковым при разговоре со мной по прямому проводу 27-го августа, в 5 час. 50 мин. дня. Выдержка из этого разговора прилагается.

Дальнейший ход событий 24-го августа и содержание бесед моих с г.Савинковым изложены в "Протоколе пребывания управляющего Военным министерством, Б.В.Савинковым, в Могилеве 24-го и 25-го августа 1917 года". В этом протоколе восстановлено по памяти мной, генералами Лукомским и Романовским все, о чем говорилось мной с Савинковым, в присутствии двух названных генералов.

Протокол гласит: "24 августа Савинков с поезда проехал прямо к верховному главнокомандующему. Одновременно с ним приехали начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Лукомский и комиссар при верховном главнокомандующем Филоненко. Войдя в кабинет к главковерху и поздоровавшись с ним, Савинков заявил, что ему хотелось бы переговорить с генералом Корниловым с глазу на глаз. Генерал Лукомский и комиссар Филоненко из кабинета вышли. Разговор Савинкова с генералом Корниловым касался установления тесных отношений между генералом Корниловым и министром-председателем Керенским, так как Савинков считал, что оба эти лица, будучи вождями различных партий, должны работать рука об руку. Затем Савинков показал генералу Корнилову те проекты законов, которые выработаны для рассмотрения Временным правительством на основании требований, предъявленных генералом Корниловым. В тот же день после обеда, примерно в 9 часов вечера, в кабинете у генерала Корнилова собрались, кроме хозяина, Савинков, генерал-лейтенант Лукомский и Филоненко. Сначала обсуждался вопрос о комитетах и комиссарах, причем Савинков и Филоненко высказались против главкоюза генерала Деникина, который не может наладить отношений с комиссарами и комитетами и высказали опасение, что если во главе фронтов будут стоять такие генералы, то трудно будет установить дружную работу

и это будет отражаться на состоянии войск. Генерал Корнилов и генерал Лукомский горячо восстали против возможности легко убирать отличных боевых генералов из-за того, что у них являются иногда шероховатости в работе с комитетами. Было высказано, что если новое положение о комиссарах и комитетах будет составлено вполне определенно, то никаких недоразумений не будет. Хороших же боевых генералов слишком мало, чтобы их выбрасывать за борт из-за всякого недоразумения. Затем Савинков предложил обсудить вопрос об установлении границ Петроградского военного губернаторства, которое признается необходимым выделить из состава Петроградского военного округа при формировании особой армии для обороны подступов к Петрограду. В кабинет были приглашены генерал-майор Романовский и полковник Барановский (начальник кабинета военного министра), которые принесли карты, и полковник Барановский доложил о тех границах губернаторства, которые считает нужным установить в Петрограде. После некоторого переговора граница была установлена.

До прихода генерала Романовского, после доклада полковника Барановского о необходимости выделить особое Петроградское военное губернаторство, Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, почти дословно следующее:

"Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28-го или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через Временное правительство, конечно послужит толчком выступления большевиков, если последнее почему-либо задержалось.

Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-ий конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение правительства.

В случае если, кроме большевиков, выступят и члены Совета рабочих и солдатских депутатов, то нам придется действовать против них. Я только прошу вас во главе 3-го конного корпуса не присылать генерала Крымова, который для нас не особенно желателен. Он очень хороший боевой генерал, но вряд ли пригоден для таких операций".

После этого пришел генерал Романовский и были окончательно установлены границы Петроградского военного губернаторства.

Затем Савинков вновь вернулся к вопросу о возможном подавлении, при участии 3-го конного корпуса, выступления в Петрограде большевиков и С. Р. и С. Д., если последний пойдет против Временного правительства. При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это генерал Корнилов ответил, что он иных действий и не понимает, что инструкции будут даны соответственные и что он вообще к вопросу употребления войск при подавлении беспорядков относится серьезно и уже им отдавалось приказание о предании суду тех начальников, которые допускают стрельбу в воздух, что и в данном случае, раз будет выступление большевиков и С. Р. и С. Д., то таковое будет подавлено со всей энергией. Полковник Барановский, стоявший около стола, со своей стороны прибавил: "Конечно, необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы это почувствовала вся Россия". После этого Савинков, обращаясь к генералу Корнилову, сказал, что необходимо, дабы не вышло недоразумения и чтобы не вызывать выступления большевиков раньше времени, предварительно сосредоточить к Петрограду конный корпус, затем, к этому времени, объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и объявить новый закон, устанавливающий целый ряд ограничений. Дабы Временное правительство точно знало, когда объявить Петроградское военное губернаторство на военном положении и когда опубликовать новый закон, надо, чтобы генерал Корнилов точно протелеграфировал ему, Савинкову о времени, когда подойдет корпус к Петрограду. После этого Савинков и Барановский ушли.

В доказательство соглашения генерала Корнилова с управляющим Военным министерством Савинковым о подводе к Петрограду 3-го конного корпуса приводится следующий текст телеграммы, отправленной Савинкову в зашифрованном виде 27-го августа, в 2 часа 40 минут:

"Управвоенмину. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28-го августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29-го августа. № 6394. Генерал Корнилов". Подлинный подписали: генерал-от-инфантерии Корнилов, генерал-лейтенант Лукомский и генерал-майор Романовский.

К сказанному в протоколе добавляю, что управляющий Военным министерством просил меня заменить, если представится возможность, Кавказскую туземную дивизию регулярной кавалерией, так как "неловко поручать утверждение русской свободы кавказским горцам". Я обещал сделать все возможное и поручил начальнику штаба запросить Северный

и Западный фронты, нельзя ли будет из наличных на этих фронтах кавалерийских дивизий отправить бригаду (не казачью) в распоряжение генерала Крымова. Кроме того, считаю необходимым привести следующую выдержку из разговора, бывшего у меня 27-го августа, в 5 час. 50 мин. дня, по тому же вопросу с г. Савинковым, по прямому телеграфному проводу: г. Савинков сказал: "...Я считаю долгом, для восстановления исторической точности, заявить, что я, по поручению министра-председателя, просил у Вас конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущений против Временного правительства, откуда бы они ни шли..." Во время нашего разговора по прямому телеграфному проводу присутствовали: в Петрограде с г. Савинковым В.А. Маклаков, со мной – г. Филоненко.

25-го августа г. Савинков уехал из Могилева. В тот же день утром ко мне явился В.Н. Львов, которого в бытность мою главнокомандующим войсками Петроградского военного округа я видел два раза в заседаниях Совета министров, знал, что он был членом Государственной Думы, обер-прокурором Синода. Кроме обычных приветствий при встрече, никаких разговоров с ним я прежде не вел. Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: "Я к вам от Керенского с поручением". Я подчеркиваю, что Львов был послан не мной, так как я его с апреля месяца не видел и слишком мало знал, а прибыл ко мне от Керенского. В доказательство прилагаю заметку о переговорах В.Н. Львова с членом I-й Государственной Думы А.Ф. Аладьиным, переданную мне 30-го августа. Упоминаемого в этой заметке И.А. Добринского я ни разу не видел и о переговорах, изложенных в заметке, мне стало известно только по прочтении этой заметки, переданной мне А.Ф. Аладьиным 30-го августа.

В.Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если по моему мнению дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу. Львов просил меня высказать мое мнение по поводу предложения Керенского и изложить программу. Я, очертив общее положение страны и армии (положение дел на фронте, приготовление немцев к производству десанта на побережьи Рижского залива и возможность дальнейшего развития этих операций в направлении на Ревель и Петроград, известие об убийстве солдатами начальника III пех. дивизии генерала Гиршфельда и комиссара XI армии Линде, пожар пороховых и артиллерийских складов в Казани), заявил, что, по моему глубокому убеждению, единственным исходом из тяжкого положения

страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении. Я заявил, что лично не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия, будь то сам А.Ф.Керенский, генерал Алексеев, генерал Каледин или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что, ввиду тяжелого положения страны, Временное правительство в его нынешнем составе само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора. Я заявил, что если бы так случилось, то всегда держась мнения, что только твердая власть может спасти страну, я от такого предложения бы не отказался.

Я просил В.Н.Львова передать А.Ф.Керенскому, что, независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношение ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым. Кроме того, я просил его передать А.Ф.Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на А.Ф.Керенского готовится покушение. Поэтому я прошу А.Ф.Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Я просил передать ему, что я честным словом гарантирую его полную безопасность в Ставке. Выслушав мое заявление, Львов, по-видимому тронутый, сказал: "...Генерал, вы благороднейший человек". В конце нашей беседы в кабинет вошел с докладом В.С.Завойко, исполнявший обязанности моего ординарца. В его присутствии я еще раз повторил В.Н.Львову суть сделанных мной заявлений.

26 августа заканчивались занятия съезда комиссаров и представителей армейских комитетов. Я выступил там с речью, в которой, кратко очертив положение страны, призвал командный состав, комиссаров и комитеты к дружной работе для поднятия боеспособности нашей армии. В речи я отметил также, что, пока остаюсь у власти, я никогда не соглашусь на участие войсковых комитетов в деле аттестований командного состава. Пункт этот был включен в проект положения о комитетах, разработанный в Военном министерстве. 24-го августа, при обсуждении его со мной управляющ[его] Военным министерством г.Савинков[а], ввиду моего категорического протеста против права участия комитетов в аттестациях, г.г. Савинков и Филоненко мне заявили, что пункт этот будет безусловно исключен из проекта. Я настаивал, что пункт этот не подлежит даже оглашению на съезде. Несмотря на их заявления, означенный пункт был оглашен на съезде и включен в новый, обнародованный уже, закон о правах комитетов.

26 вечером у меня в кабинете собрались комиссар Филоненко, В.С.Завойко и А.Ф.Аладьин. Разговор снова коснулся тяжелого состояния страны и необходимости иметь во главе ее сильную власть. Я предложил им, считая их людьми, хорошо знающими наших наиболее выдающихся общественных деятелей, и имея в виду мои разговоры с г.г. Савинковым и Львовым, наметить такую схему организации власти и состава правительства, которая, включая в себя лучшие силы всех главных политических партий страны, могла бы дать ей правительство твердое, работоспособное, пользующееся полным доверием страны и армии. Был набросан проект Совета народной обороны, с участием верховного главнокомандующего в качестве председателя, А.Ф.Керенского – министра-заместителя, г.Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и г.Филоненко. Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посту других министров намечались г.г. Тохтамышев, Третьяков, Покровский, граф Игнатьев, Аладьин, Плеханов, князь Львов, Г.Е.Завойко. За исключением князя Львова, Аладьина и Завойко, я с другими не знаком. О моем взгляде о необходимой конструкции власти, комиссар Филоненко в ту же ночь сообщил по прямому проводу г.Савинкову, что и подтверждено было последним в разговоре со мной по прямому проводу 27-го августа.

В тот же вечер я был приглашен к аппарату и имел разговор с министром-председателем и В.Н.Львовым. Разговор этот, согласно записи на телеграфной ленте, заключается в следующем:

"– Здесь министр-председатель Керенский. Ждем генерала Корнилова.

– У аппарата генерал Корнилов.

– Здравствуйте, генерал. У телефона Владимир Николаевич Львов и Керенский. Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем.

– Здравствуйте, Александр Федорович. Здавствуйте, Владимир Николаевич. Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк сделанный мной Владимиру Николаевичу с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней, и вновь намечающиеся, повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок.

– Я, Владимир Николаевич, Вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично; без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

— Да, подтверждаю, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

— Я, Александр Федорович, понимаю Ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Сегодня это сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

— Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович приехал вместе с Вами. Сказанное мной Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставля[е]т меня так настойчиво просить Вас.

— Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

— Во всяком случае.

— До свидания. Скоро увидимся.

— До свидания".

(Подлинник разговора, записанный на телеграфной ленте, прилагается).[1]

Не допуская, чтобы г.Львов, член Государственной Думы и бывший член Временного правительства мог бы, по каким бы то ни было побуждениям, исказить точный смысл сказанного ему мной, я подтвердил по аппарату только приглашение свое А.Ф.Керенскому приехать в Ставку, твердо надеясь объясниться с ним здесь и прийти к окончательному соглашению. При свидании с ним я предполагал обсудить указанную выше схему организации власти и состав правительства. К участию в обсуждении вопроса о состоянии страны и мер, необходимых для спасения от окончательного развала ее и армии, я хотел привлечь М.В.Родзянко, князя Г.Е.Львова и П.Н.Милюкова, которым были посланы телеграммы, с просьбой прибыть не позже 29-го августа в Ставку.

Я ждал, что 27 августа министр-председатель выедет в Ставку. Утром 27-го августа я получил телеграмму за подписью "Керенский", но без номера, с указанием сдать временно должность верховного главнокомандующего генералу Лукомскому и, не ожидая прибытия нового верховного главнокомандующего, выехать в Петроград.

Зная, что в Петрограде накануне рассматривался, в заседании Временного правительства, проект распространения закона смертной казни на внутренние округа России, что должно было сильно отразиться на боеспособности армии в благоприятную сторону и обуздать анархические выступления левых партий, я пришел к убеждению, что правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь предложенной мной программы

оздоровления армии, решило устранить меня, как главного инициатора указанных мер.

Ввиду тягчайшего положения страны и армии, я решил должности верховного главнокомандующего не сдавать и выяснить предварительно обстановку. Объявив об этом генерал-лейтенанту Лукомскому, я спросил его, намерен ли он принять от меня обязанности верховного главнокомандующего. Генерал-лейтенант Лукомский доложил мне, что при настоящих тяжелых условиях страны и армии он не считает возможным заменить меня на посту верховного главнокомандующего и доложил мне проект его телеграммы Временному правительству за № 6406. Одобрив проект этой телеграммы, я приказал мое решение и решение генерал-лейтенанта Лукомского довести до сведения главнокомандующих армиями всех фронтов, что и было сделано в телеграмме генерал-лейтенанта Лукомского от 27-го августа за № 6412. В 5 час. 50 мин. дня того же 27-го августа я переговорил по прямому телеграфному проводу с управляющим Военным министерством г.Савинковым, которому заявил, что ввиду создавшихся условий я не считаю возможным уйти с своего поста. 28-го августа мне была доложена копия телеграммы министра-председателя за № 710 на имя генерала Клембовского о назначении его временно исполняющим должность верховного главнокомандующего, с оставлением его в Пскове и с исполнением должности главнокомандующего армиями Северного фронта. На этой телеграмме я положил следующую резолюцию: "Прошу генерала Клембовского срочно уведомить меня о его решении, так как на основании его вчерашней телеграммы мной уже принято определенное решение, отмена которого явится причиной больших потрясений в армии и стране. Генерал Корнилов. 28 августа 1917 года".

28 августа Временное правительство объявило меня изменником Родины и потребовало отмены приказания о движении частей 3-го конного корпуса, сосредотачивавшегося в окрестностях Петрограда.

Имея в виду: 1. предыдущее распоряжение того же Временного правительства о направлении 3-го конного корпуса к Петрограду для подавления большевистского движения, 2. принципиальное согласие Временного правительства на предложенную мной программу мер для оздоровления армии, 3. беседы с управляющим Военным министерством Б.В.Савинковым, 4. сведения об усилении давления Совета С. и Р.Д. на Временное правительство, я пришел к выводу, что правительство окончательно подпало под влияние Совета, для борьбы с которым правительство само же вызвало войска. А потому, опираясь на заявления главнокомандующих Северным, Западным, Юго-западным и Румынским

фронтами в телеграммах за №№ 574 А, 10459, 493 и 145 (копии прилагаются), я решил выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1. исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся у меня сведениям, были явными предателями Родины и 2. перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть.

Для оказания давления на Временное правительство, я решил воспользоваться 3 конным корпусом генерала Крымова, которому и приказал продолжать сосредоточение к Петрограду.

История появления этого корпуса в районе Пскова, Великие Луки и Луги такова: в конце апреля, занимая должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, я, предвидя возможность падения Риги, развития операции немцев на побережьи Рижского и Финского заливов и Финляндии, приказал разработать в штабе Петроградского военного округа проект формирования отдельной Петроградской армии, с возложением на нее задачи: оборона подступов к Петрограду через Финляндию, южным берегом Финского залива и морем через Финский залив. В состав этой армии предполагалось включить войска, расположенные в Финляндии, в районе Ревеля и весь Петроградский гарнизон. Проект этого доклада мной доложен, примерно 29-30 апреля, бывшему верховным главнокомандующим генерал-от-инфантерии Алексееву, им одобрен, и им же был в штабе Петроградского военного округа, в присутствии моем и начальника штаба округа генерал-майора Серебренникова, продиктован помощнику начальника штаба полковнику Балабину, проект приказа верховного главнокомандующего о сформировании этой армии. Ввиду того, что через несколько дней я был назначен командующим VIII армией, проект этот, видимо, не получил осуществления.

Приняв должность верховного главнокомандующего, я, озабоченный принятием мер для обеспечения нашего положения на путях, ведущих к столице – Петрограду, приказал Штабу верховного главнокомандующего снова разработать вопрос о сформировании особой Петроградской армии, с включением в нее Балтийского флота, и о соединении фронтов Северного и Западного в один Северо-западный, со штабом в Витебске. Приказ о сформировании Петроградской армии был подписан мной 26-го августа, но в войсках он не рассылался ввиду того, что выделение этой армии и соединение фронтов я предполагал произвести только тогда, когда обстановка вынудит нас отходить с Венденских позиций. На должность командующего Петроградской армией мной был предназначен командир 3-го конного корпуса генерал Крымов, один из лучших, энергичных и решительных генералов нашей армии. Генерал Крымов был вызван мной

в Ставку и получил приказание ознакомиться со всеми соображениями по обороне подступов к Петрограду через Финляндию и от побережья Рижского залива, а также приступить к постепенному сформированию штаба армии.

В состав Петроградской армии было предположено включить войска, расположенные в Финляндии, Петроградский гарнизон, войска Ревельского укрепленного района, два правофланговых корпуса XII армии и конные части, направленные мной на усиление Северо-западного фронта с Юго-западного фронта, а именно: Кавказскую туземную конную дивизию и 3-ий конный корпус. Необходимость перевезения этих конных частей на Северный фронт почувствовалась еще раньше, когда обозначилась возможность наступления немцев против Риги. Поэтому распоряжение о перевозке Кавказской туземной конной дивизии из VII армии было сделано телеграммой от 7-го августа за № 5820 и первый ее эшелон был отправлен с Юго-западного фронта 10-го августа. (Прилагается справка из Штаба верховного главнокомандующего). Дивизия была направлена в район Великие Луки, Невель и Дно, где было указано переформировать ее, по прибытии Осетинской пешей бригады и двух туземных полков 2-ой конной кавказской дивизии, в Кавказский туземный конный корпус. Распоряжение 3-го конного корпуса из района Волочинска было отдано 12 августа, телеграммой за № 5955, причем было указано, что перевозку надо начать немедленно за последним эшелоном Кавказской туземной конной дивизии. Все эти части были взяты не с фронта, а из глубоких резервов армейских и фронтовых Юго-западного и Румынского фронтов. Таким образом, отправлением этих войск боевые линии нигде не были разр[у]шены или ослаблены. Кроме того, ввиду обозначившейся возможности наступления немцев в районах Якобштадта и Двинска, было телеграммой от 21-го августа за № 6187 приказано отправить с Юго-западного фронта одну пехотную дивизию и подготовить к посадке другую дивизию, для отправления также на Северный фронт. Для отправления на Северный фронт мной была выбрана Кавказская туземная дивизия и 3-ий конный корпус потому, что в тылу за расположением Северного фронта и поблизости к Петрограду я желал иметь части, способные устоять от разлагающего влияния Петроградского С. Р. и С. Д.

Приказ о формировании Петроградской армии, как было сказано выше, мной был подписан 26-го августа, так как только 24-го августа, в телеграмме за № 10085—36848, мне было сообщено министром-председателем согласие правительства на подчинение мне всей территории Петроградского военного округа, которая должна была войти в район Петроградской армии.

Генерал Крымов отправился в район расположения своих частей вечером 25-го августа. Перед отъездом, в дополнение к предписанию о подчинении ему Кавказской туземной конной дивизии, я дал ему две задачи: 1. в случае получения от меня или непосредственно на месте [?] о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы, 2. по окончании исполнения этой задачи, генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк.

Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовало 8-го августа и доклад об этом Морского генерального штаба, с резолюцией министра-председателя, был представлен начальнику Штаба верховного главнокомандующего при письме адмирала Максимова. На случай необходимости усилить войска генерала Крымова, мной было приказано командиру 1-го конного корпуса поступить в распоряжение генерала Крымова с двумя полками 5-й кубанской дивизии, сосредоточенной в районе между Выборгом и Петроградом. Екатеринодарский казачий полк этой дивизии был оставлен в Гельсингфорсе по требованию генерал-губернатора Финляндии г.Стаховича для поддержания там порядка, ввиду ожидающегося восстания большевиков. Кроме того флоту было приказано в случае, если в городе Гельсингфорсе возникнут беспорядки, то судовой артиллерии разгромить город [так!]. Телеграмма об этом приказании, за подписью генерала Лукомского, была мной одобрена, и на ней имеется вверху моя собственноручная подпись. Ввиду ненадежности некоторых войсковых частей Ревельского укрепленного района, я приказал перевести из города Проскурова, т.е. глубокого резерва, стоявший в этом городе на отдыхе Корниловский пехотный полк, как одну из наиболее твердых и надежных частей. Головные эшелоны этого полка проходили через Могилев 27-го августа и полк мной был задержан ввиду разыгравшихся событий.

Генерала Крымова я больше не видел. Невыполнение им возложенной на него задачи я приписываю тому, что с ним была прервана связь и он не мог получить последних моих указаний. Особых мер для поддержания с ним связи не было принято потому, что корпус направлялся в Петроград по требованию Временного правительства и я не мог предвидеть того положения дел, что связь его с Ставкой будет прервана распоряжением правительства же. 29-го августа я послал ему [при]казание продолжать движение и, в случае дальнейшего перерыва связи, действовать сообразно

с обстановкой, в духе моих первоначальных указаний. Письмо было послано с офицером – летчиком, фамилии не помню, но доставлено ли ему это письмо – мне неизвестно.

30-го августа, узнав из разговора по прямому телеграфному проводу о смерти генерала Крымова, я принял меры для бескровной и безболезненной для страны и армии ликвидации столкновения моего с министром-председателем г. Керенским.

Начиная с 27-го августа я не прекращал управления армиями, следил за положением на фронтах и делал распоряжения, что видно из моих отметок на оперативных сводках. Ввиду того, что г. Керенским было сделано распоряжение о неисполнении моих оперативных приказаний я, как только вошел в связь с генералом Алексеевым, потребовал отмены этого распоряжения господина Керенского. (Справка: мой разговор по прямому телеграфному проводу с генералом Алексеевым 30-го августа). Затем я заявил через генерала Алексеева Временному правительству, что я приму немедленно меры к успокоению тех кругов, которые последовали за мной, как только выяснится, что Временное правительство стало на путь создания твердой власти и, наконец, я настойчиво просил генерала Алексеева ускорить его приезд в Ставку. Как только я получил сведение, что он выехал, я немедленно отдал приказ частям Могилевского гарнизона сохранять полное спокойствие и подчиниться генералу Алексееву по приезде его в Ставку.

Получив 30-го августа распоряжение Временного правительства о том, что запрещение исполнять мои приказы отменено, я немедленно отдал приказание продолжать намеченные стратегические перевозки для усиления Северного фронта. Из этого следует, что генерал, обвиненный г. Керенским в измене и предательстве Родины, тем не менее до вечера 1-го сентября оставался руководителем обороны государства.

Ни в каких заговорах я не состоял и не состою. Во всех своих разговорах с представителями различных политических партий я всегда заявлял, что ни к каким политическим партиям не принадлежал и не принадлежу, а всегда поддерживал и буду поддерживать те из них, которые стремятся, задаются одним намерением: спасти страну от гибели и вывести армию из состояния развала. Я заявлял, что всегда буду стоять за то, что судьбу России и вопрос о форме правления страны должно решить Учредительное собрание, которое одно лишь может и должно выразить державную волю Русского Народа и его дальнейшей судьбе [так!]. Я заявлял, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановлени[е] Дома Романовых, считая, что эта династия, в лице ее последних представителей, сыграла

роковую роль в жизни страны. Мне не было известно ни одной организации, которая бы стремилась к достижению тех же целей, во имя которых действовал я. Когда я выступил против министра-председателя, офицеры штаба, узнав об этом, немедленно и точно исполняли мои приказания. Приняв на себя такую ответственность, я не допускал даже и мысли, чтобы кто-нибудь не исполнил моих приказаний. Мотивы моего выступления и последовательность развития его видны из приказов моих за № 897 и 900, отданных мной 28 и 29 августа и из обращений к народу и казакам.

Бывшего командующего войсками Московского военного округа, полковника, ныне генерал-майора, Верховского я видел 26 августа: он был приглашен в Ставку для обсуждения вопроса о сокращении численности армий. В разговоре с ним я коснулся вопроса об установлении в стране диктатуры, как неизбежного следствия тяжелого положения страны и возможных результатов такой меры. Генерал-майор Верховский высказался, что, по его мнению, установление единоличной диктатуры могло бы вызвать большие потрясения в стране, диктатура же коллективная могла бы быть осуществлена с меньшими потрясениями. В беседе нашей ничего конкретного, ни имен, ни времени не указывалось. Я просил генерал-майора Верховского остаться в Ставке еще на следующий день, им[е]я намерение переговорить с ним по вопросам, разрабатываемым в штабе, но ввиду его заявления, что он должен спешить в Москву, я распростился с ним.

С генералом Калединым мы старые боевые товарищи. Мы оба командуя дивизиями, бились рядом в боях под Львовым. В мае этого года я принял после него VIII армию. Как старый боевой офицер, с болью в сердце смотрящий на развал нашей, некогда могучей, армии, и как казак по рождению, я с глубоким сочувствием отношусь к генералу Каледину – этому рыцарю нашего казачества. Незадолго перед Московским совещанием, председатель совета Союза казачьих войск, войсковой старшина Дутов, приезжавший ко мне в Ставку по делам Союза, просил меня послать телеграмму генералу Каледину с предупреждением, что его собираются арестовать в Москве, во время совещания. Послана ли была такая телеграмма, я не помню, но заметка о просьбе войскового старшины Дутова сохранилась на отрывном блокноте, найденном у меня в кабинете. С генералом Калединым я виделся 13-го августа, когда генерал Каледин от имени казачества приветствовал меня по случаю приезда в гор. Москву. Вечером того же дня он был у меня в вагоне и мы беседовали с ним на тему о состоянии страны и армии и о содержании речей, с которыми мы предполагали выступить на совещании. 29-го

августа, с моим ординарцем В.С.Завойко, я послал генералу Каледину письмо, в котором ориентировал его в положении дел и просил его, с своей стороны, оказать содействие в моем давлении на Временное правительство. Дошло ли это письмо, мне неизвестно. Ввиду получения мной от генерал-губернатора Финляндии сведений о тревожном положении в крае, 25-го августа, телеграммой за № 6314, я предложил генералу Каледину одну из донских казачьих дивизий, формировавшихся в области и предназначавшихся к отправлению на Кавказский фронт, направить в Финляндию через Москву. 30-го августа, после переговоров моих с генералом Алексеевым, распоряжение это было отменено телеграммой № 11766.

С членом первой Государственной Думы А.Ф.Аладьиным раньше я не был знаком. 3-го августа, когда я был в Петрограде, он прибыл из Англии и тотчас же приехал ко мне в вагон с приветом от главнокомандующего английскими войсками в действующей армии, генерала Робертсона, которому представлялся перед своим отъездом в Россию. Разговор наш продолжался несколько минут и касался исключительно состояния и организации английской армии, при которой А.Ф.Аладьин пробыл некоторое время. Второй раз я его видел в Москве, во время Государственного совещания. Мы обменялись с ним нашими впечатлениями по поводу речей, произнесенных во время заседания. А.Ф.Аладьин показался мне человеком очень интересным, отлично ознакомленным с настроением политических кругов в России, Англии, Франции и Америки, почему я пригласил его навестить меня в Ставке. Он приехал ко мне 24-го или 25-го августа, в точности не помню, остался моим гостем и был застигнут событиями в Могилеве. Когда возник вопрос о возможности изменений в составе правительства, я интересовался его мнением о представителях наших крупных политических партий.

С В.С. Завойко я познакомился в апреле этого года, в Петрограде. По имеющимся у меня сведениям, он, несколько лет тому назад, был предводителем дворянства Гайсинского уезда, Подольской губ., работал на нефтяных промыслах Нобеля в городе Баку и, по его рассказам, занимался исследованием горных богатств в Туркестане и Западной Сибири. В мае месяце он приехал в Черновицы и, зачислившись добровольцем в Дагестанский конный полк, остался при штабе армии в качестве личного при мне ординарца. Отлично владеет пером: поэтому я поручал ему составление тех приказов и тех бумаг, где требовался особенно сильный, художественный стиль. По моему приказанию и по моим указаниям им составлены телеграммы к начальствующим лицам и обращение к народу, выпущенные мной 27 и 28 августа. Приказы

за № 897 и 900, отданные 28 и 29 августа, были написаны по моему приказанию и по моим указаниям в штабе, а воззвание к казакам составлено лично мной.

С штабс-капитаном Филоненко я впервые познакомился в мае настоящего года. Он прибыл в VIII армию, которой я командовал, в качестве комиссара Временного правительства. В июне, во время подготовки армии к наступлению, он проявил много уменья, энергии, настойчивости и решительности в деле согласования работы командного состава с комитетами и при водворении порядка в частях, в которых обозначилось резкое нарушение дисциплины и порядка, а в боях, во время Станиславовского прорыва, принимая непосредственное участие в боевых действиях войск, проявил много личного мужества и воинской доблести. С назначением меня главнокомандующим Юго-западного фронта, штабс-капитан Филоненко был назначен фронтовым комиссаром, а затем комиссаром Временного правительства при верховном главнокомандующем. Он был открытым сторонником проведения твердых и решительных мер в деле оздоровления армии и страны, пользовался моим полным доверием и был посвящен в мои пожелания и предположения относительно необходимых изменений, которые, по моему мнению, могли обеспечить стране власть твердую, работоспособную и честную.

К некоторым из моих сотрудников по штабу и, в частности, к генералам Лукомскому, Тихменеву штабс-капитан Филоненко относился с недоверием и даже пытался подготовить почву для удаления генералов Лукомского и Тихменева из Ставки, но я этому решительно воспротивился, считая, что право и ответственность за выбор помощников должн[ы] лежать всецело на начальнике, и слаженность работы в штабах, особенно в высших, несравненно важнее, чем принадлежность к каким-либо политическим партиям. Штабс-капитан Филоненко неоднократно докладывал мне, что деятельность Главного комитета Союза офицеров армии и флота внушает опасение и другим комиссарам. Поэтому я согласился на перевод Главного комитета в Москву и в этом направлении дал 21-22 августа указание председателю комитета, подполковнику Новосильцеву. 27 августа штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он предполагает отправиться немедленно в Петроград. Находя, что присутствие его в Ставке, ввиду еще невыяснившегося положения в вопросе о сдаче мной должности верховного главнокомандующего, представляется мне более полезным для дела и, кроме того, имея сведения, что против штабс-капитана Филоненко существует большое возбуждение в офицерских кругах, я предложил ему остаться в Могилеве или отложить свой

отъезд до 28 августа, заявив, что ему 27 августа не будет предоставлено ни места в вагоне, ни автомобиля. Штабс-капитан Филоненко доложил мне, что он получил приказание ехать в Петроград и желал бы получить удостоверение, что он не исполнил этого приказания не по своей вине. Тогда я послал телеграмму управляющему Военным министерством, что штабс-капитан Филоненко задержан мной. Никакому аресту штабс-капитан Филоненко не подвергался, а в ночь с 27-го на 28-е августа ему, для следования в Петроград, был предоставлен экстренный поезд.

Помощник комиссара г. Фонвизин был задержан вследствие неправильно понятого дежурным офицером приказания. Как только мне было доложено о задержании г. Фонвизина, я пригласил его немедленно к себе, приказал освободить его и вернуть отобранный у него револьвер.

(...)

[Пропущен список приложенных к показанию ген. Корнилова 24-х документов].

Генерал-от-инфантерии К о р н и л о в.

Председатель Комиссии Ш а б л о в с к и й.
Члены Комиссии: полковник У к р а й н ц е в, полковник Р а у п а х и Н. К о л о к о л о в.

* *
*

Первоначальное показание ген. Корнилова (его "объяснительная записка", как он его называл) было написано 1 сентября 1917 г. К нему была приложена запись дополнительного допроса генерала Чрезвычайной следственной комиссией. Этот документ приведен в приложении к книге Мартынова "Корниловский мятеж" в следующем виде:

ПРОТОКОЛ

1917 г. сентября 24, члены Чрезвычайной комиссии по делу о генерале Корнилове и др. допрашивали нижепоименованного.

Генерал Корнилов, показываю дополнительно:

Предъявляемое вами мне письмо от 30 августа на имя Крымова написано мне лично. По содержанию его на ваши вопросы отвечаю: под

организациями, упоминаемыми в письме, я разумею офицеров, отправившихся в Петроград, ранее вызванных для обучения бомбометанию, а затем командированных в Петроград для того, чтобы их влить в полки Петроградского гарнизона и удержать последние от содействия большевикам.

Генералу Каледину было отправлено два письма однородного содержания с двумя лицами – с Завойко и каким-нибудь офицером, которого я приказал назначить. Участь обоих писем мне неизвестна. Письма через Завойко в Асхабад не посылал. Упоминаемая в письме инструкция заключалась в решительном подавлении большевиков, аресте советов, если они поддержат это движение, разоружении рабочих и упразднении Кронштадта. Никаких действий против Временного правительства в инструкции не указывалось; содержание инструкции было известно Савинкову.

Письмом к Крымову, я предлагал ему действовать, как в том случае, если бы движение большевиков возникло. Письмо это я приказал отправить с кем-нибудь из офицеров; с кем оно было отправлено, не знаю наверное.

С генералом Калединым я два раза пытался говорить по прямому проводу, но оба раза неудачно: кто-то в пути перебивал. Посылались ли тогда же генералу Каледину телеграммы, не помню.

На ваш вопрос отвечаю: днем 26-го ко мне пришел кто-то из офицеров и сказал, что офицерам, отъезжающим в Петроград, нужно дать денег. Деньги нужно было выдать спешно, мне сказали, что достать их сейчас нельзя, я и выдал 5-6 тысяч рублей, бывших у меня в письменном столе, присланных мне для какой-то определенной цели и не переданных еще по назначению. Вместе с тем, я приказал, чтобы расход этих денег был потом как-нибудь оформлен.

Относительно вызова казаков с Западного фронта для рекогносцировки Финского побережья я ничего точного показать не могу. Вероятно у меня спросили разрешения послать, я и послал. Нужно сказать, что в это время мною было приказано всеми мерами усиливать оборону Ревельского района, рекогносцировать дороги, наметить позицию, предполагалось послать туда офицеров.

Георгиевские кавалеры вызывались с фронта потому, что мною было приказано заменить ими в Георгиевском батальоне нераненых [так!] и тех, кто был скомпрометирован принятием денег во время выборов.[2]

23-го вечером, при обсуждении вопроса о выделении г.Петрограда, я помню, что меня в мысли о невозможности выделения Петрограда поддерживал Барановский, но в каких именно выражениях – не помню.

Разговаривая с Савинковым о тех мероприятиях, которые должны быть приняты в случае выступления большевиков, я ни минуты не сомневался, что Савинков говорит со мною по поручению Временного правительства, в частности министра-председателя, что Савинков и подтверждал в разговоре со мною по прямому проводу 27 августа.

Когда 24 августа, часов в 11, ко мне пришел Львов, то он сразу сказал, что он явился от Керенского с поручением. На мой вопрос, в чем дело, он сказал, что А.Ф. Керенский просит меня высказать мое мнение о положении страны и желает знать, что, при создавшемся положении, не следует ли ему уйти от власти; если же он может рассчитывать на мою поддержку, то он останется. При этом Львов мне сказал, что он однажды уже был посредником при организации власти Керенским. Содержание моего ответа Львову изложено в моем первом показании и из него видно, что я Временному правительству никаких ультиматумов не предъявлял, а лишь высказывал мое мнение на поставленные вопросы Львовым от имени Керенского.

Генерал Крымов двигался к Петрограду в качестве командира Конного корпуса, будучи осведомлен, что в случае сформирования Петроградской армии, о чем шли сношения, он предназначается командующим ею. Савинков просил меня не посылать к Петрограду генерала Крымова и Туземной дивизии. Категорического обещания я ему не давал, а сказал "попробую".[3]

Прочитано. Генерал Корнилов.

* *
*

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ

1. В архиве Колумбийского университета не хранится никаких приложений к публикуемой нами копии показания ген. Корнилова.
2. Как было указано выше (см. главу 9), георгиевским крестом награждали за храбрость в бою. Были особые кресты для солдат и офицеров. Офицерский орден "Св. великомученика и победоносца Георгия" был разделен на четыре степени. Во время Мировой войны имели место массовые награждения георгиевским крестом, и орден был использован не только в качестве награды за боевые подвиги, но и для поощрения патриотического духа войск. После Февральской революции был создан особый Георгиевский батальон для охраны Ставки. Но многие георгиевские кавалеры стали скоро политически неблагонадежными, и поэтому Корнилов захотел их заменить солдатами, действительно заслужившими орден за военные подвиги, о чем могло свидетельствовать их ранение в бою и последующее возвращение в часть. Среди подлежащих замене были и георгиевские кавалеры, которые были подкуплены по случаю различных выборов, проводившихся тогда в частях гарнизона г. Могилева. Следственная комиссия хотела выяснить, почему в Ставку вызывали солдат из различных частей армии.
3. Ответ Корнилова на просьбу Савинкова не назначать ген. Крымова командующим выступающим на Петроград 3-м конным корпусом передается по-разному. Мартынов, в опубликованном им дополнительном показании Корнилова приводит слово "попробую". Другие источники, например ген. Лукомский (см. главу 5), предполагают, что Корнилов вообще ничего не ответил. На самом же деле Корнилов мало что мог сделать в этой ситуации: Крымов уже получил все инструкции и собирался выехать из Ставки в свой корпус, в то время как Туземная дивизия была уже в пути. При таком состоянии дел согласиться на просьбу Савинкова было бы совершенно против принятых в армии правил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Наряду с источниками, указанными в примечаниях к отдельным главам, мы использовали ряд материалов, на которые следует обратить внимание читателю, интересующемуся "делом Корнилова". Рукописные материалы разбросаны по всему свету. Некоторые из них были вывезены за границу русскими эмигрантами, но большинство их осталось в России, хотя и доступно советским историкам лишь частично. Отдельные документы, относящиеся к работе Чрезвычайной следственной комиссии, также оказались за границей. Самый важный из них – показание ген. Корнилова (его "объяснительную записку") – мы целиком привели в приложении: это один из наиболее ценных материалов по этому делу. Другие важные документы, например, отчеты Кокошкина и Кишкина Московскому городскому комитету кадетской партии сразу после корниловских дней, также оказались в заграничных архивах.

При написании настоящего труда мы пользовались материалами, найденными в архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), среди бумаг П.Н. Милюкова. Безусловно существуют и другие личные архивы, с которыми нам ознакомиться не привелось. Некоторые из них хранятся в полковых архивах белый частей. При использовании историком материалов такого рода камнем преткновения является дата написания воспоминаний. Годы (иногда даже месяцы), проведенные в эмиграции, порой так искажают восприятие прошлого у авторов, что они опускают или придумывают факты.

Даже такой, казалось бы, надежный источник для событий этого периода, как запись разговоров по прямому проводу, должен быть использован с осторожностью. События июля и августа 1917 года происходили во время, когда прямая телефонная связь на дальнее расстояние была еще невозможна. Тогда пользовались аппаратом Юза – вид телеграфа с печатающим устройством. Находящийся на одном конце провода должен был записать свое сообщение или устно передать его телеграфисту, который затем передавал его по прямому проводу, обычно по азбуке Морзе, телеграфисту, находящемуся на другом конце линии. Ответ передавался подобным же способом. Оригинальный текст разговора оставался у телеграфиста, который передавал говорившему переписанную или напечатанную копию с него. Процедура разговора была очень медленной, особенно когда приходилось зашифровывать и расшифровывать передаваемый текст. К счастью для историков, определенное количество лент с переговорами по аппарату Юза сохранилось. Некоторые находятся в советских архивах, другие были вывезены в Киев перед самым приездом в Ставку нового Верховного Главнокомандующего – Крыленко. Несколько таких записей

было использовано при написании настоящего труда; некоторые другие были опубликованы, не только советскими исследователями, но и в эмиграции — участниками описываемых событий. Но ленты и перепечатки разговоров по аппарату Юза не обязательно должны считаться более надежными источниками, чем другие. Прежде всего, телеграфист или лицо, перепечатывавшее текст разговора, легко могли внести в текст едва заметные изменения, способные сильно исказить смысл документа. Это происходило, главным образом, из-за пропусков, внесения посторонних деталей и даже, в исключительных случаях, настоящих переделок текста. (См. нашу статью: "Soviet historical sources in the post-Stalin era", in J. Keep and L. Brisby (eds). Contemporary History in the Soviet Mirror. London, 1964, pp. 130—154).

В нашей книге почти не упоминается советская официальная концепция выступления Корнилова, изложенная в различных публикациях. Она сводится к тому, что с самого момента крушения царской власти ряд генералов и представителей деловых кругов вели заговорщическую деятельность, направленную на реставрацию старого режима, и стремились помешать социализму укорениться в России. Их интриги потерпели поражение благодаря бдительности большевистской партии, которая к тому же раскрыла двойную игру эсеров и меньшевиков.

Эта концепция была впервые изложена в 1927 году в примечательном труде генерала Мартынова — "Корнилов, попытка военного переворота" (Ленинград). Эта книга, предназначенная, видимо, в первую очередь командирам Красной армии, долго и явно нарочито не упоминалась в советской исторической литературе по этому вопросу. Лишь с публикацией книги Н.Я. Иванова "Корниловщина и ее разгром" (Ленинград, 1965) стал вновь систематически закладываться фундамент нынешней советской концепции. Несмотря на общую несостоятельность, которая очевидна при ознакомлении с документами, опубликованными в настоящем труде, книги Мартынова и Иванова тем не менее открывают читателю доступ к крупицам той информации, которая содержится в советских архивах. Настаивая на значении объединения пролетарских масс вокруг большевиков, Иванов не подчеркивал помощи, якобы полученной российской "контрреволюцией" из заграницы, подобно своим предшественникам Л. Бромбергу и И. Якушеву в книге "Большевики — организаторы разгрома корниловщины" (Москва, 1957), утверждавшим, что Корнилов пользовался активной поддержкой Союзников и в особенности Англии. Этому утверждению полностью противоречат протоколы заседания Британского правительства, состоявшегося через год после "дела Корнилова": в них содержится откровенное признание лорда Керзона в том, что правительство, вероятно, совершило ошибку, не оказав полной поддержки корниловскому выступлению. Новейшие советские историки обычно пишут о "разгроме" корниловского движения, но мы знаем, что этот "разгром" не сопровождался ни единым выстрелом, хотя после ареста Корнилова было убито большое количество офицеров, действительных или предполагаемых сторонников "мятежного" главнокомандующего.

В официальной публикации Академией Наук СССР документов, относящихся к революции 1917 года (см. прим. 10 к главе 1), употребляется формулировка "Разгром корниловского мятежа", как подзаголовок тома, названного "Революционное движение в России в августе 1917 г.". В этом томе публикуется большое количество документов, хранящихся в различных отделах Центрального государственного архива Октябрьской революции. Многие из них были использованы в настоящем труде, в том числе и некоторые материалы Чрезвычайной следственной комиссии.

Но факт, что само показание Корнилова комиссии, написанное им сразу же после ее приезда в Ставку, не включено в книгу и что другие важные свидетельства, например рассказ Лукомского, в ней приведены лишь в выдержках, означает, что эта публикация заслуживает доверия, лишь поскольку ее содержание подтверждается независимыми источниками. Среди пропущенных в книге документов – опровержение В.Н.Львовым его первоначального утверждения, что Корнилов представил свои требования в виде ультиматума.

Некоторые из "документов", включенных в книгу, не внушают большого доверия. Среди них, например, текст телеграммы, приписываемой Корнилову, каким-то людям в Киеве, представленным как заговорщики. Этот приказ (или письмо) был опубликован в "Известиях" Петроградского Совета (№ 162 от 15 сентября 1917, стр.1). Он заключается в серии безграмотно написанных инструкций с требованием собрать секретную информацию о студенческих волнениях, имевших место в марте, о настроениях населения, результатах агитации, проведенной согласно плану, выработанному на встрече в Москве, и о назначении Медера киевским генерал-губернатором. Но в действительности Медер сидел тогда в тюрьме в Петрограде. Его арестовали, чтобы спасти от киевской солдатни, грозившей закопать его живым в землю. (См. об этом: "Революционное движение в России в августе 1917г.", стр.440). Текст этого "приказа" был якобы найден офицером в кабинете Корнилова. Письму-приказу приписывается дата 26 августа, но в этот день у ген. Корнилова были все основания думать, что удастся избежать вооруженного столкновения и вообще какого бы то ни было насилия, день, когда Временное правительство должно было быть реорганизовано мирным путем...

Другим примером крайне ненадежного документа является приказ от 27 августа главнокомандующему подходящими к Петрограду частями ввести в бой войска Временного правительства. Этот документ не сопровождается ссылкой на архив, а перепечатывается из большевистской газеты "Рабочий путь" (№2, 18/5 сентября 1917, стр.3. См.: "Революционное движение в России в августе 1917г.", стр.452).

В последние годы в Советском Союзе был опубликован ряд исследований, которые, хотя и полностью принимают ленинское толкование "дела Корнилова", тем не менее широко используют материалы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве, и даже антибольшевистскую печать того времени. Особого упоминания заслуживает книга, представленная как воспоминания ген. А.И.Верховского, – "На трудном перевале" (Москва, 1959). Автор ее, характерная фигура авантюриста эпохи русской революции, сперва учился в одном из провинциальных кадетских корпусов, а затем, незадолго до начала революционных событий 1905 года, был переведен в Пажеский корпус в награду за блестящие школьные успехи и назначен личным пажем Государя. Когда началось революционное брожение, Верховского послали урезонить солдат, склонных к мятежу, вместо чего он, говорят, спросил их, почему они еще не полностью примкнули к революции. За это он был по просьбе однокашников исключен из Пажеского корпуса, несмотря на снисходительное отношение начальства к этому инциденту. Закончив другое военное училище, Верховский воевал в Японскую войну, был награжден Георгиевским орденом и после войны был зачислен в армейский Финляндский стрелковый полк. В награду за образцовую службу он, был, видимо, послан за границу с поручением, характер которого и по сей день остается таинственным.

Югославский историк Владимир Дедиджер (Vladimir Dedijer. The Road to Sarajevo. London, 1967, pp.431–437), который предполагал, что Верховский служил

в русском посольстве в Белграде и собирал сведения о Балканской войне, подозревал его в поддерживании контактов с русскими революционерами в Швейцарии и считал, что Верховский мог быть вовлечен в убийство в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда.

По возвращении из Белграда в Россию в первые дни Мировой войны Верховский присоединился к своему полку и был вскоре тяжело ранен. Затем он оправлялся от ранения в Крыму и Временным правительством был назначен главнокомандующим Севастопольским военным округом (отличным от морского). Когда возник конфликт между главнокомандующим Черноморским флотом адм. Колчаком и революционно настроенными матросами, он приложил большие усилия для восстановления власти Колчака. Произведенный в полковники, Верховский вскоре был Временным правительством назначен главнокомандующим Московским военным округом. На этой должности он проявил себя сторонником строгого соблюдения дисциплины в войсках и принял меры для усмирения вооруженного восстания в Нижнем Новгороде. Корнилов, который лично знал Верховского, принял его незадолго до рокового дня 27 августа. Они тогда расстались холодно, но не враждебно, и Верховский обещал Корнилову свою поддержку при условии, что тот ничего не будет предпринимать против Временного правительства и будет бороться только против анархии в стране и большевиков. В то время для Корнилова не представляло никаких затруднений его в этом заверить.

Когда разыгрались события, описанные в настоящей книге, Верховский провозгласил свою поддержку Временному правительству и по собственной инициативе послал карательную экспедицию против Ставки, которая была остановлена Керенским по настоятельной просьбе ген. Алексеева. Тем не менее, Верховский был произведен в генерал-майоры и назначен военным министром в последнем (четвертом) Временном правительстве. На этом посту он оставался недолго: на совещании правительственной подкомиссии, а позже и на заседании правительства, Верховский высказал убеждение в том, что Россия не в состоянии вести войну, и в результате был немедленно уволен.

После Октябрьского переворота Верховский эмигрировал и опубликовал книгу, давно ставшую библиографической редкостью – "Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914–1918 гг." (Петроград, 1918). Упомянутая выше книга "На трудном перевале" была опубликована посмертно. В ней описывается возвращение Верховского в Советскую Россию, где он сделал карьеру в Красной армии и имел личные контакты с Лениным. Кое-где книга неуклюже обработана официальным марксистским редактором, но содержит некоторые интересные места, совершенно не противоречащие нашей концепции событий. Она представляет собой такую смесь подлинных воспоминаний, надуманных рассуждений, легенд и категорических объяснений, что уже не удивляют те трудности, на которые наталкивается попытка установить даже точную дату смерти автора. В редакционном примечании к книге указано, что Верховский до самой смерти в 1941 году работал в Академии Генерального штаба Красной армии. Согласно же Большой Советской Энциклопедии (3-е изд., т. 4, Москва, 1971), он умер в 1938 г. Это противоречие весьма существенно, если иметь в виду, что причины смерти представителей высшего командования советских вооруженных сил могли быть в эти два года совершенно различными.

Пользуясь источниками, независимыми от большевистского надзора, также следует проявлять осторожность. Скрываясь в России после Октябрьского переворота,

Керенский опубликовал книгу, излагающую его интерпретацию корниловских событий: "Дело Корнилова" (Москва, 1918). В этой путаной книге приводится показание, добровольно данное Керенским Чрезвычайной следственной комиссии, в его собственном изложении и с пространными комментариями. Позже Керенский написал ряд других книг, посвященных тем же событиям: "La Catastrophe" (Paris, 1927), "The Crucifixion of Liberty" (London, 1934) и наконец "Russia and History's Turning-Point" (New York, 1965). В большинстве случаев эти книги освещают события так же, как "Дело Корнилова" (переведенное на несколько языков). В настоящем труде мы ссылались на некоторые позднейшие отклонения Керенского от его первоначальной концепции.

Керенский также опубликовал множество статей в русской эмигрантской печати и долго разъезжал с докладами, целью которых было оправдание его поведения в июле и августе 1917 года. По мере того как проходило время, все меньше людей сочувственно относилось к его усилиям, даже если они никоим образом не одобряли тактики Корнилова в его конфронтации с министром-председателем, к которой и сводилось все "дело". Теория Керенского о заговоре "военачальников и капиталистов" (к которому он сам, как он торжественно утверждал, не имел никакого отношения) получила поддержку, главным образом, от людей, находившихся в 1917 году в его окружении. Можно назвать таких авторов, как Ф.А.Степун (F.Stepun. Vergangenes und Unvergängliches: aus meinem Leben 1914–1917. 2 TT, München, 1948) или В.Б.Станкевич (Воспоминания 1914–1919 гг. Берлин, 1920). Среди сочинений либеральных политиков, с которыми Керенский был в близких отношениях либо по масонской деятельности, либо по участию в Четвертой Государственной Думе, можно указать книгу П.Н.Милюкова "История Второй Русской Революции". Т.1 (единственный опубликованный), части 1–3, София, 1921–1924. Об отношении к "делу Корнилова" В.А.Маклакова свидетельствует его собственное, пусть даже излишне замысловатое, письмо, текст которого приведен выше (глава 11).

В сочинениях бывших меньшевиков фигура Корнилова обходится полным молчанием. В своей книге о революции 1917 года, в других отношениях весьма ценной (R.Abramovich. The Soviet Revolution 1917–1939. London, 1967), лидер меньшевиков за границей Р.Абрамович странным образом путает обоих Львовых (князя Г.Е.Львова и бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В.Н.Львова). Правда, Абрамович к моменту появления книги был уже очень старым человеком, но удивительно, почему никто из его друзей не смог до выхода книги из печати исправить этот явный провал памяти.

Книге Керенского и выдвинутой в ней теории сильно досталось от бывшего товарища военного министра Б.В.Савинкова, в его энергичном и находчивом ответе на книгу Керенского: "К делу Корнилова" (Париж, 1918). Никогда более, за все время своей авантюрной и трагической карьеры, Савинков не возвращался к событиям августа 1917 года. Много сведений об этой яркой личности можно найти в воспоминаниях Зинаиды Гиппиус – "Синяя Книга" (Белград, 1929).

Ряд материалов, иногда устаревших и зачастую агиографического характера, содержится в семи томах периодического издания "Белое Дело. Летопись белой борьбы" (Берлин, 1926–1933), а также в "Белом Архиве" (3 тт., Париж, 1926–1928), под редакцией Я.М.Лисового. Но, как правило, в этих изданиях больше внимания уделяется сложной истории различных антибольшевистских движений, возникших на территории бывшей Российской империи, чем интересующим нас в первую очередь событиям июля и августа 1917 года.

Среди монографий, посвященных личности Корнилова, можно указать интересную книгу журналиста А.А. Суворина (А. Порошина) "Поход Корнилова" (2-е изд., Ростов-на-Дону, 1918). Но в ней больше места уделяется восхвалению подвигов Добровольческой армии в начале 1918 года, чем установлению подлинных причин злополучного увольнения Корнилова с должности Верховного Главнокомандующего, которое послужило началом печальных событий, приведших Россию к гражданской войне.

Называя вышеприведенные труды, мы сознательно избегали ссылаться на те статьи, которые изредка появлялись в русской эмигрантской печати с главной целью оправдать поведение автора в прошлом и очернить его политических противников. Мы также не сочли нужным подробно описывать такие военные операции, имевшие место в изучаемый нами период, как погрузки и выгрузки военных частей, предназначенных сыграть роль в возможном военном столкновении, ибо они не имели существенных стратегических или политических последствий.

Нам оставалось, таким образом, изучать скопление пострадавших от времени документов, напоминающих развалины памятников Древнего мира. Можно было, конечно, попытаться собрать вместе фрагменты прошлого и создать некую "воображаемую реконструкцию" исторических событий, как это делается с памятниками древности в школьных учебниках. Но мы от такой попытки отказались, предоставив эту возможность любознательному читателю.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Год рождения перечисленных ниже лиц был установлен с максимально возможной точностью. Год смерти установить было труднее, особенно для эмигрантов и жертв сталинского террора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 23 JANVIER 1987
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9752

СЕРИЯ ИНРИ

Вышли из печати:

1. В.В. Леонтович. История либерализма в России (1762–1914).

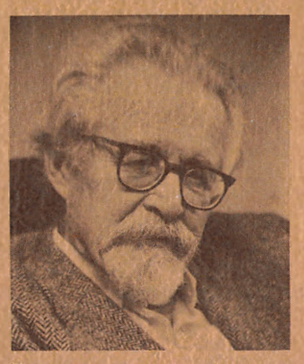
2. Народное сопротивление коммунизму в России.
Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М.С. Бернштам.

3. Народное сопротивление коммунизму в России.
Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М.С. Бернштам.

4. Г.М. Катков. Февральская революция.

5. Ю.Г. Фельштинский. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июль 1918.
На пути к однопартийной диктатуре.

ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ КАТКОВ

родился в 1903 году в Москве. (Он был внучатым племянником известного журналиста и консервативного мыслителя Михаила Каткова). В 1921 г. он эмигрировал с семьей. Поступив в Пражский университет, Катков занимался индологией и философией, и в 1929 г. стал доктором философских наук. Он написал ряд работ о философии предшественника феноменологии Брентано и до 1939 г. был хранителем его архива.

Переехав в Оксфорд в 1939 году, Катков обратился к русской истории и посвятил себя главным образом изучению русской революции и ее причин. После войны он преподавал в Оксфордском университете и работал в русском отделе Би-Би-Си. В 1959 г. Катков был избран членом совета оксфордского колледжа св. Антония. В 1967 г. опубликовал по-английски книгу "Россия. Февраль 1917 г." (в 1984 г. переведенную на русский язык под названием "Февральская революция", № 4 серии ИНРИ), а в 1980 г. настоящую книгу — "Дело Корнилова".

Г. М. Катков скончался в Англии 20 января 1985 года.

ISBN 2-85065-100-3